А. Солженицын

Россия в обвале

А. Солженицын ■ Россия в обвале

А. Солженицын

РОССИЯ В ОБВАЛЕ

Москва
Русский путь
1998

ББК 84(2Рос)6
С60

ISBN 5-85887-030-7

“Часы коммунизма своё отбили. Но бетонная постройка его ещё не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами.” — Этой тревогой я начал в 1990 году работу “Как нам обустроить Россию?”.

Однако в тот год люди были захвачены жаркой поглядкой на телевизор, на заседания Верховного Совета, — ожидая, что там вот-вот откроются пути к новой жизни. И ещё большее ликование взвихрил 1991 год, у кого и 1992.

А теперь — и все признают, что Россия — расплющена.

Оправдатели настаивают, что иначе и пойти не могло, другого пути не было, это всё — *переходные трудности*. Здравомыслящие — уверены, что здоровые пути были, они всегда есть в народной жизни.

Как ни очевидна для меня правота вторых — спор этот уже отошёл в бесполезность: нам всем думать надо лишь — как выбираться из-под развалин.

При всей уже 12-летней затяжности нового глубокого государственного и всежизненного кризиса России, выпуская в свет нынешнюю работу — и последнюю мою на все эти темы, — я не надеюсь, что и мои соображения могут в близости помочь выходу из болезненного размыва нашей жизни. Эту книгу я пишу лишь как один из свидетелей и страдателей бесконечно жестокого века России — запечатлеть, что́ мы видели, видим и переживаем.

Конечно, далеко не единственный я, кто всё это знает и обдумывает. Есть немало у нас в стране думающих так или сходно. И множество напечатано разрозненных детальных статей о наших болях и уродствах. Но кому-то надо собраться, через вихри жизни, высказать и слитно всё.

В этой работе я продолжаю и ранее начатый ("Русский вопрос к концу XX века", 1994) отдельный разговор о нынешнем состоянии и судьбе народа — русского.

1. В РАЗРЫВАХ РОССИЙСКИХ ПРОСТРАНСТВ

За минувшие четыре года мне удалось побыть в 26 российских областях. Иногда это были только областные города, но чаще — с поездками в районные центры и дальше, в глубину областей. Состоялось у меня до ста общественных встреч (с присутствием от 100–200 до 1500–1700 человек, разговоры на любую тему, и никем не стеснённые), после каждой встречи — сталпливались вокруг, продолжался обмен мыслями, фразами, и так — с тысячами людей. Ещё отдельно — встречи личные, ещё — обсужденья по нескольку человек (нередко с губернскими руководителями). Всё вместе создало у меня живое и немеркнущее ощущение жизни и настроений нашего народа, в разных его слоях. (Снова и снова многократно подкреплённое тысячами писем со всех концов страны.) Я пишу и эту малую книгу как объятый нашим множеством, рассыпанным по разорванным ныне пространствам России, а страдающим так сходно, — повторность, повторность, повторность вопросов, забот, тревог, — Россия, как ни кромсают её, ещё единый организм! Пишу, овеянный теми наставлениями, напутствиями, просьбами и прощальными словами. Мне никогда уже не повидать такого отечественного объёма — но и вобранного его дыхания хватит на остаток моих дней. (А — ещё бы гонял по Руси ненасытно, в каждом месте оставил сердце.) И эту книгу я пишу, ощущая на себе все те требовательные и просящие, растерянные, гневные и умоляющие взгляды.

Не тщусь передать хотя бы заметную долю, что́ слышал: на то понадобился бы большой том. Только по несколько ноток.

"Выбивают всё из рук." "Никому ничего не нужно. У правительства нет программы." "Ждали демократию, а сейчас никому не верим." (Красноярский комбайновый.) — "Кто честно работает — тому теперь жить нельзя." "Работаем только по привычке, никто не видит пути." "От нас ничего не зависит." (Бийский химкомбинат. Раздирает сердце униженная печаль в глазах молодых мужчин, ушедших с упразднённой квалифицированной работы — в подсобники.) — "Теперь кто не работает — живёт лучше. Повезёшь на базар, а там собирают дань. Меньше производить — меньше убытки" (сельский староста из Уссурийского района). — "Земельный закон составляют, кто сам никогда не жил в деревне" (другой староста, там же). — Учёные Океанологического института не только жалуются на свою нищету, но — как отравляем выбросами низшие организмы, оттого вымариваем на будущее целые биологические виды. (В обнищавший институт они ходят со своим инструментом и даже карандашами.) — На красноярской барахолке, расцвеченной привозными китайскими тканями, пожилая женщина-"челнок": "Я — учительница, мне стыдно, а вынуждена вот так зарабатывать." Я ей: "Это — России должно быть стыдно."

Студенты: "Доживём ли, чтобы наука ценилась больше торговли?" — "Дети в школе падают в обморок от голода." — *Отказные* дети (от которых отказались родители). — Старик: "Всю жизнь откладывал, а деньги превратили в ничто. За что меня ограбили?" — И повсюду: "Где взять денег на похороны?" "Хоронить не на что." "Умер ветеран — собирали деньги ми-

ром." — "Что нам делать?" "Как жить дальше?" — "Как жить дальше??" — это множество раз, даже на станциях двухминутных. — Пенсионер-железнодорожник: "Помогите нам прожить несколько лишних лет!" — В Иркутске, и в других городах: "Теперь мы за решётками" (на всех окнах, от воров).

Но никогда не забыть усть-илимской "Высотки". То было место первого "десанта" строителей, когда затевали очередную великую ГЭС. Тогда строителям сколотили временные халабуды — прошло 30 лет, и рядом с "социалистическим городом" на прежнем месте кучатся те хибарки, и застряли в них, кто не половчей или расконвоированные с "химии". На главном перекрестке улиц — гора железного и стеклянного мусора ("11 лет не дают машины вывезти"), вода — только привозная, платная, только на питьё, не умываются и огородов не поливают; стирать — далеко "при колонке", но и в ней летом напора нет. Телефона в посёлке нет; магазин — за два километра. — И сколько в нынешней России таких "высоток"?

Уже летом 1994 сквозь всю Сибирь звучало, стонало: "Как нам выжить? З а ч е м мы ещё живы?" (встреча в Улан-Удэ). — "Обрушились беды, от которых Россия может и не оправиться" (томская встреча). — "Сколько раз нас уже обманули?" "Ради *чего* всё это делается?" (Искитим, душевный мрак.) — "Не хочется говорить — кончаемся и умираем" (Тюмень, рабочий). — "Не хочу, чтобы мой сын был рабом в этой стране, пусть уедет!" (Чита, на вокзале). — И год спустя, в Пензенской области (Кузнецк): "Пройдёт ещё небольшое время — и уже ничего нельзя будет спасти."

Весь 1994 звучало во стольких местах и во столько голосов: "Идёт грабёж простого народа." "Я этой власти не верю ни в чём." "Теперь человек наш не ве-

рит ни в начальство, ни в депутатов, ни в Президента." "В высокой власти у нас — воры в законе." — А в 1995 осенью поехал в приволжскую сторону — и этот гнев звучал намного накальней. Каждый раз, когда на встречах кто-либо из выступавших хвалил "прошлое" (коммунистическое) время сравнительно с нынешним, — ему аплодировало, на взгляд, две трети зала. Когда я пытался возразить, что присутствующие, даже по возрасту, не знают из прошлого скольких ужасов, — из зала раздавались голоса ропота. Это происходило за три месяца до думских выборов, и я уже тогда убедился: коммунисты получат большинство...

Да и куда ни глянь. "Душа чернеет от того, что творится" (и с людьми, и с природой).

Пьют гнилую речную воду (Тара). *"Жёлтые дети"* (болезнь новорожденных, Алтай). — Растёт число дефективных детей, глухота младенцев, больны щитовидкой (Воронеж, достиг и сюда радиоактивный язык Чернобыля). Школы ремонтируют сами родители, из бюджета ни копейки. Туалет, переделанный в классную комнату. При трёхсменном обучении даже между сменами перерывы по 5 минут — обернись, поменяйся. Начинающая учительница получает, по пересчёту, 12 долларов в месяц (сколько американский рабочий невысокой квалификации в один час). Но и опытная, с большим стажем и 30 часами нагрузки в неделю: "Если заболею, лечиться не на что" (Новая Корчева). "Стыдно перед учениками, нечего надеть" (Новосильский район). В школьных библиотеках учебники — рассыпаются в руках, бибколлекторы уже не шлют ничего. "Стонем без книг." (И всё ж 11-классники районной школы решаются ехать поступать, где конкурс 5:1...) — На группу призывников, везомых в военкомат (БАМ, у Падунских Порогов), больно смот-

реть: хилые, нездоровые подростки с обречённо тоскливыми глазами, выражением безысходности. У других (Ставрополье): не сумели словчить, вот и влипли в армию, даже и ПТУ не кончили. — Теперь "поклонение зелёной бумажке" (Ростов). — Теперь "нравственно то, что выгодно" (Рязань). — "У нас теперь царит идеология захвата и зависти" (Кинель). — "Дети смотрят: кто ворует — прекрасно живёт, а мой батька неумеха, хочет по-честному." — "Девочки с 12 лет идут в любовь."

И выхлёстывало в раздражение: "Государство занялось грабежом!" — "Ни одного чиновника нельзя привлечь к суду." "Оказались демократы — самые большие взяточники." "Откуда сразу стали миллионерами, с ничего?" (Ярославль.) — Старый пенсионер (Тверь): "Сколько себя помню, мы всегда что-нибудь *строим*, вот сейчас — 'правовое государство'; а найти управу ни на кого нельзя."— "Действительно мы стали свободны? какая свобода, если бросай работу и иди в вынужденный отпуск?" (Новосибирск). — "А как голоса считают? конституцию протащили обманом!" (Омск). — "Курс, диктуемый из Москвы, — на разъединение людей" (Кимры). — "Москва не похожа на город русского государства" (старушка в Угличе). — "Как можно за два года развалить то, что строилось веками?" (Кострома). "Власть совершает безмерные глупости." Но — хор голосов, всё настойчивей и в самых разных местах по долгому пути: "Это — не может быть по недомыслию!" — "Это — специально задумано!" — "Несомненно проводится сознательная политика уничтожения России!" — "До каких пор недостойные люди будут править страной?" (Пенза, сильные аплодисменты зала). — Абитуриент в Новосибирске: "Телевидение — мерзость!" — Самара: "У нас на заводе ребята призывают вооружаться, как в Семнадцатом го-

ду." — Пермь: "Если не кончится твёрдой рукой — будет крах."

Но и немало голосов саморассудительных: "Виноваты мы сами: мы все — иждивенцы, а импульс к действию должен быть у каждого." — "А что? говорить умеем, а делать ничего не умеем." (И правда: о *самоуправлении*, как его устроить, — почти никогда не заговаривали, это — не в мыслях, я сам на то наводил.) — "Мы всё ждём, кто б нас объединил." И — ищут, и правда же: "Как нам сплотиться?"

Ах, вот этого-то, вот этого-то — нам, русским, и не хватает!

И сколько — размышляющих, без раздражения, но в поиске настойчивом: "Да неужели же не было третьего пути?" — "А какой выход из бездарной политики теперь?" — "Будет ли выход из разворовки и падения?" — "Ведь духовно гибнет молодое поколение!" — "Разрушенный завод можно восстановить, но человека, узнавшего вкус дармового рубля, не восстановить никогда."

"Предстоит пережить трудные времена" — это повсюду народ прекрасно сознаёт, несмотря на бодренькие заверения правительства. И что высказывает народ — несравненно трезвей, чем то, что лепечут перед телевизором министры и думцы. И ещё, характерно: чем глубже поехать, не в областной город, не даже в районный, а — в далёкий заволжский совхоз, или в пензенское многоверное село Поим, или на Ангаре в село Эйдучанку, переселенное из затопленной долины, — политический накал обсуждений устраняется, речи звучат не страстно, не обиженно, но — размыслительно. В Сибири особенно много цельных, здоровых, неразрушенных характеров. (Пересеча Сибирь, я с облегчением убедился, что вся пропаганда сибир-

ского сепаратизма, отделения от России, несколько лет еженедельно внедрявшаяся американской радиостанцией “Свобода”, — протекла мимо, без разрушительного вреда.) — “Дайте народу возможность выразить себя!” “Да если б нас кто слушал...” Но и такой вопрос зададут вдруг (Тверской университет): “А как *сегодня — жить не по лжи*??” И ещё прямей: “Как Россию спасти?” (Улан-Удэ). Пойди ответь...

Вот так и теплятся огоньки. И — повсюду, повсюду. “Нет, Россия не погибла! Но как облегчить путь к возрождению?” (Ставрополь). Во владивостокской привилегированной платной гимназии встаёт гимназист: “А надо позаботиться о детях малообеспеченных? Где учиться — им?” — В Красноярске знакомлюсь с биологом (четверо детей, мать в инсульте); забота его: номенклатурная среда выталкивает из себя всех честных и талантливых; он разрабатывает: как же устроить систему выдвижения талантливых людей. (Да разве наша власть нуждается в талантливых людях...) — Вот такие одиночки (шлют письма) и группки, отягощённые бытом, пригнутые нищетой, — трудятся, чтоб огоньки не погасли. В Ставрополе-волжском — “школа культуры” для детей, начиная с пятиклассников. (А в саратовском Заволжьи учителя: “Как учить подростков доброму-вечному, когда телевидение и всё вокруг против того?”) В Новой Корчеве (Тверская) держится внеклассный “центр культуры” для четырёхсот детей, в Калязине — “школа искусств” (их там за 60 человек). В Кимрах — “дом ремёсел и фольклора”, за 5 лет обучили художественным ремёслам до двухсот детей. “Народ истосковался по общему делу. Надо спасать душу народа!” (В.И.Белякова). В Кашине, из последних сил, проводят “фестиваль возрождения России” — для молодёжи. Кашинская

библиотека (ей уже 100 лет, и не такая она была) — излучает людям знания и культуру, сколько может, — ведь классиков теперь не купить. "Будем стоять до последнего!" — директор Г.Б. Волкова. (А сам-то Кашин какая прелесть! — и заброшен. Местный гравер: "жемчужина, превращённая в помойку".) Наши "малые города" — сколько в каждом прошлого! но и почвы для будущего.

И по всей, по всей России — откуда силы одних только библиотекарей, чтоб и впроголодь держаться в развале?.. Нет, ещё жив народ, не добит.

Но тут ещё один — оттенок? Нет, неумолкающий тон. Ещё от Владивостока: "Русские не дорожат собственной культурой. А не спасём культуру — не спасём нацию." — На собрании хабаровской интеллигенции: "Да сохранится ли духовное сознание русского народа?" — В Благовещенске пожилая православная: "Должно ли быть наше государство православным?" — В Ростове: "Без Бога не нужна и Россия, без России не нужна и свобода." — "Если не принесём покаяния — грош цена всей России." — И дальше почти при каждой общественной встрече звучал этот голос, всегда оттеснённый, но и никогда не задушенный до конца. "Нет, православие сегодня — недостаточная опора для государства. Не крепкая." — В Самаре рабочий-грузчик: "Русских кругом притесняют. А чуть русские за себя застаивают — сразу: 'фашизм!'." — В Саратовском университете: "Да неужели же русский народ безнадёжен?!" — Молодой человек в Угличе, опережая всё собрание: "Скажите: что значит быть русским сегодня?"

Вот, друзья мои, в этой работе я и пытаюсь ответить на что могу. И как смогу.

ЗОНА ВЛАСТИ

2. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЖДАННОЙ ДЕМОКРАТИИ

19–21 августа 1991 могли стать звёздным часом в истории России. События несли черты настоящей революции: массовое воодушевление, не только общественности, но в значительной мере и столичного народа (то же и в областях). Вольные изъявления уличной толпы. До горячего захлёба ощущение совершаемого великого исторического поворота. Немощные, боязливые действий ГКЧП уже выражали истощённость и конечную обречённость коммунистической власти в СССР. Возглавители переворота имели славную возможность несколькими энергичными мерами в корне изменить и всю обстановку внутри России, и внешние условия её существования в раздавшемся тотчас "хоре суверенитетов" союзных республик. От новых деятелей, движимых бы народолюбием, в те дни не встретило бы никакого сопротивления: мгновенно запретить и распустить всю коммунистическую партию; объявить открытым путь уже 60 лет запрещённому мелкому и мельчайшему производству, без чего задыхалось советское население и что́ стало бы самым естественным, верным первым шагом в экономической реформе; объявить реальные права местного самоуправления, каких никогда не имели Советы при ком-

мунистах. И, расставаясь наконец с большевизмом, — тут же решительно заявить о неверности искусственных, надуманных ленинско-сталинско-хрущёвских границ между республиками: такой шаг не вынуждал далее ни к каким немедленным физическим действиям вовне, но создавал фундамент пусть и для многолетних политических переговоров. (Уж тут не будем замахиваться на масштаб исторический: что свержение большевицкой власти логически требовало восстановления государственного законопреемства от 1916 года. Ибо Февральская революция, в блаженно-радостной сумятице, не создала своего права.)

Ничего этого или подобного сделано не было. Главари переворота в короткие дни обманули, предали надежды аплодирующей массы. Эти вожди, да и примкнувшие к ним активисты, — первым и ярким шагом демократической победы избрали расхват помещений, кабинетов в Кремле и на Старой площади, автомобилей, потом и частных квартир. Таким делом и занялись они в самые ключевые дни, когда судьбу России можно было формовать как тёплый воск. Победившая, наскоро сплотившаяся верхушка, войдя в очередной роковой акт Истории России, оказывается, думала только о власти, скатившейся в руки нечаянным подарком, ни о чём другом. Что же до *границ* государства — тогдашний российский вице-президент был тут же послан в Киев, затем и в Алма-Ату подписать отдачу десятка этнически русских областей и 18 миллионов русских людей. (Эту капитуляцию потом ещё и ещё подтверждали не раз, внутренние в СССР административные границы признав государственными, якобы под защитой Хельсинкских соглашений 1975.) Распад СССР был неизбежен, в 1991 уже и маячил, но ещё оставалось подготовительное время, что-

бы уменьшить вред глубоким экономическим, бытовым и многомиллионным личным связям, и уж не было никаких причин ожидаемый распад подталкивать. Такой интерес имел украинский президент — но никак бы, никак не участвовать в том толчке и российскому.

Так в несколько первых дней новая власть проявила и политический сумбур в головах (если б — только сумбур!), и равнодушие к жизни российских народов. Перед ходом крупных событий власть была в полной растерянности, но сама даже не ведала об этом, занятая личными расчётами.

И эти качества неизменно пронесла через следующее, вот, пока семилетие. Есть признаки, что понесёт и дальше.

Итак, наступила в России — эра демократии? Во всяком случае — возглашено было так. А значит — почти мгновенно родилось множество, почти толпы, *демократов*. Это множество тем более поражало, что среди верхушки новоявленных — различалось лишь 5–6 человек, которые прежде боролись против коммунистического режима. А остальные — взмыли в безопасное теперь небо из столичных кухонных посиделок — и это ещё не худший вариант. Иные орлы новой демократии перепорхнули прямо по верхам из "Правды", из журнала "Коммунист", из Коммунистических академий, из обкомов, а то — из ЦК КПСС. Из вчерашних политруков мы получили даже не просто демократов, но — самых радикальных. Да некоторые и объясняли: "Мы находились на вершинах коммунистической власти только ради того, чтобы вместо нас тех постов не заняли худшие." А сегодня, чтобы спасти и укрепить Новую Россию, они снова самоотверженно были готовы принять власть. Да ведь и сильнейший аргумент: кто же, как не они, име-

ют опыт управления? профессионалы... (Профессионализм доказывается не послужным списком, но результатом деятельности — а этот результат перемётчиков скоро явился зримо провальным.) В оправдание всех неудач новой власти мы слышали: да какую же подлинную демократию можно построить в условиях экономической и социальной анархии, политической нестабильности?.. А эта распроклятущая "политическая нестабильность" — она и порождена неграмотными реформами.

В чём неодемократы явились действительно профессионалами — это в идеологическом обеспечении и поддержке нового строя. А чего новые демократы-бюрократы начисто не проявили — это сострадательности к народу и заботы о нуждах его. Да ведь те, кто объявляют "шоковую терапию", — уже лишаются права клясться, что защищают "права человека".

Едва ли не главной политической спешкой нового режима стало: как можно быстрей развести искусственную кипучую **многопартийность**.

И год, и следующий год, и ещё год — вспухали (без реальных основ), дробились, объединялись и лопались всё новые партии, союзы, блоки, фронты, соборы — названий которых уже не вспомнит и не перечтёт никто; взносились, звенели, но так же быстро затмевались и канули прочь имена многих либеральных, демократических и радикал-демократических лидеров. *Многопартийность* — это был самый завидный, желанный приз переворота 1991 года, и партии кишились, блокировались и тешились политикой — хотя изо всех партий реальной всё ещё была одна коммунистическая. (И в 1992 Ельцин не случайно подтвердил, что 7 ноября остаётся нашим "национальным праздником".) И ещё так роково получалось,

что несостоятельные русские патриотические партийки искали теперь ласки и поддержки от коммунистов — а коммунистам, потомкам ленинских "антипатриотов", оказалось выгоднее всего заявиться "русскими патриотами". Могла ли история повернуться ироничней?

Реальная же вторая сила стала крепнуть в виде хасбулатовского Верховного Совета. Её поединок с президентской властью к 1993 принял форму борьбы за статьи новой российской конституции и растянулся на несколько угрожающих месяцев. Конституционная работа шла вяло, но поединок был свиреп, в России образовалось опаснейшее двоевластие, — тем опаснее, что обе борствующие стороны обращались с политическими взятками к национальным автономиям, дабы из них набрать себе союзников побольше. Привилегии автономий бурно вздымались; тогда русские области, чтоб не остаться в батраках, стали объявлять себя республиками — раскатисто, одна за другой. В той горячей толкучке, кажется, мало кем было замечено, но мне, в тот год ещё издали, было видно рельефно и несомненно: от этого двоевластия, от этой гонки в "республики" — самой России грозил тогда р а с п а д, если не в недели, то в месяцы. Бушевала ещё одна керенщина. И спасением цельности России мог быть только *немедленный конец* двоевластия, какая б там сторона ни победила.

Это столкновение, не разрешённое разумно полугодом раньше, кончилось кровавыми днями октября 1993 (и гибелью полутораста или больше человек, главным образом не участников конфликта, а невинных посторонних). И прошло оно под слитный одобрительный хор неодемократов: "Раздавить гадину!" — силой оружия, — очень непредусмотрительно для сво-

его же демократического будущего. По наследству от коммунизма и переняли они: “если враг не сдаётся”... Да через три месяца Гайдар и Козырев прямо искали союза с коммунистами, приглашая их в “антифашистскую лигу”. И вскоре вслед тому возглашался договор о “гражданском” (номенклатурном) согласии — согласии внутри олигархии, — договор, не без последствий уветвившийся потом в неосвещённые коридоры.

Итак, разгромлен был Верховный Совет, чьим первым председателем был этот же Президент, и оба они избраны по одной и той же конституции. А сама та конституция теперь отменялась, вместе с принесенной присягой, но истекший из неё президентский срок почему-то сохранялся. Уже только эти юридические симптомы не могли слишком настроить к возвышенной вере в новую Конституцию — да она и не прошла всенародного обсуждения, да в суматохе какие-то её статьи были ещё подправлены. Затем, по официальным данным, участвовало в голосовании 53% избирателей (аналитик “Демвыбора” опубликовал исчисление, что — лишь 47%), из них за конституцию голосовало 58%, то есть меньше 31% имеющих право голоса, меньше трети. (Всё это не слишком утверживает и наш многолюдный Конституционный Суд, скопированный от стран с высокой юридической культурой, а при нашей нетонкости проблем легко бы справился и Суд Верховный.) По той республиканской Конституции российский Президент получил обширные права, пошире многих бывших монархов и нынешних президентов. И судьбоносные для страны решения — вызревают никому не объяснённые, никем не обсуженные — и возглашаются готовыми, с порочной решимостью.

Много было жалоб на нарушения процедуры при

выборах Думы в 1993. Да уж одна только отдача половины мест партиям — искусственная подпитка желанной "многопартийности" — есть нарушение равных прав избираемых. Но и каждый раз эта система наказывала своих учредителей: в 1993 — крупным успехом партии Жириновского, в 1995 — крупным же успехом коммунистов. В этом выборе отчаявшихся избирателей прорвалось негодование оскорблённого, ограбленного народа, даже и таким способом бессильного исправить свою судьбу.

3. РЕФОРМЫ — НА РАЗВАЛ

Справедливо отсчитывать экономические реформы нового строя — ещё, конечно, от Горбачёва. Сюда пойдёт и рост; за горбачёвский период, внешнего государственного долга с 20 млрд. долларов до 80 млрд. (Впрочем, лишь малые годы спустя это учетверение долга покажется уже и детским.) В первичные реформы зачислится и развал всех связей внутри государственной экономической системы — связей и взаимодействий, не заменённых ничем, — просто развал. (А ведь сказано: *Не пори, коли шить не знаешь.*) И объявление диковинного "социалистического рынка"; и создание лжекооперативов — в сросте с государственными предприятиями и за их счёт. А *единственное* правильное, хотя и очень слабое, движение по снятию коммунистических препон с мельчайшего предпринимательства (в том числе и на селе, а как это было бы благодетельно, это бы вернейшее направление) — немедленно же (в 1987) было задавлено партийной лапой как "нетрудовые доходы".

А дальше — из всегда неуверенных рук Горбаче-

ва — реформаторские затеи перехватились руками весьма уверенными.

Никогда не поставлю Гайдара рядом с Лениным, слишком не тот рост. Но в одном качестве они очень сходны: в том, как фанатик, влекомый только своей призрачной идеей, не ведающий государственной ответственности, уверенно берётся за скальпель и многократно кромсает тело России. И даже шестилетие спустя по сегодняшнему самоуверенно ухмыльному лицу политика не видно смущения: как, разорением сберегательных вкладов, он сбросил в нищету десятки миллионов своих соотечественников (уничтожив основу того самого "среднего класса", который и клялся создать). И что ж, с 6-летним опозданием, поднимать разговоры о "создании среднего класса"... — с этого, с мелкого предпринимательства, и надо было начинать, а не растить ненасытных монополистов-магнатов.

Частная собственность — верное естественное условие для деятельности человека, она воспитывает активных, заинтересованных работников, но ей непременно должна сопутствовать строжайшая законность. Преступно же то правительство, которое бросает национальную собственность на расхват, а своих граждан в зубы хищникам — в отсутствии Закона.

Суматошно кинулись тряха́ть и взрывать экономику России. Этот перетряс был назван долгожданной Реформой — хотя ни ясной концепции её, ни, тем более, разработанной и внутренне согласованной программы мы никогда не узнали, да её, как обнаружилось, и не было. ("Всё решали на ходу, нам некогда было выбирать лучший вариант.") Признавалось, что это будет "шоковая терапия" (термин, с лёгкостью перенятый у западных теоретиков-экономистов), однако, как заверил нас Президент накануне её

(29.12.91): “Нам будет трудно, но этот период не будет длинным. Речь идёт о 6–8 месяцах.” (Гайдар предсказывал ещё розовей: цены начнут снижаться месяца через три, — *из чего* он ожидал вообще снижения, отпустив цены для производителей *монопольных* и в отсутствии всякой конкуренции?) Обещали и “на рельсы лечь” при неудаче реформы.

Народ, через который всё пропускали шоковый электрический ток, — оглушённый, бессильно распластался перед этим невиданным грабежом. Только в таком виде (или при ложном подсчёте референдума) он мог в марте 1993 проголосовать за одобрение “реформ”, несших ему явное разорение и нищету. (А верней: тем удручительней наша потерянность и бессознательность.) Конечно, шок от внезапного столкновения с динамичным “рыночным” образом жизни и действий наш недавне советский народ испытал бы во всех случаях, но не под таким сожигающим вольтажом.

Однако испытания, начатые сотенным и тысячным вспрыгом цен, ещё только начинались. Народ был осчастливлен объявленным разделом национального богатства равномерно между всеми гражданами через выдачу каждому облигации с диковатым названием “ваучер” — а по этой бумаге можно будет приобрести хоть даже две лучшие в стране автомашины, хоть обеспечить себе постоянный надёжный доход. Начался разброд умов, сколько-то простаков поверили, ещё бо́льшие миллионы ломали головы, не знали, как эти ваучеры употребить. Да и пути такого не было: в какой бы “фонд” или предприятие бедный человек эти ваучеры ни вложил — они попадали в изношенное производство, не дающее прибыли. А новые владельцы — жадные расхватчики, безо всякого про-

изводственного опыта, да даже и интереса, не только не вкладывали в предприятие средств для развития, но вытягивали из него последние соки, а там хоть и брось его. Малочисленные ловкачи с исходным, хоть и малым, капитальцем, скупали за бесценок, от недоуменных одиночек, крупные партии ваучеров и затем через них — приглянувшиеся куски государственного имущества.

Но ещё и это было только началом бед, ибо, как легко догадаться, сравнительно с национальным достоянием богатейшей страны вся сумма ваучеров по своей стоимости была ничтожна: "раздел", объявленный народу, коснулся едва ли заметных *долей одного процента* достояния. И в середине 1994 высокодоверенный вице-премьер Чубайс, демонстрирующий недавним советским людям столь привычную им "стальную волю", объявил "второй этап приватизации" — так, чтобы государственное имущество перешло бы в руки *немногих* дельцов (эта цель и публично заявлялась членами его аппарата). Притом он выдвинул лозунг *обвальности* приватизации: то есть почти *мгновенности* её, врасплох, — и с гордостью вещал, что "такого темпа приватизации ещё не видел мир!". (Да, конечно, такая преступная глупость ещё нигде в мире не произросла. *Прытко бегают — часто падают.*) Приватизация внедрялась по всей стране с тем же неоглядным безумием, с той же разрушительной скоростью, как "национализация" (1917–18) и коллективизация (1930), — только с обратным знаком.

Вела ли высших приватизаторов ложная теория, что как только собственность рассредоточится по частным рукам — так сама собой, из ничего, возникнет конкуренция, что производство станет эффективным от одной лишь смены хозяев? Гай-чубайские ре-

формы велись в понятиях Маркса: если средства производства раздать в частные руки — вот сразу и наступит капитализм и заработает?

С лета 1994 и начался этот "второй этап", и всего за несколько месяцев проведена была сплошная и практически бесплатная раздача государственного имущества избранным домогателям. Изредка в газетах появлялись сообщения о сенсационной разворовке всенародного добра. Да народ, и не зная тех тайных цен и тайных сделок, безошибочным наглядом творимого угадал суть и назвал весь процесс "прихватизацией".

А по огромности многих социалистических советских комбинатов — их невозможно было вручить никакому отдельному владельцу. Нисколько не сумняшесь, команда Чубайса дробила такие комбинаты на 20–30 частей (разрывая единый технологический цикл, лишая каждый осколок возможности вообще работать) и раздавала в разные руки. (Такая судьба постигла и некоторые военные заводы, их тоже парализовали дроблением и частично объединяли с любознательными иностранными фирмами в "совместные предприятия". К каким последствиям для российской обороны этот процесс ведёт — легко сообразить.)

Одна неожиданная петелька в ходе событий помогает нам узнать о них ещё рельефней. Эта капризная петелька была: внезапное назначение в ноябре 1994 амурского губернатора Владимира Полеванова, многолетнего колымского геолога, — главою Комитета по управлению государственным имуществом. И так — ему открылись все бумаги, как это имущество за минувшие месяцы утекало и таяло. И как человек, преданный долгу и чести, В.П.Полеванов подал председателю правительства разоблачительную доклад-

ную записку 18.1.95 о творящихся преступлениях. (Докладная эта теперь опубликована.* Она вопиет фактами, цифрами, размерами преступлений, как вёлся общий развал народного хозяйства, например, как 51% "Уралмаша" получает одно лицо, а другое покупает 210 млн. акций "Газпрома" по десятку обесцененных рублей за акцию, то есть даром. Автомобильный огромный лихачёвский завод был "продан" в 250 раз дешевле его стоимости: вместо 1 млрд. долларов — за 4 млн. Красноярский алюминиевый завод "продан" братьям Чёрным — в 300 раз дешевле стоимости.) И каков же был результат ошеломительной докладной? **Через три дня**, 21.1.95, Полеванов был уволен, чтобы "не мешал реформам Чубайса".

Правда, ещё через один год и один день, 22.1.96, мы услышали и от Президента признание, что в той чубайсовской приватизации "продавалось всё, что можно, по произвольной цене, а государство ничего не получило". Впрочем, заявлено это было однажды, мимоходом и больше не повторялось. Не было предпринято попытки никакой ревизии грабительской приватизации, что и являет собой одобрение грандиозного разграба национального добра. И уж никогда наша власть не задавалась загадкой: *откуда* у недавних подсоветских людей — миллиарды рублей, миллионы долларов? — да от щедрых экспортных лицензий, по знакомству и за взятки выданных властями же: скупленное в стране по устаревшим рублёвым ценам беспрепятственно, целыми эшелонами, гнать за границу и там получать валютные миллионы. (В этом-то процессе многие недавние коммунистические партократы оборотливо стали криминальными коммерсанта-

* *В.П. Полеванов.* Технология великого обмана. М., 1995, с. 8–17.

ми и частновладельцами. Раньше они распоряжались государственной собственностью ограниченно, теперь — без оглядки.)

Да, из коммунистического Вавилона ещё б нам не надо было вытягивать ног! Но — по-разному можно было ступать. Нам избрали путь — наихудший, извратительный, в самом себе злоносный.

А не раз пришлось мне слышать убедительную аргументацию, подкреплённую и личными свидетельствами людей, прикоснувшихся к этой кухне ближе: всё соделанное под видом "рыночных реформ" отнюдь не было результатом поразительного недомыслия, но — хорошо продуманной системой обогащения отдельных лиц. Головокружительное падение рубля (такого долгого обесценения не знала ни одна страна) — чтобы можно было скупать российскую собственность за минимум долларов, а властям — не расплачиваться со вкладчиками. Подавление отечественного сельского хозяйства — чтоб наживаться на импорте продовольствия. Торможение в принятии необходимых законов — чтобы разворовка легче происходила в условиях беззакония. Ошеломительная быстрота приватизации — для скорейшего формирования корпуса поддерживателей новой власти. Отмена спиртной монополии, разорительная для казны и губительная для народного здоровья (свобода подделок), — создание для масс обстановки одурительного равнодушия к происходящему.

Вся эта разворовка и прошла во тьме — при народной ещё неосознанности, как **непоправимо** для всех жителей страны происходящее. Грандиозных масштабов расхищения (сотни миллиардов долларов утекли за границу) народ не видел зримо, не мог знать никаких подробностей и цифр или задуматься над ни-

ми: что национальное производство в безучастных руках упало **вдвое** (во время войны с Гитлером упало только на четверть); что с 1990 года в России не построено ни одного крупного промышленного предприятия. Отдавшись повседневному бытовому течению нынешней трудной жизни, люди не ощутили необратимости совершаемых над страною злодейств. Но едва раздались отдельные робкие голоса о *ревизии* — сказочно разбогатевшие новобогачи-грязнохваты (да не сами они, а покорные им газетчики) дружно и ультимативно заявили народу: пересмотр приватизации? — **это будет гражданская война!** Ограбление непрочнувшегося народа прошло гладко и без гражданской войны — а вот восстановление справедливости вызовет кровавую гражданскую! Что́ мы расхватали — того не отдадим!!

Так заявил "молодой русский капитал". В основном он был создан умопомрачительной и необъяснимой (куда ни ткнись, везде необъяснимо) государственной операцией: искусственным созданием коммерческих банков: фальшивым "кредитованием" их под галоп инфляции, после чего государство же стало брать у этих банков свои же недавние деньги — взаймы под высокие проценты, ещё и ещё беднея само. Добровольное государственное самоубийство. Ещё на пользу коммерческим банкам постановлено было все зарплаты пропускать только через эти банки — и они затягивали и затягивали расплату, накручивая свои проценты.

Удивляться ли, что после всего этого грабежа — казна стала пуста и на многие годы неспособна выплачивать заработные платы и пенсии. Терпеливый народ голодал, дети хирели во славу "молодого русского капитала". От высших властителей неоднократ-

но прозвучали похвалы российскому народу, что он "оправдал доверие": не произошло социального взрыва. (Да уж, "бунт бессмысленный и беспощадный" мы с себя, кажется, смыли навсегда. Немощнее нас не вообразить народа.)

И как бы худо очередной хозяйственный год ни кончался — мы неуклонно слышим, что зато в следующем году начнётся "стабилизация" и "поворот к лучшему". Однако с каждым новым правительственным мероприятием мы не вызволяемся из беды, а всё непоправимее вдвигаемся в развал. И во всех областях нашего производства и быта зачастили грозные аварии с обилием жертв — плод полной изношенности государственно-хозяйственного организма; идёшь на рабочий день — на всякий случай прощайся с семьёй. — А с трона нас соболезнующе утешают: "Что делать, *стихия*..."

И никто ж из властвующих не знает, как "это всё", "эту страну" теперь вытягивать из болота.

Да и: лично — нуждаются ли они в том?

А ещё же: с какой беспечностью, с каким безразличием и невозмутимостью смотрела наша власть на головокружительное падение рубля: отчётливый знак российского бедствия и бессилия. Смотрела как на малозначный, ничем не угрожающий, почти анекдотический процесс. Уж конечно, никто и не задумался, как *попятить* доллар до прежнего соотношения с рублём, что и было бы знаком нашего оздоровления. И вот недавно нашли анекдотический же выход: просто *зачеркнуть* три наросших нуля — и жить-поживать дальше. А если рубль будет продолжать сползать и впредь, в новых деньгах, — то следующий президент будет иметь возможность обрадовать нас ещё одним зачёркиванием двух-трёх нолей.

4. ОШЕЛОМЛЁННАЯ РОССИЯ — И ЗАПАД

С конца 80х годов разлившийся в нашей столичной образованности интернациональный восторг едва ли не перехлестнул и ранних большевиков. Российским либералам и радикал-демократам помнилось: распахивается отныне и навеки — счастливейшая эра на нашей планете: теперь и всем населением её, и всеми государственными деятелями овладеют *общечеловеческие ценности*, которым, все дружно, мы и будем служить. А посему: какая-либо твёрдая внешняя политика России есть империализм или абсурд, крепкая власть в России — тирания. Так и в восприятии нами Соединённых Штатов справедливое представление о широкой щедрости американского народа неосновательно перенеслось и на вашингтонское правительство — эгоистически расчётливое, как и всякое нормальное государственное руководство, а в особых условиях после краха советского соперника всё более втянутое в имперский вкус контролировать всю бы планету.

Сей интернациональный восторг, "новое мышление", уверенно направил и действия горбачёвского руководства. Вынужденные отпускать на волю страны Восточной Европы — Горбачёв, вскруженный ураганом западного восхищения и похвал, и с ним Шеварднадзе, из недавних вождей окраинного КГБ да всемирный дипломат, — не озаботились просить западных партнёров закрепить письменным договором их устные тогдашние заверения. (По свидетельству Е.Примакова, в 1990–91 и Миттеран, и Мейджер, и Бейкер в беседах с Горбачёвым-Шеварднадзе-Язовым, нетерпеливо ожидая вывода советских войск, друж-

но обещали, что НАТО на восток не расширится ни на дюйм и ни одну страну Варшавского договора в НАТО не примут.* Но Горбачёв не осмелился попросить документальное обязательство.) Подобно этому была подарена Америке и "Вторая Аляска" — бессмысленная уступка в 1990 Горбачёвым-Шеварднадзе 40 тыс.кв.километров Берингова моря (шельф, богатый рыбой, нефтью, газом).**

И эта линия капитуляции "от широты души" продолжалась и следующие пять лет. В 1993 Ельцин в Варшаве ещё более широким жестом "отпустил" Польшу в НАТО. В том же году Козырев в Малайзии заверил в готовности российских самолётов доставлять войска мусульманского содружества в воюющую Боснию. В той же эпидемии "общечеловечества" новостановящаяся Россия помогала Соединённым Штатам получать визу ООН на их военные действия, затем и из наших собственных истощённых войск мы выделяли зачем-то дорогостоющий отряд в "международные силы" в Боснии, действуя прямо против славянских, да и собственных российских, интересов.

Это Новая Россия и помогла свершиться тому историческому переходу в мировом сознании, когда военное вмешательство держав в дела далёкой страны стало называться не "агрессией", а "миротворческими усилиями". Очевидно, именно такая терминология и вживётся в XXI век — и очень может быть, что Россия довольно вскоре испытает её на самой себе — например, в форме международного "миротворческого спасения" нас самих и планеты от нашего ядерного оружия; американские предупреждения в эту сторону уже раздавались. (И произойдёт такое под "все-

* "Общая газета", 19.9.1996, с. 4.
** "Известия", 30.8.1997, с. 1.

мирное одобрение", как и "буря в пустыне"; а может продолжиться и дележом самой России — ведь Антанта уже бесстыдно и делила её в нашу Гражданскую войну.)

По мере ослабления России до хаотического состояния — намерения цивилизованного Запада относительно нас всё менее скрываются, а неистовыми политическими врагами России, как Киссинджер или Бжезинский, уже не раз высказывались с полной откровенностью ("лишняя страна" на карте мира). Ещё 80 лет назад, в бушевание российского "феврализма", Александр Блок с тревогой записал в дневнике: "Если распылится Россия?.. или Россия будет 'служанкой' сильных государственных организмов?" Из состояния *сегодняшнего* — уже и тем более тут не видится ничего не возможного.

Что правительство США десятилетиями жаждало поражения и развала Советского Союза — это естественно. Но в нашей стране мало кому известен закон PL 86–90 американского Конгресса 1959 года — он доходил до наших ушей через радиозаглушки как ежегодная обещательная "Неделя порабощённых наций": нам всем как будто обещали вызволение из-под коммунистической пяты? Всем, да не всем: в числе угнетённых наций русские там не числятся. Напротив, закон чётко определяет поработителем (в том числе и Китая, и Тибета) не мировой коммунизм, а — Россию, русских. И в русле противорусских заявлений тех же Бжезинского-Киссинджера и других из этого ряда — сей закон откровенно направляет Америку не против коммунизма, а — против России! (И *посегодня* он действует, не отменён Конгрессом. По недоразумению? О, непохоже. И в 1997 Соединённые Штаты всё так же отмечали "неделю наций, порабощённых" рус-

скими. Забывчивостью это не назовёшь, скорей, задание на завтра.)

В этом антирусском направлении годами действовала и радиостанция "Свобода" — очень смягчённо против коммунизма, но всем остриём против русских традиций и даже русской религии и культуры. (Об этом мне уже не раз пришлось говорить и писать, даже и президентам США Рейгану и Бушу.) От этой радиостанции, казалось бы, созданной лишь для Холодной войны, — американская администрация нисколько не отказалась и в наступившие годы американо-русских объятий, не пожалела на неё миллионов и дальше, — знать, нужна. Как никакая российская, вещает 24 часа в сутки, по иностранным инструкциям, "на всех волнах и во всех диапазонах". "Свобода" и в последние годы не просто сообщает новости, она их резко интерпретирует, окрашивает своим идеологическим и политическим отношением, да не своим, а которое им диктуют из Совета по радиовещанию при Конгрессе США. После развала СССР "Свобода" вмешивалась в наши избирательные кампании, прямо направляла, за какого депутата следует голосовать, давала советы иным депутатским фракциям ещё Верховного Совета, как им лучше проводить свою тактику: когда голосовать, а когда сорвать кворум. Был период — "Свободе" указано было действовать против Ельцина — и она высмеивала его и глумилась; потом — заказали поддерживать Ельцина, она усердно потянула и эту упряжку. Летопись её деятельности изобилует подобными примерами. На годы чеченской войны "Свобода" вообще превратилась как бы в чеченскую радиостанцию, открыто враждебную российской стороне: половина информационного часа почти полностью состояла из чеченских

аргументов и пропаганды (и это повторялось несколько раз в сутки).

Да за последние годы кто не видел и не слышал самого откровенного вмешательства Соединённых Штатов. Как забыть заявление президента Буша, ещё *перед* украинским референдумом (1991), — подбодрить отделение Украины? Как не заметить, что из первых и страстных голосов "Севастополь принадлежит Украине!" был голос американского посла в Киеве и потом — и неоднократно, до запредельной бестактности — Госдепартамента? Америка всемерно поддерживает каждый антирусский импульс Украины. И как не сопоставить: чтó в огромной дозе Америка прощает Украине (а ещё снисходительнее — республикам азиатским: и любое подавление инакомыслия, и любую подтасовку голосования) — того и в малой дозе не прощает Белоруссии, разломно обрушивается на самые робкие попытки объединения её с Россией. А потому что Белоруссия нарушает общий план и разваливает идею "Черноморско-Балтийского Союза", от Эстонии до Крыма, "санитарный кордон" против России. Да вполне же отчётливо продемонстрировали США свои "окружительные" движения относительно России: в самый разгар переговоров о НАТО — тёплое военное сближение с Украиной, в августе 1997 маневры американского флота в Чёрном море, у крымского берега (с участием турецких моряков; не столько практический шаг, сколько историческая символическая демонстрация предельного унижения России — да отчего и не в Азовском? и там "украинские" берега). Поездки генерального секретаря НАТО то в Закавказье, то в Среднюю Азию для установления военного же сотрудничества *Северо-Атлантического* Союза — со *средне-*

азиатскими государствами! — ещё ли не выразительно, не предупредительно?

И наиболее перенимчива, подхватчива к новой ситуации тут оказалась Турция: активным проникновением на Кавказ, отчасти и в Среднюю Азию, а вот уже усвоила и небывало новый тон о Босфоре-Дарданеллах, вопреки установленным международным договорам.

Расширение НАТО на восток (и суть не в Чехии-Венгрии-Польше, а дальше — в Прибалтике, Украине и Белоруссии, Чёрном и Балтийском морях) можно бы, но трудно, объяснить всего лишь инерцией западного военного мышления — после столько лет ведомой и как бы "недоведенной" Холодной войны. Трудно допустить такую бы степень недооценки долгой и долгой теперь слабости России на всё обозримое будущее. А тогда — не найти реального объяснения иного, как замысел давления на Россию. Оплачивая расширение НАТО даже за три первых страны 30–35 миллиардами долларов, не могут же привлекать этих восточноевропейских союзников для будущих тяжких противостояний "Севера" и "Юга": в *тот* конфликт эти новые союзники менее всего будут склонны вложиться, менее всего полезны там. (Но может быть, ещё горько пожалеют Соединённые Штаты, что так усиленно создавали прочный мусульманский боснийский плацдарм в Европе.)

А мы? В необъятном широкодушии наш Президент, принимая американского, возгласил (14.1.94) тост "за совместную российско-американскую революцию". Совместную? — значит, мы обязаны впредь уже не отличать российских интересов от американских.

Но если и признать две страны равно демокра-

тическими — это не значит, что им потребно сливаться во всех отношениях. Так, де Голль, вождь не менее демократической Франции, будучи реальным союзником Америки, отнюдь не подчинялся её диктату лидера, а строго отграничивал интересы Франции. Национальные интересы у каждой страны свои, и отстаивать их, даже внутри единого союза, — никакой не шовинизм.

А Россия проглотила унижение трёхкратного отказа вступить в Совет Европы и, согбясь, понесла туда своё заявление в четвёртый раз. Восполняют нам это унижение — величием того, что Россия якобы принята в "Большую Семёрку"? Но наивно было бы вообразить, что экономически обессилевшая Россия может быть влиятельным членом группы экономических силачей. Мы там будем лишь скреплять своею подписью их решения, хоть и против наших интересов.

В нынешнее время вся и всякая политика движется экономикой, если не сводится к ней. Экономика — не предмет этой работы. Но нельзя не наблюсти, не изумиться даже и простолюдину, никакому не специалисту. Ясно же видно, что Западу нужна Россия технологически отсталая. Мы рабски подчиняемся программе Международного Валютного Фонда — по недоумию? или сознательно отдаваясь чужому умыслу? Как можно, например, оправдать, объяснить, что по жёсткому требованию МВФ мы сняли таможенные пошлины на вывоз наших нефти и газа (гоним, гоним невозобновляемые наши недра, лишая будущего себя и наших потомков) — и взамен этих огромных бюджетных потерь ждём от МВФ очередной крохотной подачки, да даже и не подачки, а ссуды под проценты. Какое ещё в мире правительство хозяйничает так? В жестокий ущерб нашей экономике правительство

который год подчиняется стеснительному, даже разрушительному диктату — и мы слышим с наших верхов благодарность, что МВФ якобы "помог России избежать трудностей". До неправдоподобия: и безоглядная распродажа национального богатства сопровождается для России не ростом доходов, а ростом внешнего долга. Россия — в долговой яме.

А общее взаимодействие мировой экономики таково, что отставшие — обречены отставать и дальше, они уже не смогут выправиться. Через десяток лет мы спустимся на уровень африканских стран. Да с нами уже так и обращаются. Над ключевыми нашими предприятиями то там то здесь берут контроль иностранные фирмы, иногда псевдонимно.

А между тем: даже в нынешних усеченных границах Россия — экономически самодостаточна. И наша умолительная погоня за иностранными инвесторами — истекает из нашего допоследнего душевного упадка и отчаяния. (Иностранные инвестиции допустимы и могут быть полезны тогда, когда надёжно защищено отечественное производство и строг закон о вывозе капиталов или полуфабрикатов.) А втягивание наше в международный финансовый мир — втягивает нас, неокреплых, и в чужие финансовые кризисы, которые мы бы минули.

В экономической сфере мы безоглядно — и с опасной поспешностью — кинулись перенимать западные формы жизни. Но это и недостижимо: уклад чужой жизни невозможно скопировать, не перерождаясь болезненно: он должен органически вытекать из традиций страны. По пословице: *Свою болячку не чужим здоровьем лечить.* На путь, неотличимый от западного, Россия всё равно не выйдет никогда, как бы нам ни стараться.

5. ФАНТОМ СНГ

Могли ли самые обезнадёженные из наших предков предвидеть такое катастрофическое крушение России? За несколько коротких дней 1991 года обессмыслены несколько веков русской истории. За дватри августовских дня смазаны и смыты два столетия русских жертв и усилий (восьми русско-турецких войн) выйти к Чёрному морю.

Весь нынешний мир смотрит на нас и изумляется: как могла такая огромная Россия так внезапно ослабнуть, опасть духом и телом и начать стремительный саморазвал — не испытав ни крупного военного поражения, ни сотрясательной революции и гражданской войны, ни массового голода, ни эпидемий, ни стихийных бедствий. Всех поражает именно быстрота падения и непротивляемость наша в том — до утери самого́ инстинкта государственного существования.

Земная история, может быть, не знает другого такого самоубийственного поведения этноса.

Но это всё — совершилось. И мы обязаны это признать. И строить — вот уже на этих развалинах.

При внешней мощи своей СССР (изобретенный Лениным к концу его жизни) внутренне не был здоровым государственным образованием, в том числе и в межнациональных отношениях. “Вечная дружба народов” и “создание единой советской нации” были мифом. Заложенная в построение СССР ленинская национальная политика не могла бесконечно держать это государство: именно она-то вырастила центробежные силы. (Теоретически возможный саморaспад СССР, “вплоть до отделения”, был сформулирован ещё и в ранних советских конституциях.) В по-

слевоенные годы в советских лагерях, затем в казахстанской ссылке мне довелось достаточно наблюдать эту реальную расчуждённость и взаимное недоверие советских национальностей вопреки их трубно возглашённому единению. Уже тогда отчётливо проступил будущий возможный или даже неизбежный раскол. Под влиянием этого лагерно-ссыльного опыта я, получив возможность высказаться ("Раскаяние и самоограничение", 1974), призывал дать "всем окраинным и заокраинным народам подлинную волю самим решать свою судьбу". На том же опыте и в 1990 я предсказывал неизбежный развал СССР.

И он произошёл в 1991 — и тот, который был неизбежен, но, к несчастью для многих и многих миллионов людей, также и тот, который был вполне избежен. По неразумению и недальновидности правящих лиц развал был отдан стихийному потоку — от бессмысленного (кстати, инициатива "демороссов") объявления "независимости" Россией (независимости — от 25 миллионов своих отрезаемых соплеменников? и это учреждено как "национальный праздник"!) — к "параду суверенитетов", объявляемых республиками почти автоматически, в самоупоении атрибутикой, символикой (без расчёта своих экономических сил на будущее, но с начальным присвоением богатого промышленного наследства, созданного усилием всей страны, а более-то всего РСФСР). Неуправляемый раскол произошёл по неестественным, этнически не обоснованным административным границам (ленинско-сталинско-хрущёвское наследие), — границам, к которым, ещё более необоснованно, цепко следящий Запад тут же применил гарантию Хельсинкских соглашений. А российское руководство в августе и в декабре 1991 поспешно и по-

слушно капитулировало, с равнодушной лёгкостью оставив за границами новой России почти такое же по объёму русское население, сколько потеряно всем Советским Союзом во Вторую Мировую войну. С тем же равнодушием отнеслось оно осенью 1991 к пристрастному проведению украинского референдума, решавшему соотношение Украины и России, может быть, на века. И довершён был развал интриганской подготовкой, а затем наскоком Беловежа. Раскол СССР был совершён в опрометчивой спешке и наихудшим образом.

Само Беловежское соглашение было смутно по содержанию и не давало никаких отчётливых гарантий России. Президент Украины при этом зорко смотрел вперёд: какие неоговоренные условия, лишь устные поверхностные заверенья, можно будет вслед за тем повернуть в пользу Украины. Президент России смотрел назад: *от чего* поскорее отделиться (прежде всего — от власти Горбачёва), с чем распрощаться, — и нигде в том соглашении и вокруг него не проявлена забота, даже сама *мысль*, что Украине отдаётся несколько областей, фактически русских и по нынешнему населению, и по истории, отдаётся до 12 миллионов русских людей безо всякой гарантии хотя бы их культурного существования и юридической защиты. (Впрочем, эта бесчувственная уступка была с лёгкостью совершена уже в августе 1991.)

Так же не было никакого взгляда вперёд — что же такое будет создаваемое "СНГ", и как потечёт процесс? Грубейшей ошибкой учредителей была утайка соглашения от Назарбаева: Казахстан ставился в межеумочное положение, его президент — в оскорблённое, и опять: незаметна даже мысль, что и в той республике покидаются на произвол до 7 миллионов рус-

ских. Мы столь многолюдны, что такими "кусочками" можем легчайше пожертвовать.

А процесс потёк так, что лидеры почти всех республик (за долгие советские годы взращённые через "коренизацию аппарата" партийно-национальные, а по сути просто национальные верхушки) тут же заявили о своём желании войти в СНГ. (Независимости-то они объявили, но сразу шатко почувствовали себя без объединяющего центра.) И вот, с необдуманной лёгкостью, они тут же были и приняты: то есть только что разваленный СССР, в котором ещё сохранялось множество государственно обязательных скреп, был заменён полупризрачным шатром СНГ, где ни у кого (кроме России) ни перед кем никаких обязательств не было. Это ещё более обессмысливало всю операцию.

Нет, восстановление СССР никак бы не было теперь в интересах и ко здравию русского народа — это было бы утопление его в набухающем азиатском мире. Контуры СССР — для нашей страны невозвратимы, и всякие побуждения к тому надо покинуть как самые пустые. Они ещё и вредны: всякие требования или разговоры о восстановлении СССР лишь углубляют в отошедших от нас государствах — враждебность к тем русским, кого мы бросили, предали там, ставят их под новые гонения. А в нас самих — этот лозунг только подавляет собственное национальное сознание.

В 1991 упущена была — если она ещё была? — единственная здоровая перспектива: реальное, взаимокрепкое соединение трёх славянских республик с Казахстаном — в одно федеративное государство ("конфедерация" — это дым), — и никого больше в том четверном Союзе. При таком Союзе русский народ — как и украинский — не был бы расчленён. (Оставших-

ся в других республиках была бы физическая возможность принять переселением.) А ныне, на аморфных заседаниях СНГ руководство России не находит в себе мужества отчётливо говорить хотя бы о гарантиях проживания русского населения в тех ново-государствах, где оно, на своём исконном жительстве, в одночасье оказалось "иностранцами". Между тем руководство большинства отколовшихся республик сразу усвоило резко националистическую идеологию (отчего русские сброшены в граждан второго сорта, а где, как в Узбекистане, и грубо унижаются). Напротив, руководство России всеми усилиями старается *не запачкаться* в какой-либо уклон к интересам *русским*, даже обходит старательно само слово "русские" — а всегда "россияне". Русский этнос демонстративно не взят в опору России.

Может быть, в 1992–93 сохранявшиеся тогда живые связи между республиками ещё и могли развиться в какое-то соединение: например, во всех южных республиках ещё сильно было ощущение, что структура современной цивилизации пришла к ним именно из России. (И питанием их всех из бюджета РСФСР, и множеством квалифицированных русских сил, уложенных на индустриализацию тех республик.) Но это чувство быстро падало от наглядно слабоумного саморазрушения России, и все те республики отворачивались от неё или к Западу, или к богатому исламскому Востоку. Уже к 1994 СНГ явно не подавало никакой надежды на долголетие, на реальную жизнь, Россия неуклонно теряла там свои исходные позиции, Президент же её монотонно продолжал заявлять то о "нашем стратегическом курсе на союз СНГ", то о "благоприятных условиях для интеграции СНГ", то (1996) "может быть, и Прибалтика захочет присоединить-

ся", — на какие скудные умы слушателей рассчитаны были такие заверения?

Что же на самом деле есть СНГ в это истекшее 6-летие?

В разных формах прямых дотаций, кредитов, или бесконечной "продажи в долг", или продажи нефти и газа по ценам втрое и впятеро ниже мировых Россия в тяжёлых объёмах взяла на себя содержание этого СНГ (да содержит и сам аппарат СНГ). Цифры тут назывались разные, но все — в немалых миллиардах долларов; один из наших промелькнувших министров финансов (Борис Фёдоров) утверждал, что Россия отдаёт СНГ 21% нашего национального дохода. (Сравним, что вся гуманитарная помощь США другим странам — меньше 1% американского национального дохода.) Но и через 6 лет на кишинёвской верхушечной встрече (октябрь 1997) звучали упрёки, что Россия "допускает ослабление торговых связей" в СНГ; а президент Кучма уже не раз объявлял российский отказ во льготных ценах — "торговой войной". (Как в пословице: *Сперва ты меня повози, а потом я на тебе поезжу.*) Однако об этом следовало задуматься, когда стремглав кидались в "суверенитеты".

Вместе с тем новая Россия неоднократно, упорно возглашала свою *ответственность* за происходящее в СНГ, за положение на всей территории бывшего СССР ("сфера влияния России") — почему? зачем? И когда, например, Грузия чудовищно отказалась допустить в исконные места обитания высланных оттуда Сталиным месхов, — их (до 50 тысяч) готовно приняли в изродные среднерусские области. Из экономических расчётов и Украина держалась при СНГ, хотя "ассоциированным членом", и Шеварднадзе, поколебавшись, вступил в СНГ. (При том, что и в Грузии, как

и в Азербайджане, сильные антирусские настроения.) И не видно, где же границы этой отягчительной, если не изнурительной российской "ответственности". И защищать таджикские границы от пылающего Афганистана ("братья по СНГ" обещали свои "полки" на подсобу, да мало кто и роту прислал, Казахстан — двух наблюдателей). И все закавказские "разборки" претендуем улаживать опять-таки мы, зачем-то. И армянскую границу защищать от Турции — тоже мы. *Всё нам печаль по чужим печам, а своя словно яловая.*

Да нашей ли всё слабеющей армии поставлять эти "миротворческие силы", нам ли тужиться на эти обширные "гарантии безопасности"? при том что СНГ — одна внешность, спектакль, и идёт к естественному распаду. Никаким благолепным заседательством и председательством за круглыми столами СНГ мы не привяжем к себе эти государства, уже отделившиеся психологически, исторически и медлящие только в расчёте на экономические выгоды от России. Перестав эти выгоды получать — националистические главари республик никогда не поступятся ни долей своей власти и ни на какое реальное объединение с Россией не пойдут. И когда Назарбаев предлагал нам (29.3.94) "Евразийский Союз" — то с громоздкой над-национальной бюрократической надстройкой, которой предстояло сковать не только все действия России, но и наши уста ("единое информационное бюро").

Возражают: а иначе (если не будем защищать тех дальних границ) — России же будет хуже: поток наркотиков, оружия, разбоя. Но что произошло в 1991 — то произошло: нам *уже* предельно плохо, и надо не жмурить на это глаза, но оценивать всю глубину опасности, ещё и сегодня многим непредставимую. Уже в 1991 Азербайджан стал членом "Исламской конферен-

ции". Почти все лидеры Средней Азии открыто ориентируются на Турцию. И — ещё какие территориальные претензии мы услышим от них через 15–30 лет?

Цепляние за СНГ — только ослабляет нашу государственность, мешает ей оформиться. Упорная отчуждённость (едва скрываемая враждебность) украинских вождей (для той же цели ещё и блокируясь с Азербайджаном, с Грузией) закрывает и перспективу трехславянского объединения. Мощные влияния, которым мы поддаёмся, мешают и воссоединению с Белоруссией.

С мужеством признав все эти неудачи, надо строить не СНГ, а прочную российскую государственность, — она сама-то ещё не создалась, она сама-то — ещё под вопросом.

Единственно, в чём для нас сохраняется смысл СНГ, — как поприще наших неизбежных взаимоотношений с азиатским Востоком.

6. РАСТЕРЯННАЯ РОССИЯ — И ВОСТОК

Закавказье и Средняя Азия — это и есть самый непосредственный Восток для России.

И как же обратила себя к нему российская власть после стремительного распада СССР? Да как и по отношению к Западу: с потерей собственных государственных интересов и в тумане мнимых ценностей, особо настойчиво по-прежнему разыгрывая роль заботливого "старшего брата", не видя, как это неуместно. Объявив Россию "гарантом мирного существования" этих новых государств — только укрепила извечные обвинения в российском империализме. А пожертвованных охране Таджикистана наших солдат и

офицеров — год за годом убивают в смутной для нас и чуждой нам междоусобице (полтысячи их мы положили там за один 1993), и у российской власти нет разума и достоинства — убрать оттуда наши войска, там русская кровь и наши скудеющие военные силы не жалеются. (Ещё б оправдывалось, если б мы тем временем вели бы процесс вызволения из Таджикистана своих соотечественников, — но именно этого мы не делаем.) Из ложной инерции прежних оборонных представлений (их надо начисто пересматривать) мы заключаем с этими республиками оборонительные (для нас — только отяготительные) союзы. Вот с Арменией, — и как мы будем его осуществлять через недружелюбную Грузию? А в Грузии держим радарные станции, всё отказываясь осознать невозвратимость потерь и уместиться в собственных пространствах, — а за это обязываемся на ответные услуги.

Уяснить же себе когда-нибудь, что все эти новые государства — уже не "мы" и не "наши", они сознательно объявили суверенитет. И в ряду всех других государств мира они только тем отличаются для нас, что мы бессердечно и безрассудно покинули там наших своеземцев и не защищаем их прав, и не вызволяем их к себе — а вот это должен быть наш главный моральный и реальный долг.

В русском образованном слое ещё и сегодня существуют — и даже усилились внедавне — последователи *евразийства*: теории, что Россия органически принадлежит Азии и своё будущее должна строить в родстве и единстве с Азией. Теория эта развилась в 20е годы XX века в русской эмиграции из отвержения западных ценностей (после российской гражданской войны у многих русских эмигрантов взросла обида на Европу) и из желания слабого прислониться к большей

силе, к чужому плечу (как "сменовеховцы", да отчасти и "евразийцы" же, искали прислониться к большевизму). Это было — упадочное желание, проявление духовной слабости. Таково оно и сегодня: упадок мужества, упадок веры в силы русского народа; у других — прикрытая форма желательного им восстановления СССР. Но это — *отказ* от русского культурного своеобразия, от тысячелетия за нашей спиной, — он повлечёт к утоплению редеющего русского народа в бурно растущем мусульманском большинстве. Если нам грозит национальная гибель — то не здесь спасение. Если мы выстоим — то только на кремнистом пути нашего самостояния, всей протяжённой длительности нашей государственности, культуры и православной веры. А не выстоим — значит, рухнем.

Не так мы тьмо-множественны, как наши великие азиатские соседи Китай и Индия, не так усердны и изыскливы в труде, как Япония, — но все четверо мы отдельные миры, отдельные цивилизации — и не выпасть бы нам из достойного ряда. И в этом ряду — достойные же и отношения надо строить.

Тут — непростительна упорная тупость наших властей с Южными Курилами. Беспечно отдав десяток обширных русских областей Украине и Казахстану, с конца 80х исполнявши в международной политике роль американского подслужника, — они с несравненной лжепатриотической цепкостью и гордостью отказываются вернуть Японии острова, которые никогда не принадлежали России, и до революции она никогда не претендовала на них. (Капитан Головнин, начало XIX века, и адмирал Путятин, 1855, признавали именно те границы, на которых настаивает сегодня Япония. Считать обиды от японского нападения в 1904 или от японской интервенции в Гражданскую

войну? А куда посчитать обиду, что СССР напал на Японию, нарушив пятилетний договор "о нейтралитете" 1941 года?) Схватились за эти острова, будто в них всё будущее России. Для малоземельной Японии возврат этих островов — больной вопрос национальной чести, престижа, много выше смежных рыбных богатств, о которых можно и договориться. В наступающем веке, когда ни с запада, ни с юга у России что-то не рисуется друзей, но будут нас всё жёстче сжимать, — зачем отталкивать нам и это возможное добрососедство? а то и содружество?

А Китай — поразительный, по тысячелетиям, государственный организм, переживший и мощных соседей, и периоды внутренней слабости и развала. Китай — это людской океан, у него и законы развития трудней предсказуемы, чем у остальных этносов. Вот — его внезапный экономический успех (и ведь за счёт предприятий, связанных с *местным самоуправлением*, в котором мы гордо не нуждаемся). Предвещают, что году к 2020 он выйдет на первое место в мире по валовому продукту, уж несравненно обогнав Россию, а по населению он и сейчас превосходит её в 8 раз (а будет и в 10, и в 12), — и как мы надеемся удержать полупустынную Сибирь, ещё и брошенную нами в небрежении, незаботе, пугающей незаселённости, и особенно Дальний Восток, преступно содержимый нами как постылый и чужой? Да и войны не потребуется Китаю: польётся — как уже и льётся, дипломатически облегчённое при Горбачёве, — бесконфликтное "мирное завоевание", заселение наших пустеющих территорий сотнями тысяч, даже миллионами китайцев. Только в северном Китае живёт 300 млн., а во всей Сибири нас 8 млн. Наша плотность в Сибири — 2,5 человека на квадратный километр, а в Японии — 330 человек.

Невозможно представить, что перегруженная планета будет и дальше, и дальше спокойно терпеть запущенную неосвоенность российских пространств.

Нашей правящей олигархии, утонувшей во внутренних интригах, ничтожных расчётах и жадном обогащении, — хоть когда-нибудь оторваться бы и поднять глаза на эти Божьи просторы, несказанной красоты, души и богатств, — которые по несчастному року, но лишь на отмеренный срок, достались в её вредительное владение.

Трудно прогнозировать, насколько окажется устойчивой и как долгой наша с Китаем нынешняя как бы дружба. Как потекла она сейчас — мы просто пособляем выполнить китайскую программу вооружений. Но и закупки нашего оружия им скоро не понадобятся: от 1986, в период обвального падения нашей военной промышленности, военные расходы Китая возросли на 60%. И скоро нас отстранят как раздутую помеху.

И что не сломится дух Китая, проверенный тысячелетиями, тоже сомнения нет.

Да и это для нас — ещё не весь Восток, не вся Азия. Ещё есть — наши внутрироссийские автономии, хватило бы нам ума устроиться с ними. (Об этом — ниже.)

7. НАШ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ

Осенью 1994, по инерции долгого проезда Сибирью, северными русскими областями, потом южными, и от напутствий: “Скажите, скажите в Государст-

венной Думе" — и об этом!.. и об этом! — я, приглашённый выступить в Думе, пошёл туда со всей серьёзностью, как в какую-то, правда, важную инстанцию. Представил им и очерк из истории четырёх дореволюционных Государственных Дум — чуждых им, явно не в коня корм — и даже, с надеждой, назвал их 5й Думой. А депутаты, как это запечатлело телевидение, — кто разговаривал с соседями, кто печатал на компьютере, кто зевал, кто чуть не спал. (Хотели этим выразить насмешку надо мной? — а обсмеивали самих себя.)

И три четверти часа я впустую говорил им: о гибельном вымирании народа и неотложном сбереженьи его; о безразличии повсюду к столичной политике — и о слабой связи центральных властей с болями страны; и о самих, самих этих болях. И тем более впустую, когда стал говорить, что нынешняя избирательная система не даёт выхода активным народным силам, но народ рассматривается политическими партиями лишь как материал для выборов, а больше ни к чему и не нужен.

О несчастно принятой у нас избирательной системе я не раз говорил и во многих по российским просторам общественных выступлениях, и в моих, грубо оборванных, беседах по центральному телевидению. О длительной предвыборной лихорадке, которая начинает трясти страну и за год до выборов, и за полтора, — и все политические деятели, и думцы если и занимались какими государственными делами, то забывают их на этот срок. И что *прямые* выборы в дальний верх, при неразвитости всеобщего у нас правосознания, — *не могут* дать истинных народных представителей, лишь обманывают народ. Да ещё же: при неизбежной крупности округов избиратели не знают

своих кандидатов, а при партийной системе (глубоко порочен принцип — отдавать места партиям, да ещё половину мест) даже и по имени *не знают*, за кого голосуют: кого им потом снизошлёт партийный центральный комитет. (*Хлопай ушами, сваха всё скажет.*) И — как коробит эта развязная манера *самовыдвижения* кандидата, в противоречие с русскими традициями. И это пустословие предвыборного красноречия, и лёгкость, лёгкость бескрайних обещаний (а доверчивая масса ещё сколько-то верила им...).

Такая избирательная система отталкивает от выборной борьбы людей скромных, достойных, нравственных, духовно развитых, — то есть лучший уровень в народе, тех людей — мы редко увидим в депутатах. (Как и людей высоко специализированных.) И: такая система выборов требует от искателя совсем *иных* качеств, нежели то государственное умение, опыт жизни, ум и ответственность, какие потребуются от уже избранных: мы изначально, роковым образом, — избираем *не тех*, которые истинно нужны.

А — пристрастие в составлении избирательных комиссий? а возможности разнообразных фальсификаций при отсутствии истинного общественного контроля? И весь этот избирательный спектакль ещё перекрывается — тайными *деньгами, банками*, — они-то и подменяют собой волю народа. (А наиновейший проект избирательного закона, 1998, распахивает и ещё шире дорогу фальсификациям.)

Да "волю народа" откровенно и не ищут, если цинично признают состоявшимися выборы при 25% явившихся, — а что думает 75%, нам и знать не надо.

Равнодушие народа? Но тогда — он и не готов к парламентаризму, надо искать для него более верную форму представительства.

Да членство в наших Государственных Думах награждает депутатов помимо полной неприкосновенности относительно даже уголовного кодекса ещё и многими другими статусными и материальными выгодами. О них наши думцы позаботились в первых же своих законодательных актах. (Несколько членов "Выбора России" пытались протестовать против этих повышенных льгот, но смолкли, подчиняясь общему принятию.) Разные газеты в разное время сообщали и об этих принятых законах, и о цифрах выплат депутатам. Тут — фракции не спорили. Горячие столкновения были — за квартиры: из своих полученных московских квартир не хотел уходить (и не ушёл) Верховный Совет; подобно ему и "5я" Дума не хотела уступать квартиры "6й": все представители пространственного народа теперь желали навек остаться москвичами.

Всё это стыдно читать, если вспомнить, что в старой России члены Думы на своё содержание могли жить лишь очень скромно, из него оплачивали и съём петербургской квартиры (не имея права на казённую), не имели и казённого транспорта.

А так много получая из рук исполнительной власти — может ли наша законодательная становиться в весомую ей оппозицию?

А ещё же: рассудительный ход обсуждений смешивается и разрушается наличием и действиями партийных *фракций*: многие депутаты должны чутко помнить, что обязаны своим льготным избранием не жителям какого-то российского округа, а своим *партиям*, и голосовать должны не в сознании своей неотрывной включённости в судьбу тех жителей, а — по указанию своей партии (тому и словечко есть: "императивный мандат"). Да *противоборствующих* парламентариев, партию власти и партию оппозиции, по-

верх фракционных делений — объединяет и единый общий интерес: переизбраться и на следующий срок — и тем продлить свою удобную жизнь. Пребывание в одной общей большой лодке делает и все движения фракций умеренно осторожными, чтобы лодку не перепрокинуть. Трудно представить более оглядчивое "оппозиционное большинство" — в обеих наших безответственных Думах с их увилистыми председателями.

То развлекут нас скандальчиками (при дежурных клоунах), перебранками, даже и до мордобоя, балаганные заседания; то демонстративными выходами целых фракций из зала, — *кому первоучина, а кому и наскучило.* А груда нерешённых законов томится, тлеет, народная жизнь — подождёт. Законоутверждение — немощное, медленное, и законы выходят сырые, некачественные, часто сразу из первого чтения. (Зато не пропущена ни одна поездка на "межпарламентскую встречу", с их дополнительными удобствами. А иные депутаты, и в немалом числе, просто три четверти заседаний пропускают: "срок идёт", блага исправно капают — и ладно.)

Да ведь сколькие притекли из духовно окаменелого слоя! И кто из нас сам, насмотревшись и наслушавшись думских депутатов в их кулуарных интервью, не бывал поражён некоей механичностью их вида и тона голоса — от захвата политическими и личными расчётами? от внутреннего равнодушия к чувствам и бедам тех отдалённых, невидимых людей, лишь раз в четыре года требуемого *электората*? Раскатанные фразы без душевного чувства. Почти никогда не передастся тебе, что депутаты *живо* заинтересованы теми судьбами, до которых докатятся же и последствия думской, столь непринуждённой в личных манерах, процедуры.

Народные представители...

Проникают, конечно, и сюда здоровые духом. Да спасибо, что хоть иногда распахивается вид на бездарность или преступность, раздаётся какое-то обличение власти. И Конституция же 1993 года оставляет Думе не многим больше того, как быть украшающим довеском, на обочине реальной политики. Дума и психически ущемлена орудийным разгромом своих предшественников, Верховного Совета. (Да в Конституции, удобным образом, не разработана же и система отзыва депутатов; нигде такая процедура не обсуждена, никому не известна — и с этой стороны депутатам ничто не грозит.)

Так что же, возразят: обходиться без Государственной Думы?

Вообще-то: *не уродит мак — перебудем и так.* Система представительства должна выражать над самым ухом власти отчётливое *мнение народа,* а не каких-то партий и не каких-то случайных политиков, — выражать мнение, от которого властям бы не отмахнуться. Известна и такая представительная система, которая наращивается *ступенчатыми* выборами, где кандидаты сохраняют реальную связь с народной жизнью. (Я писал об этом в "Обустройстве", в 1990.)

В принципе известны и однопалатные парламенты (как и трёхпалатные). Пока — есть у нас Совет Федерации. Он становится всё менее похож на Думу и выражает собой остойчивость жизни регионов. О нём — дальше.

А более всего сказалась неохватливость обеих Дум в том, чтобы создать работоспособный и соответственный реальности закон о местном самоуправлении, хотя обе (и правительство) обещали его "одним из пер-

вых вопросов" — и все инстанции измотали консультациями по быстропеременчивым проектам. Созданные за это время нежизненные законодательные выкидыши не дают свободной возможности строить такое самоуправление, да с финансовой основательной базой.

И этот промах Дум (и правительства) неслучаен: реальное народное самоуправление (истинная демократия) явит им опасную конкуренцию.

Местное самоуправление — это и есть недоразвившееся перед революцией, а после неё раздавленное большевиками (тоже из конкуренции) земство. Оно и есть — народовластие. Одно оно только и может дать народу свободное дыхание и постепенно развить навыки демократии.

Ещё бы тут возмечтать об этической Инстанции в государстве? — да разве мы до этого когда вырастем? разве мы к этому бредём?

8. ВЛАСТЬ В СЕБЕ

Можно ли назвать хотя бы одно значительное направление государственной жизни, в котором наша власть 90х годов не понесла бы жестокого, а то и исторического поражения для России? Но это — мало волнует её, и даже как бы не замечается ею. Она вся — в себе. Она — упита собою и собою замкнута.

Сколько Указов, Указов, Указов, Законов, Законов — прогудели над нашими головами самолётными армадами. ("Мы учились эти 5 лет", — на живом теле России, да.) Однако большей частью их даже и не прочли, а кто и читал — забыл и, уж конечно, никто не выполнял. Нынешней власти уже и побаиваются,

уже и пригнетены ею (да по привычке всего бояться), — но кто её уважает? А власть, напротив, уверилась в своей самоустойчивости, новые же аппаратчики (аппарат в несколько раз больше цекистского) — что их уже не выкинут и не вытеснят, возможна только тасовка в колоде.

А самые-то неумолимые Указы — о борьбе с коррупцией и борьбе с преступностью — безнадёжно завязают, ибо наша преступность и коррупция — естественное следствие безмозглых "реформ" и государственной расхлябанности. Государственный аппарат не на 90 ли процентов разъеден продажностью и корыстью? Криминальность захлестнула уже все слои власти, и до высших. Как в гниющей органике почти невозможно разделить загнившее и ещё здоровое — так и в нашем государственном организме отделить хищный бандитизм от собственно российской здравой власти.

При стольких внешних переменах флагов, гербов, лозунгов, самая основная черта прежней, коммунистической власти — полная закрытость от народа и полная безответственность за совершаемое — присуща и нынешнему режиму никак не в меньшей мере. А что и попадёт в печать — то власть проигнорирует. Все демократические ширмы использованы только для прикрытия жадной олигархии и для обмана мировой общественности.

Между Властью и Народом глубинится пропасть — а Власть не хочет увидеть её и осознать, что никакие полки и десятки тысяч охранников не поддерживают её авторитета. Нынешняя центральная Власть слепо и равнодушно пренебрегает всеми разрушительными процессами, текущими в стране, она живёт только *собою* и *для себя*. И ей мнится, что так

всё будет держаться и впредь. Да, влиять на действия (или бездействия) наших властей мы при нынешнем российском режиме полностью устранены. Но и государственный уровень, как ни отъединяйся от страны, не может не испытывать на себе воздействия общего духовного состояния народа. Его надлом — разрушительно отдастся и верхушечному слою. Если "эта страна", которою, при безграничном народном терпении, так удобно править, из которой так удобно вывозить миллионы и миллиарды, если она, наконец, подломится — так и высокостоящим придётся же рухнуть? или искать заморского убежища?

Говоря "центральная власть" — какую именно отрасль мы имеем в виду? Более всего, конечно, Исполнительную. О Законодательной кое-что сказали. Но почему бы и не Судебную? — с постыдно бездействующей прокуратурой и оскудевшим судебным сословием, так и толкаемым к заработкам через взятки?

Из наших властных фигур, даже у лучших, редкоредко у кого ощутишь, что политические соображения момента не отсечены у него от общеисторического сознания: как этот сегодняшний шаг уляжется в нашу историю? не будет ли он предательством умерших или будущих поколений? и как он из глуби Истории будет выглядеть? Лишь у единиц.

И разве что у единиц — сознание, что власть — это не привилегия, не особый самолёт со свитой и охранниками, — а тяжкий долг, жертвенное, самозабвенное служение.

Ну, а наше *общественное мнение, культурный круг*, наши либералы и радикал-демократы, сперва так было восхищённые наступившим царством демократии и изумительными реформами, потом разочаровавшиеся и в этих реформах и властях — до биче-

вания их? Да ещё особо, но из их же среды, — Четвёртая Власть, со всеми её порывами то против этой постылой "федеральной армии", то с оправданием чеченских боевиков и террористов, то с проклятьями российско-белорусскому воссоединению, — они все что ж? разве не освоили своей специфичной территории в зоне власти и государственного направительства?

Однако ещё же один вид власти мы до сих пор не назвали: *денежную власть*, а она выступает помогущественней власти прямого приказа и Указа. По мудрости нашей "приватизации" почти за бесценок и выращивания коммерческих банков за счёт государственной казны у нас выросла самая решающая из властей. На вершине её — группа ведущих банкиров, которая так и шутит: "Бросаем жребий: кому теперь идти в правительство." Об этой капиталократии не раз прямым текстом заявлял Б. Березовский: **"У нас — власть капитала."**

И он — на пороге того, что прав. Отныне без поддержки мощного капитала (а часто — и мафиозного, воровского) никто у нас, при нынешнем режиме, уже не доберётся до вершин власти — так что приходится пока отказаться от надежд на благоприятный для народа исход во всеобщих *выборах*...

Всему тому поучительный пример явила знаменательная президентская избирательная кампания 1996 года. В ней грозно (ошибочно) замаячила опасность, что коммунисты вернутся в России ко власти.

Кампания развернулась с марта — и уже в апреле публично явлена была нам трусливая выступка *Тринадцати банкиров*. Нескрываемый страх за нажитое богатство родил у них блистательную идею: демократия — это очень хорошо, но — не надо всеобщих выбо-

ров! пусть демократы и коммунисты примирятся на каком-нибудь компромиссе, а иначе мы применим *свои рычаги*, мы и прессу повернём, как нам надо. Чуть позже проступила *Семибанкирщина*, напрямую сговорившаяся контролировать высшую власть над Россией. (Почти 50% экономики России — уже в их руках*, а будет и больше. По самым новейшим данным** — 15 крупнейших компаний и банков контролируют 70% экономики страны.)

На самом деле сей вариант с коммуно-демократическим примирением был у банкиров лишь запасной. А за кулисами, как год спустя мы узнали от говорливого Березовского, уже сжималась железно-золотая сцепка "молодого русского капитала" с молодыми звёздами олигархической бюрократии: во что бы то ни стало провести своего президента! И это им, правда не без труда, удалось. И они победно ликовали.

Ибо они лишены исторического чувства, в ошеломлении от своего неожиданного сверхбогатства надменно уверенные быть вершителями России отныне и во веки веков. И бесплодно было бы теперь воззвать к их — да их, да таких! — *совести*...

Но ещё никто земной не умел предсказывать все неожиданные ходы Истории.

Весь 1995 год напряжённо отделывались, изукрашивались по высшей царской мерке кремлёвские апартаменты — не для того же, чтобы вскоре попасть под превратности демократического переизбрания? Надо же было беспечно плыть до этого рубежа, чтобы тут броситься в проверенные стандарты американского избирательства, показа кандидата — и каждая тут черта в его изламываньях обещала нам

* Financial Times, 1.11.1996.
** "Независимая газета", 11.3.1998, с.3.

мудрый государственный смысл. И притом пойманный выкрад полу*милл*иона наличных долларов (!) не был сочтён прокуратурой ни даже малейшим проступком. (А сколько таких выкрадов прошло без перехвата?) И, в отличие от Штатов, все телевизионные каналы как один многочасно славили лишь одного излюбленного кандидата. Достигла Россия вершин свободы! И, в отличие же от отставших западных демократий, слышали мы успокоения отечески монаршим тоном, что уже есть на примете и *наследник* (республиканский?) 2000 года, и даже не один: они, наследники, уже "бурно растут" (9.6.96). И ещё на поддержку съехались (17.5.96) все президенты СНГ для трёхкратного лобызания с привычным, удобным коллегой. И сама вся Большая Семёрка дружно поддержала наиприемлемого для себя руководителя России. И даже предсмертное состояние его, перед вторым туром, было успешно скрыто от избирателей, для надёжности.

Кажется, своим распоясанным поведением и распорядительством эта правящая группа в короткие годы сделала всё, чтобы склонить *милл*ионы людей востосковать об утраченном коммунизме. (Вздохи об утерянном "коммунистическом счастьи" возникают или у тех, кого прямо не коснулись многомиллионные свирепые уничтожения большевицких десятилетий, или у тех, кто никогда не осмыслил своей тогдашней обокраденной, жалко покорной жизни.) Но не у меньших миллионов действовал и устоявшийся страх перед тучей возврата коммунистов. И тем парализован был всякий возможный содержательный смысл тех выборов. Весь выбор стёкся: коммунисты или не коммунисты? (За единственный разумный выход, в чём я был уверен и предлагал тогда, — *против обоих*, чтобы вы-

боры, согласно правилам, отложились бы, кандидаты или бы сменились, или вынуждены были проаргументировать свою политику, прошлую и будущую, — т а к проголосовало лишь 5%.)

А по мне: в ту избирательную кампанию уже так явно была видна неуверенность Зюганова, боязнь победить у коммунистической верхушки: они всё менее представляли себе, как же теперь вытаскивать из болота это выпавшее звено Мирового Интернационала. Да они не могли ещё отделаться от шока, как провалились со своей "отменой Беловежских соглашений" — в грохоте по СНГ и по планете. И дальше, при всех порой дерзких заявлениях коммунистов, — уверенно продолжалось их втягивание в компромисс с олигархической властью, в скрытые переговоры, сделки, всё громыхание их кончилось ничем. Были *звонки бубны за горами, а к нам докатились лукошками.* Оппозиция самоизничтожалась.

И эта внутренняя проигранность коммунистов — нашла-таки понимание и поощрение. Президент уже раньше несколькими Указами двигался к "согласию и примирению". (И — ещё как ждалось бы Примирение! — но не с благоденствующими вождями оппозиции, а с тьмою нищих и обобранных по всей стране.) И вершина Примирения достиглась в день 80-летия большевицкого переворота. В юбилейном обращении Президента *даже не были вспомнены* тюрьмы ЧК-ГПУ и лагеря ГУЛага, — но нашлось место "понять и простить тех, кто совершил роковую историческую ошибку", промахнулся на теле России с Великой Доктриной. То есть и за *белых*, кто три года доблестно защищал Россию от красного оголтения, — теперь тоже великодушно всё простили.

Так, к юбилею, две ветви советчины — успевшие в

новую власть и завязшие в оппозиции — закономерно снова смыкались. Прочная петля на нашу шею.

Однако, вступая во второй президентский срок, не пора ли было, для лишней опоры, обзавестись и *Национальной Идеей?* О том был тотчас издан Указ (6.7.96), а к нам всем — благоувещательное обращение: думайте, сочиняйте Национальную Идею!

И нашлись старатели-копатели такую Идею сочинять. Только — зря. Уже бесповоротно стало ясно, что эта власть не изберёт национальной идеей — Сбережение Народа.

Тогда как в странах Восточной Европы установились открыто национальные правительства (и *никто* их за это не корит); тогда как власти республик СНГ, да и всех автономий в России, напряжённо заняты сохранением своего коренного народа (и повсюду считают это естественным), — у всего комплекса нынешних центральных российских властей — отсохло, отвалилось, да не произрастало никогда, внимание к существенным нуждам р у с с к о г о народа. (Одним патриотическим названием загородной резиденции или очередного ордена — ничего не изменишь.) *Чего за душой нет — того к коже не пришьёшь.* Наши центральные властные круги — и уже не в первую, ох, не в первую смену — к собственно *русским* проблемам нацело равнодушны, если ещё не льют кровь русской юности, как в Чечне, или не попускают затемнять юные души.

А меньше всего заботятся — о 25 миллионах земляков, впопыхах к *независимости* отмежёванных от нас.

ОТМЕЖЁВАННЫЕ

9. ЧУЖЕЗЕМЦЫ В 24 ЧАСА

“Русский, езжай своя Россия!”, “Убирайтесь, пока всех не перережем!”, “Пошли вон с нашей земли, проклятые!”. А в Средней Азии выставляли и такой лозунг: “Оставайтесь тут, нам нужны рабы!” Оскорбляли на улицах, в трамваях, в самых людных местах, приставали к женщинам. От русских из азиатских республик я получал об этом письма ещё в Вермонте, потом много больше в России.

Живя на своих привычных местах, где провели они всю жизнь, а то и отцы-деды их, — проснувшись в своих домах, внезапно узнали, что они живут — за границей, нежеланные, теснимые и даже ненавистные чужеземцы. Как можно освоиться с таким? переработать в сердце, в груди, в голове? Советская “дружба народов”, о которой столько мы слышали од и баллад, — вмиг оскалилась с враждебностью, подавлявшейся, но, значит, никогда и не затихавшей. (И глубже в историю: значит, и за столетия совместной жизни мы не расположили к себе эти восточные народы. А — возможно ли такое вообще? Много ли мы видим иных примеров по земному шару? Хорошее — принимается как должное и легко забывается; плохое — питает жар национальных обид.)

К т о были эти наши соотечественники, осевшие на окраинах? Из ссыльных, из эвакуированных или из посланных — лучшие работники, инициативные, сметливые, профессиональные, с повышенной долей специалистов средь них. Это о н и принесли на окраину науку и высокую культуру, это о н и развили там всю технику, индустриализацию. (В Таджикистане, по официальным советским данным, после революции "поднялось производство в 210 раз"! — уж каким бы методом ни считано, а: из ничего создали всё.) Или множество сосланных "раскулаченных" и их потомки — никак не худшие труженики, неленивые, работящие, непьющие. (Вспоминаю республиканскую онкологическую больницу в Ташкенте, где я лежал: ведь вся она держалась только русскими переселенцами да ссыльными.) И теперь поднималась волна *выживания прочь*, отъёма квартир, земельных участков. И смеются над ними, что Россия бросила их беззащитными. Сплошь выталкивают с должностей высокооплачиваемых на оплачиваемые низко. Даже в столичном Ташкенте на русском кладбище ломают ограды могил, портят или расхищают надгробия. Резко оттеснили русскую молодёжь от институтов. Русские школы ограничивают или вовсе закрывают. Русский язык как язык обучения — во всех государствах СНГ вытесняется, историю преподают в трактовке "титульной" нации. А годы, вот, утекают — уже протекло таких 7 лет, немного до полной школьной жизни ученика. И таких российских школьников в СНГ — миллионы.

И ещё же (немало таких случаев знаю): "чужеземцам" прекращают платить пенсию, заработанную в едином СССР, но в другой республике: "Вам дали её в другом государстве, там и получайте!" (Если же *здесь*

получал, то отъезжающему не дают справки о пенсии.) И компенсацию реабилитированным, бывшим зэкам, ссыльным: "Осуждён был не в нашей республике? Там и получай!"

Слёзы — звенят даже в письмах. За что им так досталось (и с такой внезапной крутостью)? Родина отказалась от них — за что? Они всё ещё, всё ещё надеются на покровительство России... Тщетно.

Одни, обескураженные, отначала остались терпеть до конца. Покинутые, униженные — смиряются с уделом учить детей на чужом языке. В других вспыхнул естественный порыв: уехать в Россию! Бросались к российским новопосаженным послам и консулам — встречали у них непроницаемое безразличие. Получить российское гражданство? — длиннейшая волокита, так что легче рискнуть и поехать в Россию без гражданства. Тогда действовать самим? Продать квартиру? (Они враз подешевели.) В иных республиках им *запретили* продавать. Тогда обменять бóльшую на меньшую, чтобы бросить даром меньшую? Запретили и менять. Власти препятствовали и заказывать контейнеры для домашнего имущества. Потом — запрещали вывозить мебель: это — достояние Республики! "Понятия 'личное имущество' не существует" (ответ в Туркмении).

И ещё же, добавить: в иных республиках, как Азербайджане, Киргизии, Казахстане, Таджикистане, вспыхивали "горячие точки" — междоусóбная резня, насилия, пожары, эти огненные вихри сами выталкивали уезжать.

А где — и не "горячие"? В республиках Закавказья и Средней Азии — русским не стало, н е т места, и не будет! И уехать — самый естественный выход. Да статистика показывает, что отъезд русских из За-

кавказья начался и тёк уже с 60х годов, уже к концу 80х уехала пятая часть, это процесс исторически неумолимый. (Я в Грузии ещё в 1937 слышал горькие жалобы русских на притеснения от грузин и невозможность сыскать справедливость. И в Казахстане видел сходное: добиться правды через суд над казахом — исключено.) Со второй половины 70х годов начался отток русских и из Средней Азии. С 90х годов потоки отчаянных возросли до сотен тысяч. Из Таджикистана, так упорно (и бессмысленно) защищаемого нашими пограничниками, из русских ещё не бежали только пожилые да бедные, но до них у нас вниманье не доходит. Нам там — не жить, и если б это поняли российские власти — может быть, облегчились бы ещё миллионы судеб.

Самодовольные наши правители, когда с лёгкостью подписывали мгновенный распад страны, безо всяких договоров и условий, — разве задумались, чтó значит резать по живому телу? Ни в одном российском заявлении после Беловежа память и забота об этих брошенных не прозвучала, а уж тем более не была объявлена со стороны России открытая возможность всем отторгнутым, любому-каждому, в любой изъявленный момент свободно получить российское гражданство. (Да хотя б оценили, что возврат отторгнутых на родину — при нашем миллионном вымирании — массивный жизненный государственный интерес. Ведь пополнили бы наш редеющий народ!) Российские власти, занятые своими расчётами, интригами и провалами, за 7 лет не нашли в себе твёрдости или смелости сделать решительное движение в защиту соотечественников, брошенных в СНГ. Да ведь упаси Бог расстроить гармонию Содружества! У восточных правителей робко попросили "двойного граждан-

ства" для этих защемлённых; но, кроме Туркмении, нам везде отказали.

Знает ли мировая история такое массовое предательство своих сынов Родиною, как одномгновенно мы бросили за границами России одну шестую часть русского народа, и безо всякой нашей защиты и попечения? Сравнить можно только с тем, как СССР предал свыше 5 миллионов своих военнопленных в германскую войну, — в этом (да только ли в этом!) "демократическая" Россия верна советской традиции.

Но о ком здесь идёт речь? вызволять кого — долг России? Юридическая сторона сильно запутана "советским гражданством": одно оно и было у всех ныне живущих, но мгновенно лопнуло у двухсот миллионов. (Об этом-то и должны были озабоченно подумать составители Беловежского соглашения!) Сказать, что надо вызволять *российских* граждан? — но таких не было до 1991. Значит: всякого, принадлежащего к одной из *нынешних* российских национальностей, не имеющего этнически-своего государства в СНГ и желающего жить именно в России. Отвеку выбрала Россия непростую стезю быть страной многонациональной — и ни от кого *своих* она отказываться не может.

Хотя бы, используя направленность нынешнего мирового общественного мнения, громко и постоянно требовать *защиты прав* каждого нашего там отмежёванного? Да где там. Безвольно отдавши миллионы этих людей, российские правители не имеют ни способности, ни охоты защищать их. Да и в международном мнении есть тоже свой разбор: кого где модно защищать, а кого где нет; отрезанных русских — слегка защитили только в Прибалтике, и надолго ли? 22.3.97, после встречи с Клинтоном, наш Президент обмолвился и так: "Не будем ссылаться, что в Прибал-

тике притесняют русских” (в Риге в 1998 уж зашло за край, слишком явно). Хотя бы, как нынешняя Германия зорко печётся о немцах в России — помощью их инициативам, организацией, деньгами, делегациями к ним? И мы бы так? Нет, конечно, нет.

Однако из Казахстана, где казахов, со всеми переселенческими усилиями Назарбаева, всего 40%, а русских до 7 миллионов и ещё же множество украинцев, 2/3 миллиона немцев, поляки, — уезжать стыдно, это немощная капитуляция. Не большинству же бежать от меньшинства. Вся республика воздвигнута русскими, раскулаченными, ссыльными и зэками. (“Русскими” зовут там всех не-казахов и не-среднеазийцев. Там же и остатки четырёх казачьих войск — Уральского, Оренбургского, Сибирского и Семиреченского — с 400-летней традицией.)

После объявления Казахстаном независимости отношение к русским сразу резко ухудшилось. В поспешной конституции объявили многонациональный Казахстан “государством самоопределяющегося казахского народа”, казахский язык — единственным государственным и официальным, и закон: что “противодействующие реализации государственного языка” подлежат лишению гражданства: не хочешь говорить по-казахски — хоть убирайся прочь, хоть пропади на месте. (Потом — допустили русский язык “для деловых общений”.) Ускорилось вытеснение русских со служебных постов. Успешно преграждают выдвижение русских депутатов от русскоязычных районов, а всё же избранных — кого вытесняют потом. Требования русскоязычного населения вести в русских школах русский язык, литературу и историю по россий-

ским программам обрываются, объявляются "экстремизмом, нарушающим суверенитет Казахстана". Допуск русского языка в вузы резко ограничен, почти всюду — обязательные экзамены на казахском языке. Прекращается трансляция одного за другим российских телеканалов; ещё интенсивнее сокращается внутриказахстанское и областное телевидение на русском языке. Русская печать лишается материальной базы, угасает, резко сокращается. Искусственно прерывается подписка на российские издания. За новостями, за русскими газетами — ездят в Омск. И кому надо послать важное письмо в Россию — казахстанской почты (и цензуры) избегают, просят с оказией опустить в России. На севере Казахстана, в самых наирусских областях, — было несколько случаев сожжения православных храмов, нападение на епископа — бушевали отряды казахских националистов ("Азат", "Алаш"). По всему Казахстану города и селения с исконно русскими названиями сплошь переименовываются по-казахски. Назарбаев подытожил: "в Казахстане русского вопроса н е т", возбуждение его, дескать, — подобно тревоге о судетских немцах в 30е годы (24.11.93). А чем он "обеспокоен"? — "русским империализмом" (январь 94го, Давос). (Несмотря на грубые нарушения процедуры выборов в Верховный и местные советы, отмеченные многими иностранными наблюдателями, в мае 1993 отчёт вашингтонского Белого дома гласил: права человека в Казахстане — соблюдаются. А вскоре после разгона Верховного Совета один американский наблюдатель даже назвал Назарбаева "учителем демократии". Не видят?.. Нет, видят, как им выгодно.)

Но при таком многочислии, как у русских в Казахстане, — многие народы сумели бы себя отстоять.

Вот тут-то проступает болезненная русская слабость — неспособность к самоорганизации. Мы там, увы, не народ, а разрозненные лица, не имеющие живоспособных этнических организаций и лидеров. Только казаки, так жестоко разгромленные в советское время, нашли в себе силы к сопротивлению — но их отчаянные попытки казахские власти давят, избирательно по самым смелым, — взломами квартир, избиениями, наручниками, вымариванием в тюрьме, сроками по ложным обвинениям. Всякие самозащитные действия подпадают под "разжигание национальной розни". (Пожилую русскую женщину-адвоката тащили волоком по земле из дома до машины, на арест.)

И — темно будущее этих наших миллионов в столь демократичном восточном ханстве. Грядущее перерождение нескольких миллионов русских людей? переплав одного этноса в другой, даже расы в расу? — это шрам на столетие и более.

Стотысячные потоки беженцев из Казахстана начинают и опадать (1994 — 304 тыс., 1995 — 191 тыс., 1996 — ещё ниже): у людей подрывается вера в родину и что они кому-то здесь нужны.

И всё — при полном безучастии властей российских.

Но добавлю горчайшее. Сколько ни ездил я по областям России, встречался со множеством людей — н и к т о ни в личных беседах, ни на общественных встречах, где высказывались самые многосотенные жалобы на современную нашу жизнь, — никто, никто, нигде не вспомнил и не заговорил: а каково нашим тем, отмежёванным, брошенным, покинутым?

(Разве только попадались сами беженцы, тогда — они и говорили. На ставропольской встрече беженка из Грузии: “В любой момент ударят за то, что говоришь по-русски. Выталкивают из людей.”)

За чужой щекой зуб не болит.

Горько, горько — но кого упрекнёшь? Так расколот до основания быт; так перевёрнута вся жизнь, людям только-только что устоять на ногах самим.

Мы утеряли чувство единого народа.

10. БЕЖЕНЦЫ

Только через полгода после развала СССР российские власти очнулись, что надо же заняться этими беспокойными соотечественниками, зачем-то бегущими к нам из новых государств. Медлительно была учреждена Федеральная Миграционная Служба (ФМС), и, не очень спешно, стала формироваться сеть её отделений по российским областям. Скудный бюджет ФМС иные годы выполнялся лишь процентов на 15. Жалки были пособия беженцам и несоразмерно малы ссуды, на какие не обосноваться. Иногда даже у родственников не давали им прописки, местами требовали за прописку многомиллионный взнос. (Нередко беженцы оставляли своих стариков на чужбине, боясь их брать, — и правда же...)

Приехавшие в слепой поиск, сверхнапряжённые всеми нервами и силами, пытались строить новую жизнь. До 40% приезжающих — с высшим образованием, но на горькой Родине — и своих профессионалов стал избыток. Иные готовы ехать в село, осваиваться там. Приезжали инициативными, сплочёнными группами, хотели устроить компактное поселение

или достроить колхозный недострой — тут же, не дав опериться, их обкладывали налогами: "Подавляйте в себе иждивенческие настроения!" Провинциальная администрация обманывала их или вымогала взятки. "Не нравится? — уезжайте назад, вы нам не нужны." Переселенческие группы отчаиваются, разваливаются. Переселенцы рады и подвалам, и помещеньям без отопления, и вагонкам в чистом поле; наконец завели для части из них — "центры временного размещения".

Почему де Голль мог быстро выхватить до миллиона французов из потерянного Алжира? Почему разрушенная войной Германия могла принять несколько миллионов немцев из теряемых земель — из Пруссии, Померании, Силезии, Судет? А наше государственное руководство считает массовый возврат русских беженцев бедствием для России: при общем хозяйственном развале — где найти им работу? где жильё?

Впрочем, и правда же: властям, у которых и вся страна сыплется из рук, запущена до омертвения, — какой промотанной казной и какою долей внимания заняться беженцами? Только и хватило Президенту сил заявить (1994): "Российское правительство благодарит страны СНГ за то, что они *дали приют* нашим соотечественникам..."

А что ж — российская пресса? а что ж "демократическая общественность"? А она — и знать не хочет этих брошенных. Пресса — не ходит на митинги беженцев: это — не эффектный материал. А когда и напечатает какой о беженцах, он остаётся без ответа — и у власти, и у общества.

То-то ведь и самое страшное: беженцы в своих многочисленных бедствиях встречают не только бесчувствие властей, но — равнодушие или даже непри-

язнь, враждебность от местного русского населения. “Ещё их проверить надо, небось они богатые”, “Что приехали? нам самим жрать нечего!”. В Чудове отключили к зиме отопление в беженских бараках. Пишут и о случаях поджога беженских домов.

И это — самый грозный признак падения нашего народа. Нет уже у нас единящего народного чувства, нет благожелательства принять наших братьев, помочь им. Судьба отверженных беженцев — грозное предсказание нашей собственной общерусской судьбы.

Разговаривать с беженцами и читать их письма — разрывается сердце. Они устали просить о помощи. — “Мы в России никому не нужны.” Там, в чужеземьи, у гонимых, у них особенно обострилось русское сознание и русская боль — потянулись утолить её здесь, а тут она поругана. — “Для нас у властей нет средств, а на увеселения не жалеют.” В 93–94м годах создался и существовал “Союз русских беженцев”, но от *русских* — не дождался поддержки. Ослаб и рухнул.

Но, но! Как говорит наш Президент (7.11.97): “приходит время, когда повседневная жизнь граждан становится главной задачей государства”.

“Приходит”, приходит — да никак не придёт. После 12 лет всех “перестроек” и перебуровок, мы уже наглядно и телесно это ощущаем.

Описанные тут подробности с годами изменятся, но из нашей позорной истории они уже не уйдут. Эта скорбная беженская эпопея — ляжет тёмной полосой на российские 90е годы XX века. Без неё нет понимания ни современной России, ни современного русского народа.

11. МИГРАНТЫ

Закон о беженцах так и не различил: воистину российских вынужденных переселенцев — и полноправных граждан новообразованных государств СНГ, которые по каким-то причинам тоже предпочитают переселиться в Россию. Это вызвало последствия в сотнях тысяч случаев.

Уже с 1992 власти наложили запрет на расселение беженцев-переселенцев в Москве, Петрограде, Ростовской области, Ставропольском и Краснодарском краях. Этот запрет не устоял, однако, перед большими, а то и бешеными деньгами приезжающих кавказцев, закавказцев, среднеазиатов: они легко взламывали запрет, покупали участки, дома, заводили свою коммерцию. Для русских беженцев — не было жилья и работы, для “братьев с Кавказа” — всё открыто. Одних азербайджанцев, непрерывно мигрирующих в Россию, уже к 1989 было до 300 тыс., а к 1996 — более двух с половиной миллионов (с широким разливом по России). (Переселение имело такую предысторию. По сравнению переписей 1979 и 1989 за тот период в РСФСР численность киргизов увеличилась на 178%, азербайджанцев — на 124, таджиков — на 114, узбеков — на 76, туркмен — на 73.*) Сотнями тысяч переехали на Северный Кавказ (особенно в Краснодарский край) и армяне из суверенной Армении. И ещё то характерно, что приехавшие концентрируются не на производствах, а — на коммерции, обслуживании.

Каково здесь должно быть государственное реше-

* *В.И.Котов.* — В сб.: Русский народ: Историческая судьба в XX веке. М., АНКО, 1993, с.79.

ние? Дело не в этнической, а в государственной принадлежности. Есть армяне в Нахичевани-на-Дону и рядом, есть в Армавире, в Ставропольи, поселившиеся там ещё с екатерининских времён или с XIX века, — они законно чувствуют себя коренными гражданами России. Тут нас перебьют, опередят: "А если армянин или азербайджанец всё равно хочет переехать в Россию? права человека! интернационализм!" Однако страны СНГ объявили себя *именно национальными* государствами, в этом самоизъявлении есть своя ответственность, и она раскладывается на каждого члена той суверенной нации: *твоя* страна, а вне её ты — *иностранец*. Из объявления своих независимостей надо же делать и выводы. (А попробуйте с такой лёгкостью втечь в Соединённые Штаты? — сразу вас выставят; иностранец так просто не поселится.) И Россия, особенно в её нынешнем трагическом и скудном состоянии, не может принимать без ограничений и стеснений всех желающих ехать к нам из Зарубежья, "ближнего" или "дальнего". Выходцы из новопровозглашённых государств СНГ могут рассматриваться в России лишь как *иностранцы* — и, стало быть, с ограниченным статусом и в гражданской и в экономической деятельности.

Людям в угоду — да и самим же не в воду.

Типичный конфликт я встретил в Ставропольском крае. Изнемогающая от этого интернационального наплыва (и растущего против него напряжения) краевая дума в начале 1994 постановила: "Избыточное давление неуправляемого механического прироста населения от лиц, прибывающих в край из бывших республик СССР, часто — для криминальной экономической деятельности, приводит к ущемлению интересов коренного населения края в обеспечении жильём,

коммунальным, транспортным, медицинским обслуживанием и природными ресурсами. Российским же законодательством до сих пор не предусмотрен порядок въезда и пребывания иностранных [из СНГ] граждан и лиц без гражданства". И краевая дума постановила ввести визовый режим, квотирование въезда этих иностранцев, а для принятых установить семилетний ценз оседлости прежде удовлетворения их претензий на земельные участки и долю в приватизации.

Разумнейший оборонительный закон. Но: Главное Правовое Управление при российском Президенте (в документах нечувственно и разительно сокращаемое в ГПУ) наложило вето на этот краевой закон: "нарушаются права *мигрантов*", оскорбляется наша интернациональная честь. Российские беженцы из стран СНГ и иноземные теперь для нас искатели — все удобно легли в одно определение: "мигранты", в единый закон.

В Таджикистане гражданская война — бегут в Россию таджики. Армения и Азербайджан схватились из-за Карабаха — и армяне, и азербайджанцы, и "еразы" (ереванские азербайджанцы) хлынули на русское раздолье. И сколькие с деньгами, и каждая этническая группа сплочена в себе.

К этому следует добавить, что министр-угодник иностранных дел Козырев поспешил в 1992 — из той же интернациональной чести? — подписать международную конвенцию о правах беженцев, — после чего Россия лишилась права высылать со своей территории любых африканских и азиатских мигрантов, которые (их уже до полумиллиона), ища пути в Европу и за взятку в наших посольствах, сумели приземлиться на любом российском аэродроме либо перешагнуть

нашу границу. Теперь, по Женевской конвенции, Россия стала для них "страной первого убежища", мы обязаны их расселять, содержать: другие, желанные ими, страны уже их не примут. В одной лишь Московской области к 1997 скопилось 400 тысяч мигрантов из разных стран.

От массовой чужеродной иммиграции страдает и весь Запад, это — черта века.

12. СЛАВЯНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Я убеждённый противник "панславизма": это всегда был для России замах не по силам. Никогда я не одобрял нашего попечения о судьбе славян западных (жестокая ошибка Александра I с присоединением Польши, да и у Чехии далёкий от нас путь) или южных, где за нашу опеку и жертвы мы получали либо неблагодарность, как в Болгарии, либо встревали в необязательную для нас, но губительную войну, как из-за Сербии.

Однако не могу отнестись без пронзающей горечи к искусственному разрубу славянства восточного. Вмиг разрезаны миллионы и миллионы семейных, родственных и дружеских связей. Разруб этот произведен беспечным, небрежным махом нашей ново-демократической власти. Но — и по обречённой пассивности нынешнего русского народа; и его 12-миллионной части, живущей на Украине, и *вдвое большего* числа тех на Украине, кто своим родным языком в последнюю перепись (1989) заявил — русский. Легко дали себя убедить, что от разделения с Россией им станет сытней ("колбасней").

От самых первых шагов создания украинского

государства там раздувалась — для укрепления политических рядов — мнимая военная угроза от России. Когда начала формироваться украинская армия — от офицеров при принятии присяги требовали заявить особую готовность воевать именно против России. *Угроза* войны так жаждалась ими (для укрепления слишком ещё разбродного "украинского сознания"), что достаточно было России заявить лишь о *намерении* продавать нефть не по дешёвке, а по мировым ценам, — с Украины грозно откликались: "Это — война!!" (Кучма,1993: "Никакая экономика не выдержит, если нефть покупать по мировым ценам.")

И во все 1992–98 годы не было ни одного раунда русско-украинских переговоров, в который украинская сторона не взяла бы верх, далеко уйдя от кравчуковских беловежских "прозрачных границ", "неразрывности русско-украинского союза" — до постоянной упорной украинской оппозиции против России и на арене СНГ, и на мировой. Российская сторона неизменно, шаг за шагом, всё далее отступала, только отступала. Постоянно (и поныне) уступала экономически, пытаясь подкупить непримиримость украинской стороны. И жертвовала, голова за головой, командующими Черноморским флотом — непреклонными адмиралами Касотоновым, Балтиным. После очередного уступчивого соглашения мы услышали (9.6.95): "Я поздравляю Украину, Россию и весь мир!" Украину — конечно, и весь мир — несомненно, но — с чем была поздравлена Россия?.. Украина уже так явно вытесняет нас с Чёрного моря! И новейший вид "неформальных встреч" (вид дипломатии, отодвигающий нас в феодализм) ещё дальше усугубил уступки России.

Со многими украинскими националистами я сидел в лагере в 50е годы и понимал так, что мы с ними в искреннем союзе против коммунизма (слóва "москали" мы от них не слышали тогда). В 70е годы в Канаде и в Соединённых Штатах, где велик массив украинской эмиграции, я наивно допытывался у них: а почему они нисколько не выступают против коммунизма, ничего не делают против него, — но так остро высказываются против России? Наивно, потому что лишь годы спустя узнал, что пресловутый американский закон 86–90 "о порабощённых нациях" был искажённо сформулирован против *русских* и подложен американскому Конгрессу именно украинскими националистами (конгрессмен Л.Добрянский).

По мере того как украинские националисты разворачивали свою идеологию, в ней брали верх самые дикие крайности трактовок и призывов. Мы узнали, что украинская нация — это "сверхнация", она настолько уходит в тысячелетние глубины веков, что украинцем был не только Владимир Святой, но даже, по видимости, и Гомер, — и в подобном духе комично переделываются школьные учебники на Украине, ибо украинский национализм, при столь явном меньшинстве этих националистов, напорно возводится в идеологию всей Украины. "Украина для украинцев" — это уж самое несомненное (хотя на Украине живут десятки народов), но и: "Киевская Русь — до Урала!" Русские отлучаются и от славянства как "монголо-финский гибрид". Созданный теперь в Одессе Институт национальной геополитики носит имя (Юрий Липа) автора книги "Раздел России", ещё в 1941 предложившего программу: "Россию можно сокрушить только в союзе Украины с Кавказом и Закавказьем." В духе этого в 1992 украински-

ми националистами открыто праздновался во Львове юбилей гитлеровской дивизии СС "Галиция" (и это не вызвало упрёков, возмущения от Соединённых Штатов). На их конференции, 1990: "Мы исповедуем культ силы, сила — это всё!" Для того Украинская Национальная Ассамблея (УНА) имеет свои штурмовые отряды (УНСО) и лозунг: "УНА — до влады [к власти], УНСО — до штурму!" На Конгрессе 1994: "Поддерживать региональный сепаратизм в России для развала её!"*

И такая антирусская позиция Украины — это как раз то, что и нужно Соединённым Штатам. Украинские власти, и при Кравчуке, и при Кучме, подыгрывают услужливо американской цели ослабить Россию. Так и дошло быстро — до "особых отношений Украины с НАТО" и до учений американского флота в Чёрном море, 1997. Поневоле вспомнишь бессмертный план Парвуса 1915 года: использовать украинский сепаратизм для успешного развала России.

Раздробление наше, так радующее нынешний политический мир, болезненно и затяжно скажется на всех трёх славянских народах. А сегодняшняя тактическая теплота к Украине с дальнего-дальнего Запада не окажется долговечной, но лишь — до минования надобности.

Увы, националисты с Западной Украины, веками оторванные от остальной Украины, пользуясь переполохом 1991 года и неуверенностью украинских лидеров, стыдливо спешивших отмыться от коммунизма примыканием к накалённому "антимоскальству", — сумели начертать и вменить всей Украине ложный исторический путь: не просто независимость, не есте-

* "Аргументы и факты", 26.6.1994.

ственное развитие государства и культуры в своём натуральном этническом объёме, — но удержать побольше, побольше территорий и населения и выглядеть "великой державой", едва ли не крупнейшей в Европе. И новая Украина, денонсировав всё советское законодательное наследие, только этот один дар — фальшиво измысленные ленинские границы — приняла! (Когда Хмельницкий присоединял Украину к России, Украина составляла лишь одну пятую часть сегодняшней территории.)

В самостоятельном развитии — дай Бог Украине всяческого успеха. Отяжелительная ошибка её — именно в этом непомерном расширении на земли, которые *никогда* до Ленина Украиной не были: две донецкие области, вся южная полоса Новороссии (Мелитополь—Херсон—Одесса) и Крым. (Принятие хрущёвского подарка — по меньшей мере недобросовестно, присвоение Севастополя вопреки, не говорю, русским жертвам, но и советским юридическим документам, — *государственное воровство.*) Стратегическая ошибка в выборе государственной задачи будет постоянной помехой здоровому развитию Украины, эта изначальная психологическая ошибка — непременно и вредоносно скажется: и в неорганичной соединённости западных областей с восточными, и в двоении (теперь уже и троении) религиозных ветвей, и в упругой силе подавляемого русского языка, который доселе считали родным 63% населения. Сколько неэффективных, бесполезных усилий надо потратить на преодоление этих трещин. По пословице: *Нахватанное — ребром выпрет.*

А чтобы поднять украинскую культуру до уровня международной — сколько ещё десятилетий понадобится. Так поднять, чтоб украинские учёные не нуж-

дались писать свои работы по-русски, если рассчитывают на иностранные переводы.

Именно потому, что я испытываю к Украине самое родственное чувство, люблю её, — я так же не желаю ей "державного" развития, как не желаю и России. (На ту же неподъёмность культурных задач напорется и "державный" Казахстан.)

Уже сейчас украинские власти выбрали путь усиленного притеснения русского языка. Ему не только отказали стать вторым официальным государственным, но его энергично вытесняют из радиовещания, телевидения, из печати. В десятки раз удорожают подписные цены на российские издания. Идут чередой должностные увольнения за невладенье украинским. В вузах от вступительного экзамена до дипломного проекта — всё только по-украински, а коли терминологии не хватает — выкручивайся. Из школьных учебных программ русский язык — где исключают нацело, где сводят до "иностранного", до факультативного; полностью исключили историю Российского государства, а из программы по литературе — едва ли не всю русскую классику. Звучат такие обвинения, как "лингвистическая российская агрессия" и "русифицированные украинцы — пятая колонна". Так — начинается не с методического подъёма украинской культуры, а с подавления русской. Дошло до попыток языкового самобегства: перевести украинский язык на латинский шрифт, насмешка надо всей украинской историей.

И упорно теснят Украинскую Православную Церковь, ту, что осталась верна Московской Патриархии, с её 70% украинских православных.

В сегодняшней Украине нельзя и голоса поднять за её федеративное устройство, с такой безоглядной

щедростью принятое в России: сразу выступает призрак автономного Крыма, автономного Донбасса. (О русинах Закарпатья, с их стойкими русскими корнями, мы уже и думать забыли.) Если бы не кровавая затея чеченской войны — Москва в годы острых крымских кризисов, может быть (может быть?..), имела бы мужество и вес поддержать законные требования крымчан (их — 80% голосовало за независимость полуострова), но от Чечни — онемела и предала надежды Крыма. (УНСО ответила крымчанам: "Крым будет украинским или безлюдным!" Между тем активисты-националисты с энтузиазмом ехали воевать на чеченской стороне, теперь готовят памятник Дудаеву и даже, при жизни, Басаеву.)

Сколькие русские с негодованием и ужасом пережили эту безвольную, никак не оспоренную, ни малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипломатии, в 24 часа отдачу Крыма — и предательство его при каждом потом крымском конфликте. И беспрекословную, без малейших политических шагов, отдачу Севастополя, алмаза русской военной доблести. Злодейство это совершено нашей же выборной властью — однако и мы же, *граждане*, не воспротивились вовремя. И теперь на долгое обозримое время ближайшим поколениям с этим придётся примириться.

Нет, не будем подражать украинским националистам ни в истерических угрозах, ни в ненависти. Не надо никак отвечать на их накалённую "антимоскальскую" пропаганду. Надо переждать её как вид душевного заболевания. Не надо с нашей стороны делать пустых угрожающих заявлений — это горячая пища для них. Их отрезвит сам ход Времени, сам многоёмкий, своенравный исторический процесс. И никакие

их проклятия не отвратят наших сердец от святого Киева, источника и самих великороссов, — Киева, где и сегодня неистребимо звучит русская речь, и не замолкнет. Будем сохранять тёплое чувство единого трёхславянского народа: "А вы, украинцы, как и белорусы, — всё равно наши братья!" И надо широкодушно предложить Украине интенсивный "культурный обмен". (Националисты отшатнутся? Тем и покажут, что русский язык и русская культура — их Державе опаснее всяких ракет.)

Лучше терпеливо посоревнуемся, какая из разорванных славянских стран даст благополучную жизнь своему народу. А перед каждой стелется долгий, невылазно тяжёлый и пока не проблескивающий путь.

Между тем — годы текут. Для молодых людей каждый год — эпоха. Что делать молодым русским на Украине? Из России — поддержки никакой, и не будет. Видно, покориться? и менять язык, менять национальность? Вот о них сердце болит. (А простые русские семьи на Украине справедливо рады: хоть не нашим детям воевать в Чечне.)

Замаячившее воссоединение Белоруссии с Россией — стало бы счастливым продолжением исторической восточнославянской традиции. Но ощутимые международные силы будут резко мешать этому — и государственным, и пропагандным давлением, и денежными потоками. И российская пресса, как по единой команде, до непристойности набросилась на первую завязь русско-белорусского союза. Сколько мы слышали о *подавлении прав* в Белоруссии — и ни звучка о таких же на Украине, о много худших в Казахстане, — а на самих бы себя оглянуться: неужели

миллионы российских граждан имеют реальные права?! Что ж вы о них не всклинкнете?

А кроме того (уж исключая все личные схватки за посты), воссоединению будет препятствовать и принятое сейчас в России федеративное устройство: оно весьма усложняет создание федерации второго этажа.

Сживлять — это не разрубливать.

13. В ЧЕЧНЕ

Не многие в нашей стране помнят, а большинство и не знало никогда, что чечены в гражданскую войну поддержали большевиков, с резнёю казаков. В награду им и в кару казакам уже в начале 20х годов Дзержинский производил насильственные высылки казаков из Сунженского округа и со среднего течения Терека (правый берег), и селения эти становились чеченскими. (Правда, вскоре, с укреплением советских порядков, чечены и восставали.) В 1929 передали Чечне и Грозный, населённый почти сплошь русскими и до этого года входивший в Северо-Кавказский край. Но в 1942, с приближением гитлеровских войск, в поддержку их, у чеченов-ингушей было восстание — и это-то определило их дальнейшую высылку Сталиным. В 1957 Хрущёв придарил возвращённой Чечне казачье левобережье Терека. А много русских продолжало жить и в степной части правого берега. (По переписи 1989, в Чечне жило 0,7 млн. чеченов и 0,5 млн. не-чеченов.)

Погромы, грабёж и убийства не-чеченского населения начались в Чечне уже с весны 1991 (и не встретили противодействия Москвы). Тем более чеченские

лидеры и активные боевики не упустили использовать государственный развал осенью 1991. Дудаев захватил власть и объявил ту независимость Чечни, которой чечены всегда настороженно жаждали. Ни к чему не готовое, лишённое исторического мышления российское руководство тут же импульсивно объявило в Чечне военное положение, но, через два-три дня сняв его по своему бессилию, только выставило себя в смешном виде. И уже тут первая загадка дальнейшего трёхлетнего бездействия: российское военное командование уступило самопровозглашённой Чечне обильное вооружение всех родов, включая авиацию.

С чеченами я был в казахстанской ссылке в 50х годах. Там хорошо узнал и их непреклонный, горячий характер, их непримиримость к гнёту и высокую боевую искусность и самодеятельность. От первых дней чеченского конфликта (1991) было ясно, что для разбереженной, неустоявшейся России с раздёрганными политическими, общественными и национальными течениями военное столкновение с Чечнёй принесло бы огромные трудности, но, ещё более: мне казался бесперспективным политический замысел *усмирить* Чечню. Я видел разумный выход в том, чтобы незамедлительно *признать* независимость Чечни, отсечь её от российского тела, дать ей испытать существование независимой страны, но так же незамедлительно отделить прочным военно-пограничным кордоном, разумеется, оставив левобережье Терека за Россией. (Уже и в XIX так было, и ещё ярче показано теперь: для чеченов грабительские набеги и захват заложников, рабов и скотьих стад — это как бы их форма *производства*, при низком уровне собственного хозяйства.) И положить же усилия принимать из Чечни желающих русских, а из-

рядную сотню тысяч чеченов-мигрантов, рассеянных по России в криминальной коммерции, объявить *иностранцами* и потребовать либо доказательства пользы их деятельности для России, либо немедленного отъезда. (Такой план я предложил в июне 1992 Президенту Ельцину при телефонном нашем разговоре Вашингтон—Вермонт, но беспоследственно. Тот же план я потом не раз предлагал в российской прессе и по телевидению — и тоже бесполезно.)

Между тем потянулся трёхлетний период полного российского бездействия относительно отколовшейся Чечни. Какие-то могучие тайные интересы каких-то высоких сфер в Москве продиктовали поведение "как если б ничего не произошло". Всё такой же обильный поток тюменской нефти отправлялся на грозненский нефтеперерабатывающий завод, не принося России даже сравнительно стоимости этой нефти, разница кому-то доставалась, где-то делилась. Так же продолжались государственные дотации Чечне и все другие экономические и транспортные связи с ней.

А в самой Чечне разыгрывался необузданный террор против не-чеченского населения, да главным образом — русских. Чечены произвольно оскорбляли, унижали русских, грабили, отнимали имущество, квартиры, земельные участки, убивали, выбрасывали с этажей из окон, насиловали, похищали женщин, и мужчин, и детей из детских садиков, — многие так и исчезли бесследно. "Русские! вон из Чечни!" Раздались из Чечни русские вопли, русские приезжали с жалобами, стучаться в российские инстанции — но все три года те оставались безучастны. Ни административной, ни судебной защиты не было никому. И о судьбе этого *полумиллиона* не-чеченов — молчала вся российская пресса, столь теперь свободная,

молчала все три года! И российское телевидение не показывало нам никаких раздирающих сцен и трупов — три года. И три же года благодушествовали самые знатные российские "правозащитники", выявляя хладнокровие нашего образованного общества. (За все три года мне известно лишь одно сообщение из Чечни в московской газете: что за первые полгода режима Дудаева в Чечне *подвергся насилию каждый третий житель** — разумеется, не-чечен.) Это и была, как теперь говорят, *этническая чистка*, но из Боснии она стала заметна всему миру, а из Чечни — никому. Ни ООН, ни ОБСЕ, ни Совету Европы.

И как необъяснимо было до декабря 1994 безучастие высших властей российского государства — так же ничем не был объяснён, обоснован внезапный поворот: начать против Чечни войну.

Дальше наперебой соревновались — за счёт гибели тысяч и тысяч жизней — генеральская бездарность в ведении военных операций и политическая бездарность российского государственного руководства. (Если *только* к бездарности можно отнести вспышку триллионных финансирований *восстановительных работ* в Чечне прямо на театре военных действий и в самом ходе их.) Были инсценированы и *всенародные* выборы промосковской администрации в Чечне, до такой степени открыто подложные, что даже притерпевшимся за советское время носам это разило. (Позже, когда проиграли войну, — всю эту "народную власть" тихо свернули, даже не оговорясь.)

Перечень преступных шагов российских властей в эту войну — неохватен. (И все — оплачены невин-

* "Экспресс-хроника", 28.7.1992.

ными жертвами.) Но выдающимся и необъяснённым шагом было: после басаевского террористического налёта на Будённовск в июне 1995 — не только отпустить саму банду, но и — немедля за тем добровольно отдать чеченам почти всю территорию, какую за полгода у них завоевали, — и опять начинать от исходной черты.

Во всю эту грязную кампанию не только российское руководство, но и немало голосов в России оправдывали продолжение войны необходимостью "сохранить единство России", а "иначе отпадёт весь Кавказ", а "иначе развалится вся Россия". Рассуждение импульсивное и без огляда на всю особость конфликта. Одновременно же с чеченской войной наша власть десятками других то действий, то бездействий разваливала Россию куда непоправимей. Да сдавши и Чёрное море, и Крым — разве удержать было Чечню?..

Отпуск Чечни был бы оздоровляющим отъёмом больного члена — и укреплением России. А цепь вот этих позорных военных неудач, обративших Россию в ничто под презрение всего мира, — вот это и был вернейший путь к развалу *всей* России.

Да ещё: сумели бы мы без генерала Лебедя вытянуться из этой войны? Полное впечатление было, что не осталось в России ни государственной воли, ни государственных умов — а так бы месили бойню ещё год, и месили ещё два. Лебедя погнали туда, чтоб он провалился в этой невыполнимой операции, — а он решился подписать капитуляцию в войне, не им затеянной и не им проигранной. (Те и виновны — во всём, а он виновен, что в поспешности перемирия — или в надежде на великодушие своего чеченского партнёра? поверил — притворился, что верит? — в гарантии разоружения чеченских боевиков, обусловленного выводом

наших войск, и не вытребовал тысячу наших пленных из их ям и рабских цепей на ногах — тем наложив на Россию ещё один несмываемый позор.)

И ещё же достойный армейский финал: чтоб удовлетворить гордость победившего (и уходящего от нас) народа — указанием Президента мы выбросили из Грозного две наши постоянно расквартированные там бригады, да посреди зимы! одну бригаду — в открытую морозную метельную степь, своих солдат не жалко. (Та бригада — и развалилась к весне.)

Теперь спешили с уважением пожать руки тем, кто недавно грозил Москве ядерной расправой, "превратить Москву в зону бедствия", и террором по всем железным дорогам России, которая "не должна существовать", ибо "весь русский народ — как животные".

И — как же пережили эту войну русские насельнцы Чечни? Более всего сгущённые в Грозном, они не имели, в отличие от многих чеченов, ни транспорта, ни денег, чтобы оттуда вовремя бежать. Из обращения русской общины Грозного весной 1995: "С одной стороны в русских стреляли и убивали дудаевские боевики, а с другой — стреляла и бомбила русская армия. В Грозном нет ни одной улицы, переулка, парка, сквера и квартала, где бы не было русских могил", — но газеты российские писали и телевидение показывало только потери чеченов. (О, справедливо звучали демократические голоса: "Как можно губить человеческие жизни ради сохранности Конституции?" — только странно, что этих аргументов мы не слышали от них ни 4 октября 1993, ни при русских гибелях в Чечне.)

А после капитуляции о туземных русских полностью забыла и российская власть, и наша общественность, — и оставшиеся в Чечне тысяч сорок рус-

ских обречены на домирание и геноцид. Пишут в отчаянии: "Россия нас забыла. Помогите выехать! Кого не уничтожили войной, так теперь убивают целыми семьями и вывозят убитых неизвестно куда. Пенсий не платят: 'идёт на восстановление города'." И стараемся мы уши заткнуть, что в Чечне, с которой мы подписываем благожелательный мир, — и посегодня держат русских *рабов*, продают и покупают их, — и не чеченская же власть в это вмешается.

Но и это ещё не всё: те тысяч двести-триста русских, которым удалось из Чечни бежать, обобранными и нищими, и они пробавлялись жалкой помощью от российской миграционной службы, — теперь, по окончании войны, увиделись российским властям — избыточной обузой. С начала 1997 им прекратили платить пособия, лишили права находиться в "пунктах временного размещения" беженцев — и предложили отправляться назад, в свою Чечню.

Тем завершается — нет, ещё и тут не завершается — вся широкая картина, как нынешняя Россия отказалась от миллионов своих отечественных пасынков.

И после конца военных действий всё поведение наших властей относительно Чечни поражало своей слепотой, несоответствием обстановке и даже пошлостью. То — одночасовым пребыванием на грозненском аэродроме. То — замышлением разграничительного договора с Чечнёй с небывалою широтой их прав, да даже "пусть будет у них суверенитет", — так из-за чего же вы два года кровь лили? — "зато сохранится общее у нас с ними экономическое пространство" — то есть продолжится коммерческо-криминальное чеченское паразитирование на российском теле? Да даже, после кремлёвской задушевной встречи: "Чечня мо-

жет стать нашим стратегическим союзником"... — вот находка! В 24 часа вышвырнули из "российской" автономии российское "представительство" (посольство?) — наша власть только утёрлась: в отношениях с Чечнёй она перешла все пределы унижения.

А Чечня что ж? Она откровенно ищет союза с Турцией, с мусульманским миром, с кем угодно, только не с Россией, — и лишь помедливает, ожидая от нас миллиардно-долларовых вливаний.

Чечня — вполне открыто, принципиально и последовательно отрывается от России, но теперь и с подаренным придатком казачьих терских земель. И нам границу теперь не по Тереку ставить, а вкапываться в плоской ставропольской степи: пожертвовали наши власти и целостью, и спокойствием Ставропольского края. И чеченский разбой, без труда, еженощно пересекает эту условную неохранимую границу, грабит приграничных жителей, угоняет скот, — так что казаки взвыли об оружии, хотят сами, уже без властей, обороняться, как и дагестанцы же рядом, — от своих кавказских чеченских братьев, несущих и им огонь и взрывы.

А российским властям остаётся что-то беспомощно мямлить. (Убеждённым же "демократам" — благоразумно теперь помалкивать. Как и мировым дипломатическим службам — лишь тихо выкупать своих заложников.)

Презренное завершение преступной войны.

14. И — ЕЩЁ, ЕЩЁ ОТМЕЖЁВАННЫЕ

ДЕРЕВНЯ — Не менее заброшена, отмежёвана от Новой России.

Была сталинская Коллективизация. Результаты известны: деревню перебуровили, обезлюдили на 15 лучших миллионов, погрузили в аморфное состояние. Всё же как-то кряжистый наш народ перестаивал, даже и в гибельную советско-германскую войну. Тогда — не дадим забыть — напустили на деревню хрущёвское "укрупнение колхозов": сводили по 10 колхозов в один — тем окончательно обезличили труд, расцвело разгильдяйство (ещё добавили уничтожение медоносных лугов под хилую кукурузу). — Потом, не упустим, наслали брежневскую ликвидацию "неперспективных деревень"; пустили в запущь обширные угодья Средней России (наверстаем в Казахстане хрущёвской целиной) и разорили жизнь ещё сотен тысяч укоренённого крестьянства.

Потом — не могли не пошириться и на деревню наши блудоумные *реформы*. Подготовлен был исторический анализ вопроса? искали талантливых решений? привлечено народное мнение, обсуждение? Да — ни-ни. В пылком раскиде бросили несколько скороспешных лозунгов — не обдуманных, не поддержанных материально, а дальше, за пиковыми достижениями банкостроительства, расхватом промышленных гигантов и яркоцветным изобилием импортной пищи, — вершители наших судеб уже не поворачивали голов к селу.

Одним из поспешливых и подражательных лозунгов (ещё горбачёвской эпохи) кинуто было: мгновенное создание фермерства! Привычные подхватчики тотчас раскатили кампанию *фермеризации*: столько-то фермеров на область, на район, такой-то процент, — и стали выпекать в суматохе. Всё горькое это мучительство уже многократно, подробно описано в печати, не стану повторяться: и государственное

ростовщичество в 213% годовых, административные обманы, и взятки местному начальству, и выворачивающая волокита, и неокупаемый труд — и массовое разорение опрометчивых смельчаков.

А Указ за Указом нахлёстывали кнутом, как привыкли за 70 лет. И первейший был — ещё на пороге, 27.12.91: немедленно начать продажу земель с аукционов. Слава Богу, по нашей инертности на том Указ и захлебнулся.

Затем последовала директива ново-демократической власти (1992): срочно, в несколько недель, до весеннего сева, — приватизировать колхозы-совхозы, передать в собственность труженикам. Сказано — сделано: на дверях директоров и председателей сменили таблички на "глава акционерного общества", "председатель товарищества", согнали лишний раз колхозников, объявили: отныне вы — уважаемые собственники, каждому приходится по столько-то гектаров земли (не указанной, не названной, неизвестно где какая чья). И — ничего не изменилось, кроме как для самих аграрных баронов: они себе отмежевали изрядные участки самой лучшей земли и инвентарь по нетронутым ценам 1985 года, да ещё и освободились даже от прежней ответственности перед райкомами. (И западный мир аплодировал быстроте российской приватизации.)

Но — валилась, валилась наша деревня ещё в следующий упадок. Удушающая петля тысячно вскочивших цен сделала бессмысленным производство молока (выливай на землю), мяса да и зерна: больше потратишься на горючее и за бесценок отдашь переработчикам, организованной оптовой скупки нет. И первое всеобщее движение пошло: забой крупного рогатого скота. С 1991 поголовье его упало *вдвое*, катаст-

рофически, этого не восстановить и за следующее десятилетие. И если даже в свирепой коллективизации мы потеряли 16,2 млн. голов, то от "реформ" 1992–96 годов — 19,6 млн.* И непрерывно сокращаются посевные площади, поля зарастают сорняками, бороться нет средств, от техники остались отрепья, в полях ежегод остаются неубранные хлеба и овощи. Забрасываются и забрасываются всё новые земельные пространства, тысячи гектаров пашенной земли (вспомним, что они ещё и захимичены, и затрамбованы тяжёлыми тракторами): нет и семян, нет рук — да и *зачем* засевать? стало бессмысленно. Уж тем более — никакой государственной поддержки бесценному русскому льну. Зарастают и лесные покосы. А восстанавливать потом — всегда дольше, чем разрушать.

И что же "акционеры"-колхозники? Сколько раз советское государство обманывало крестьян? — несчётно; сколько раз выполняло обещанное? — ни разу. В обезлюдевшей деревне всё меньше настоящей рабочей силы, а ещё меньше трудолюбия: зачем работать? Если продукты села никому не нужны, остаётся один смысл жизни: запить. "Акционерные товарищества" держатся в дремлющем состоянии: не работать в силу, но и получать огрызки. Живут люди от своих участков и от подворованного колхозного, растаскивают где что удастся, и в прежней неразгибной зависимости от колхозных князьков: смотри подсобит топкой, комбикормами. Как объясняет знаток современной деревни Б. Екимов: "Приросли к колхозу, оборви — кровь пойдёт."

А ведь дело не в форме земельной собственности, но в том, сколько средств (и ума!) вкладывается в зем-

* "Общая газета", 13.11.1997, с. 3.

лю. Переходить к мелкой собственности — надо прежде менять и профиль всего сельскохозяйственного машиностроения и обеспечить прокат-аренду техники. В Голландии и сегодня много сельскохозяйственных кооперативов — а дореволюционная Россия изобиловала кооперативами всех видов, до ссудосберегательных, маслобойные же мелкие кооперативы Сибири кормили всю Европу сливочным маслом высшего класса. (Большевики исказили: кооперативы — в колхозы, земство — в советы; погубили и то и другое.) Да укрупнённое землевладение с повышенной технологией всегда и рентабельней. (Вообще в дореволюционной России было свободное соревнование разных видов производства и собственности: государственной, кооперативной, земской, крупной частной и мелкой частной.)

Теперь закрываются в деревнях общественные здания, магазины, клубы, один телефонный аппарат не на всякую деревню. Закрываются и медицинские пункты, и школы. И детские голоса не во всякой деревне услышишь.

Так живёт *четверть населения* нашей страны. Ныне нашему обществу внушается, что отечественное крестьянство вообще не нужно стране. Но с гибнущей деревней — необратимо перерождается и весь русский народ.

СУДЬБА ЗЕМЛИ — Однако странно: чем меньше мы нуждаемся в земледельческом сословии, чем равнодушнее правящая в стране олигархия и её общественно-газетные идеологи к судьбе деревни, к остаткам крестьянства и к самим урожаям, — тем настоятельней и даже до ярости требуют закона о свободной продаже земель! Загадка? Никакой. Вся столичная шу-

миха с неограниченной свободой продажи земли — совсем не имеет в виду сельскохозяйственное производство, но только удобнейший вклад в земельную собственность награбленных капиталов. Уже руки задрожали — захватывать латифундии.

Да с каким торопливым захлёбом требовали немедленных, немедленных аукционов, а для чего та земля потом будет использоваться — никого не касается, не троньте прав владельца! (А — кто на той земле живёт? А те — пусть как хотят барахтаются. Уже готовятся отмежевать их и от земли.)

В тот раз всё ж надоумили их: да ведь земля вся разная, надо сперва земельный кадастр составить, на это уйдёт по стране 10–12 лет. На что последовал находчивый президентский Указ: составить кадастр в месячный срок! Впрочем, тут же и забыт, как и прочие Указы.

Бог хранит: до сих пор не издали заклятого закона. (Да чёрный-то рынок земельный поспешествует, "теневая" продажа земли идёт, особенно близ городов крупных. А в некоторых автономиях готовится и такое извращение: право на земельные участки предоставить только титульной нации.)

А ведь раньше, чем так страстно обсуждать *продажу* сельскохозяйственной земли, — задуматься бы: а откуда она у государства взялась? ведь она вся ворованная — отобранная у крестьянства. Так раньше гомона о *продаже* поискать бы пути, как *вернуть* землю крестьянам: и колхозникам-совхозникам, ограбленным в коллективизацию; и не менее того, а даже раньше — потомкам раскулаченных. Такие обнаруживаются во многих местах и просят вернуть им участок именно своего деда-прадеда. ("Докажи бумагами изъятие!" — как будто раскулачники выдавали

справки. Но местные жители помнят.) И это — справедливо, всё вместе это было бы — *реабилитацией крестьянства.*

А если мы этого не сделаем — то мы государство разбойников.

Начать бы с того, чтобы широко послушать мнения агрономов, мелиораторов, самих крестьян. Я в своих поездках по России, сколько мог, собирал такие мнения — и они стройно складываются. И не противоречат формулировке дореволюционной 4й Государственной Думы: "Частное владение на правах постоянного наследственного пользования". Но не аукционом "кто дороже" должна распределяться земля, а конкурсом на лучшее использование её. Для сохранения здоровья и богатства России — земля при смене собственника должна использоваться по тому же сельскохозяйственному назначению, с не меньшей эффективностью и разумностью. И ещё сколько времени и работы, чтобы создать такой *механизм* — через систему же местных земельных банков.

Возможна продажа в пожизненное наследственное владение, возможна аренда, формы землепользования зависят ещё и от местности. Но во всех случаях — зоркий местный контроль: эффективно ли ведётся хозяйство и экологично ли? Если нарушается природоохранность или года два-три хозяйство ведётся бросово — владение участком прерывается, возвращаются деньги за покупку и вложенные с тех пор средства. Вся сумма земельного налога (с доплатами за качество почвы и расположение участка) через местную власть должна использоваться только для местных целей. Почва — тоже не вечная терпелица, не разменный товар: её кому-то постоянно восстанавливать.

А леса, озёра и болота — собственность государства и вообще не могут быть продаваемы. (Но леса-то, леса! в эти годы уже и распродают...)

Да земледелец — разве только выработчик продовольствия? Он живёт в повседневной отзывчивой связи с природой и её ритмом. И разумная организация земледельческого труда углубляет эту связь. Должен же кто-то в народе жить в созвуке и сочувствии с ней. Общность земледельца с землёй — с её родниками, ручьями, малыми реками, перелесками и рощами — основа народной духовности. Земля — чистый, верный источник любви к родине. И — устойчивости государства. Корневая, душевная связь народа с землёй — это не “товар” биржевой, она дорога нам, как сама Родина и сама душа.

И эта самая дорогая, корневая наша связь — под угрозой полного уничтожения.

СУДЬБА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ — О школах я писал и говорил много, повторять ли тут? Заброшенность их, особенно сельских. Глубокая нищета самих школ, нищета учителей. Миллионы подростков отсеиваются без права на полное среднее образование. Круговерчение безответственных программных проектов, учебников и самих методов, по сути, разрушающих стройную систему знаний. В 1997 вздулась волна крупной школьной реформы? — выродилась в юридическо-финансовый гибрид: как бы сделать, чтобы школы содержали себя больше сами, а из государственного бюджета — ну, какие остатки будут.

Дети наши — они-то отмежёваны не бесповоротней ли всего?..

15. АРМИЯ, РАЗГРОМЛЕННАЯ БЕЗ ВОЙНЫ

И об этом — сколько уже сказано, написано, напечатано. То и дело достигают нас ужасающие сигналы: то взрываются и взрываются худо охраняемые склады боеприпасов, не случайно же. То — беспричинные убийства, расстрелы караульных солдат своими же товарищами, нечто невиданное в мировой армейской истории.

Началась подточка армии, конечно, раньше — от общего тления коммунистического режима. По мере того как круг офицерских забот обращался на преодоление скудеющих жизненных условий своих семей, множество офицеров отвело глаза от того, что делалось в их частях с рядовым составом. А там — уже на десятилетия отдалилось то ощущение боевой взаимовыручки, которое более всего роднит солдат; — общее же в стране эгоистическое ужесточение нравов проникло сюда в форме уголовно-блатного сознания, породившего унизительную *дедовщину*, растаптывающую достоинство человека. И такая бессмысленная война, как афганская, не могла прочистить этот опасно замутнённый всеармейский дух. А высшие круги власти не снисходили волноваться или даже задумываться о разъедающих армейских болезнях: *их* сынки не попадали в эту переделку, военная же сила страны, казалось, всё менее зависела от состояния армии, а лишь от ядерного оружия.

Но вот наступили месяцы и годы интернациональных восторгов нашей общественности: ура! не осталось врагов на Земле! уже никто никогда не нападёт на нас, да даже и не притеснит! А уж Соеди-

нённые Штаты и никогда никого пальцем не тронули (ни даже ради нефти).

И тут же сверкающая мысль: а зачем нам вообще теперь армия? — эта тупая сила, на которую может опереться реакция? Раскатилась необузданная кампания в прессе, что армия и всё в армии отвратительны. С особой страстью и убедительностью кинулись писать об этой тяжеловесной, двухмиллионной (тогда) армии, невыносимом грузе на нашей свободной жизни.

От 1985 к 1995 годовое число призывников, уклонившихся от военной службы, возросло в 10 раз. Военкоматы начали охоту на призывников: задерживали их на улицах, вытаскивали из квартир. ("А схваченный призывник — какой солдат?") Не хватало по разнарядке — слали в армию со сдвинутой психикой, с мозговыми болезнями. (И удивляться ли стрельбе по своим?)

Беседовать с призывниками, в моих путях, досталось и мне; я поражён был: какие ещё мальчики, дети, их и призывать стали с 18 лет, а они ещё и хрупче своего возраста, недокормленные, недоросшие. И все они чувствуют себя *влипшими*: кто из сверстников нашёл лазейку, за кого деньги заступились, кто уже и бизнес крутит, кто в студенты унырнул — а они, вот, попались. (Один офицер сказал: "Армия у нас — опять рабоче-крестьянская, из интеллигенции нету." Другой вспомнил старое время: позорно считалось среди молодёжи, что забракован по болезни, а теперь — счастье.) Появляются в газетах снимки призывников — на них видно физическое *вырождение нации.*

Ещё бы не понять матерей: любое государство, призывающее в армию юношей, берёт на себя естественное обязательство содержать их там как сынов

отечества, а не как уголовных преступников и не как рабов. Любое — но не позднесоветское и не наше нынешнее. Сквозь высокие заботы высочайших лиц государства не продирается материнский крик, что отдаваемым юношам первая угроза — не на поле боя, а в казарме; что, может быть, отдают своих сыновей на издевательства, побои, на крайние унижения вплоть до изнасилования, на самоубийственное отчаяние. Это отчаяние леденит кровь миллионам — но только не нашим властвующим.

И при таком состоянии армии — с какой совестью и с каким государственным смыслом можно было не только утопляться в Чечню, но ещё и брать, брать на Россию обязательства посылать *контингенты* — туда, сюда, ещё куда-то, выдувая престиж "Великой Державы"?

По встречам в воинских частях узнавал я: нет обученного сержантского состава; не хватает лейтенантов (молодые офицеры валом уходят из армии); из десяти офицеров — девять не имеют квартир. Дальше — больше: зарплаты не платят — офицеры подрабатывают грузчиками. А кто отчаивается до самоубийства. (Тут что ни абзац — на главу.)

В воинских частях нет бензина для боевых учений; и полигоны не на что арендовать, негде окопы вырыть; запчастей не дают, и часы боевой подготовки уходят на ремонт техники. Какая устрашающая, уничтожительная боенеготовность! И какое задрёманное спокойствие высших властей. Кажется, об армии вспоминают только для бесплатного строительного труда да когда надо найти близкие и верные части для подавления волнений? (Нет, для подавлений — есть войска *внутренние*, и с техникой усиленной.)

От офицеров слышал: "Теперь военный — из-

гой." — "Поносят нас и журналисты, и в парламенте." — "А мы служим, как совесть нас удерживает. Только обидно за оплёванную армию." — "Телевидение и радио работают *против* армии." (Наше телевидение! Вспоминаю престарую пословицу: *Из лука — не мы, из пищали — не мы, а попеть-поплясать — лучше нас не сыскать.*) "Испытываем чувство национального унижения." — "Что ж держит нас? Присягу давали." — "Нет, просто по инерции служим." — Солдат: "Да *за кого* служить? Всем жить хочется!"

Реформа, реформа армии! — нужна, и притом коренная, — ещё бы!! Но как бессмысленно мы уж который год бряцаем словом "реформа" в экономике, так же бряцаем разноголосо и о реформе армейской. (Хотя Президент и обнадёживает нас, что отныне он военную реформу, как и ещё многое другое, многое другое, берёт под свой личный контроль.) Недавно весьма пристальный (а ныне, конечно, уволенный) генерал Андрей Николаев напечатал разбор*, в котором убедительно показал, что и все наши высшие власти, спеша повторять слова "военная реформа" (которая поселе не начата, кроме косметической суеты), скорей, участвуют в показухе, — без "ясного понимания смысла, главной цели и конечного результата военной реформы"; не берутся прежде всех деталей отчётливо понять общую задачу: для *какой* именно военной ситуации России нужна теперь армия? Лишь тогда решить, *из чего же* должна составиться военная реформа? Генерал настаивает различать: вообще "оборонительную доктрину" (она не исключает возможности и применить наступление) — и *исключительно оборону,* и только её. И делает правильный вывод, что после стольких

* "Общая газета", 27.2.1997.

лет активной сдачи нами *всех* и *всюду* в мире позиций, когда Россия уже доведена до объекта всеобщих в мире насмешек, — увы, нам приходится избрать второй путь как наше уже последнее средство.

Да и всякая же военная реформа должна быть начата с финансовой поддержки — а где она, если у нас уже не стало финансов содержать армию даже в её нынешнем бездейственном развале? Содержание одного контрактника обходится армейскому бюджету дороже, чем четыре призывника. А если армию сокращать, то тем более она нуждается в образованном составе, для обслуживания высокой техники.

Те, кто ещё мыслят держать, содержать такое государство, как Россия, — потеряли разум, если думают содержать его не кормя, не строя, не подняв в достоинстве Армию. Известно: "Народ, который не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую."

И чем обширнее страна, и чем многочисленнее народ — тем больше нуждается он в крепкой армии и в самоотверженных генералах, не утонувших в благостях быта.

А ещё же от первых восторгов Перестройки: зачем нам теперь этот заклятый Военно-Промышленный Комплекс? Ни рубля ему больше! и пусть он со своими НИИ, конструкторскими замыслами, недопеченными и допеченными изделиями — расхлёбывается в изготовлении кастрюль и конных грабель (самолётный завод) как хочет. Так и сделало правительство. Да даже и для такой конверсии — денег не оказалось.

И начался быстрый распад научных групп, утрата технических и технологических направлений и

массовая утечка умов из оборонной промышленности (кто — и за границу). Да бишь добавьте ещё "приватизацию" с участием иностранцев. Лишь четыре года спустя (2.10.95) узнали мы неожиданный Указ Президента: оказывается, "порядок продажи акций государственного стратегического [!] характера был смутен, неясен" (советник Президента: "продажа приобрела лавинообразный характер"), — и только теперь будут вводиться ограничения. Так где же вы были раньше, господа правители? *Схватилась мачеха по пасынку, когда лёд прошёл.*

Соответственно и Стратегические Ядерные Силы стали получать лишь малую долю своего бюджета, и ныне есть основательная надежда, что через несколько лет они доржавеют и перестанут существовать.

16. ЧЕМ НАМ ОСТАВЛЕНО ДЫШАТЬ?

В России к концу 90х годов установилось призрачно-показное существование. Как будто — у нас республика со свободными выборами. Как будто — "свободная пресса". Как будто все усилия правительства направлены к поднятию производства. Как будто власти 7й год напряжённо борются с коррупцией государственного аппарата и с разгулом преступности — но только: многоизвестные коррупционеры остаются на местах, а убийцы почти никогда не найдены. При зверском цинизме уголовных банд цена человеческой жизни упала до ноля. Уголовный мир — торжествует в России от самого начала великих реформ. Они пришли и к деньгам, и подчинили себе общественную идеологию. Неспособность правоохраны стала настолько всем очевидна, что многие потерпевшие и не

обращаются за защитой: бесполезно. Какое уж "правовое государство"? — насмешка одна.

Как будто пограничные войска охраняют границы — но их офицеры, отказавшиеся от взяток контрабандистов, и даже целые пограничные отряды взлетают во взрывах — и, разумеется, никто из убийц никогда не найден. Как будто в стране существует Армия, способная защищать Родину, — но она не способна даже к чёткой караульной службе в мирное время.

И — многое в стране, многое так: скрытая сокрушённая действительность, а объяснения к ней — риторны да приторны.

Население огромной страны переводят на первобытное натуральное хозяйствование, от своих огородов. Обширные области России — весь Крайний Север, Камчатка, Дальний Восток и в разброс по Сибири — оставлены без государственной заботы, зимой без топлива, хоть разбегайтесь, хоть переходите в другое царство.

Едва-едва достаивает кое-где наша высшая наука, но гибнут её совершеннейшие установки: нет средств даже на их поддержание. Крупные учёные объявляют голодовки, директора НИИ кончают с собой от отчаяния, да нет! самоубийство тут — общегосударственное: наша обезумевшая власть закалывает насмерть будущее России. Талантливая учёная молодёжь уезжает за границу, разрушая преемственность научных школ. Студенты — и вовсе голодают. — Вся культура? библиотеки? музеи? — перечень наших провалов тут только начат.

Вся больничная медицина сверху донизу истощена в медикаментном и аппаратном запасе, она всё недоступней для пациентов без больших денег и самих врачей заталкивает в последний измот. Чернобыль-

ские “ликвидаторы”, самоотверженно отдавшие здоровье на исправление государственного недомыслия, став ненужными, теперь могут умирать и без пособия. Ещё недоступнее по деньгам становится для людей право похорониться — в гробу, да даже и без гроба.

А что не показное — это демографическое крушение, даже просто зловещее **вымирание**, и не всех российских народов, а преимущественно славянских. Как показывает статистика последних лет, именно этнические русские вымирают — и с каким темпом? Начиная с 1993 перевес смертности русских над рождаемостью достигает миллиона в год. Годовая убыль — как если бы в России бушевала гражданская война. Такое падение населения не происходило нигде в мире после Второй Мировой войны. И по всем данным, оно будет происходить и впредь, в обозримые десятилетия: не видно причин, почему бы ему измениться. (Ещё приток русских беженцев несколько прикрывает убыль.) И разве наших речистых политиков — это вымирание волнует? Кто из них пытался его остановить? создать устойчивые условия бытия, в которых народ мог бы сохраняться?

Падение рождаемости у русских — также не виданное в мире. Весь XIX век и начало XX приходилось 7,5 рождений на одну русскую женщину (было немало семей с 12–14 детьми); за одно поколение население увеличивалось в полтора раза. А сегодня русские семьи большей частью однодетны, а рождения на одну женщину дошли до 1,8–1,4, тогда как 2,15 — роковая грань воспроизведения, ниже неё — вымирание. Приводят расчёты, что к середине XXI века доля русских в Федерации составит уже меньше половины.*

* *В.И.Козлов.* — В сб.: Русский народ..., , с. 66.

Всё чаще рождаются дети физически недоразвитые или умственно отсталые. Официально признанный (заниженный) уровень: у нас 20 умерших младенцев на 1000 родившихся (в развитых странах 8–12). У горожан — больше проявляется падение рождаемости, у сельских — больше вымирание. Продолжительность жизни мужчины (правда, она падает ещё с 70х годов) достигла 57 лет. (Как в Индии, Индонезии, частью в Африке, а кое-где в Африке выше нашего.) Женщин стало на 9 миллионов больше, чем мужчин, — и этот разрыв будет расти. А мужская смертность — от чего только не приваливает. И от спаивания недоброкачественным спиртом (мудрость правительства); и от частых аварий на всё ветшающем производстве (успех реформ, нищета государства): производство само по себе становится жизнеопасным; и от жизненной тоски, неспособности прокормить семью, от потери веры в себя (десятки тысяч самоубийств в год).

По словам врачей, новопоступающие больные приходят с формами болезней всё более тяжёлыми, и болеют тяжче. И часто объясняют: "Давит это всё..."

А каково достаётся сотням тысяч потерянных, мечущихся молодых людей? (Знаю случаи: молодые кандидаты наук — в бомжах.)

И — кто же властен надо всем, что совершается в стране? Сказать ли — исполнительная власть, законодатели и банкиры? или сказать одним словом — олигархия? во всех случаях будет ясно, что эта сплотка корыстных людей бесконечно равнодушна к судьбе подвластного им народа, и даже к тому, выживет ли он вообще или нет.

И во всё это наше сумрачное бытие — ожидаемыми струями жизни и культуры льётся голубое мер-

цание с экранов телевидения, единственная реальная связь распавшейся страны. И — что же в нём ободрительного и питающего нас? Пошлость и пошлость в избытке. Рекламы "красивой жизни" — дразнящей марсианской нереальности для 98 из 100. Мелькание судорожных фигур. Низкосортные импортные "сериалы". Духовные эрзацы. Дичь, в которой тонут клочки культуры. Культ наживы, наживы и проституции. Или обезумелые пиры столичных удачников, выставленные на показ ограбленной провинции и деревне, миллионерская похвальба. Или комичное шумное само-теле-награждение...

Известно: *На тухлое — нет приправы.* Глотать — несносно, народ ненавидит эти *ящики*, а деться некуда.

А ещё же есть СМИ (новое оборотистое словцо), ныне переподчинённые, от Главлита — к олигархам, — впрочем, и слабые в распространении на российские пространства. И внимание этих *средств* — почти только на уровне заметных личностей, интриг, подвохов, ходов или уж слишком кричащих случаев.

А то предложат такой анализ — пожалуй, озноб возьмёт: Вот, в газете с выразительным названием "Иностранец"* — да, общий взгляд, что́ представляет сейчас Россия и что ей грозит. "Национал-шовинистическая идеология" — к счастью, не грозит: не прививается она на российской почве. (Наконец поняли.) А вот где опасность: Россия как модель человечества — стала слишком разнородна: в ней Первый, Второй и Третий миры. (И правда: опаснейше разнородна.) Наш "первый мир" — это "локомотив модернизации и вестернизации", "политический, финансовый,

* "Иностранец", 16.4.1997; *Е.Ихлов*, раздел "Идеологемы".

информационный гегемон" — Москва. Подобие "второго мира" — Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород и Самара. А на "третий мир" всё более похожи остальные пространства России: Юг, Восток (значит, и вся Сибирь, да и Север обезлюженный сюда, а куда ж ему?), ещё "деградирующие пригороды и малые города". Вот этот-то "третий мир" и есть опасность *для нас*, для Первого и Второго, и **"надо не проморгать"**, как бы там не родилась "невообразимо причудливая комбинация из лозунгов" маоистов и писателей-"деревенщиков"(??). Не проморгать! приготовиться к обороне от этой тёмной массы или заблаговременно раздавить её?.. (В большой статье даже и не промелькнула такая мысль: а может, помочь им, беднягам, от избытка локомотивных сил?)

Страна живёт своей пригнетённой жизнью (семья, питание, огород), никак не соприкасаясь с жизнью развязных верхов. У людей полная обезнадёженность во всяких *выборах*, что могут они принести какое-то добро. Полное равнодушие к государственным делам. Реальных прав маленького человека никто не защищает и не защитит. Во множестве малых городов — удушающая безработица, невозможно найти себе применение. Ветераны великой войны, пенсионеры, бывшие жертвы сталинского ГУЛага — волокут жалкое существование и щурятся, как недавние сопляки раскатывают в иностранных автомобилях и швыряют деньги в кутежах. Да, в этом бесформии общественного поведения есть и наследие — от долгого обмирания в коммунистическую эпоху, но новая эпоха впрыснула свою отравно расслабляющую дозу.

И разве вся эта масса — не **отмежёванные**?

Никогда с 20х годов не было такой крушительной

смены психологии, мироощущения, духовных ценностей: лишь в *те* годы ломался весь мир на глазах — и сейчас. Вся эта наша жизнь, как она покатилась, с хапужными наживщиками, всеми средствами внедряющими мораль: нравственно то, что выгодно. Данное честное слово — ничего не стоит, и его не держат. И: честный труд достоин презрения, он не накормит. Эта порча — не в годы исправима, и хорошо, если в десятилетия.

В атмосфере всеобщего разобщения, где нет дела друг до друга, каждому оставлена своя беда и боль, в атмосфере безнадёжности, безразличия, ничего не нужности, психологической усталости — нисходит и к каждому ощущение своей ни к чему не приложимости, душевная опустошённость, что потерян контроль над собственной жизнью.

Как и предвидено в пословице: *Пришло в тупик, что некуда ступить.*

Льются-льются письма ко мне из разных краёв, из “третьего” и “второго” мира. И всё это я снова и снова прочитываю в них.

“Скорей превратят страну в кладбище, чем уступят добычу.” — “Это государство — враг простых людей.” — “Народ никому больше не верит и ни от кого не ожидает хорошего.” — “За какую грязь голосовать — ещё не решил.” — “Или государство грабит, или рэкет, — честно заработать ничего нельзя.” — “Перешли от ‘грабь награбленное’ к ’грабь заработанное’, вынуждают работать бесплатно.” — “Воруют все, начиная с членов правительства и до мастера на заводе. Воруют безоглядно, нагло, ничего не боясь, как перед концом света.” — “Искусственно нагнетаемая бездуховность.” — “Культуру выживают целенаправленно, чтобы нас превратить в скотов.” — “По чьему-то за-

мыслу нас лишают ума и истории." — "Как пугает, что мы потеряли себя: не видим, куда идём, не знаем, кем станем." — "Страшно, что Россия — что-то другое, не то, что мы себе напридумали."

И — выдохом истомлённым, своё зарёберное: "Не жизнь, а выживание." — "Жизнь без цели." — "Нашим унижением пронизан весь воздух." — "Тоска на сердце подавляет." — "Как выжить душой?" — "Мы идём в никуда. Стержня нет." — "Умирают не от нищеты, а от угнетённости."

Из опроса на московской улице: "Как вы относитесь к отставке всего правительства?" — "Что им до нас дела нет, что нам до них."

Но личные *встречи* — при объезде областей и малых городов — перевешивают отчаяние этих жалоб. И — письменные проекты настойчивых действий, их шлют средневозрастные и молодые интеллигенты.

Нет, ещё — не добиты люди.

Ещё — живы их глаза и помыслы.

Ещё — есть энергия добрых действий, только поле ей — в малом радиусе вокруг человека, а дальше — стены, перегорожено. И — не собрать каждому такому отдельному широкой общественной поддержки.

Однако мы — не первый век живём, но уже 11 веков, и не первая эта проверка народа на выстойку — в этот раз против временщиков криминальной власти и той смрадной неразберихи, в какую они увязили жизнь России.

Наперекор всему, как нам не дают дышать, — тяга к общественной справедливости и тяга к нравственной жизни — нет, не загасли.

И сила их — тоже убедительна.

СПЛЕТЕНЬЕ НАЦИЙ

17. ПОЛТОРАСТА НАРОДОВ

Дореволюционная Россия включала в себя более полутораста народов и народностей. Многие народы присоединялись к России от самого начала добровольно — как малочисленные народности Сибири (манси, вогулы, хакасы, юкагиры и другие, подневольного труда аборигенов Сибирь не знала); также алеуты, эскимосы Аляски, малый и средний жузы казахов, зыряне (коми), марийцы, чуваши, мордвины, кабардинцы. Некоторые из народов были присоединены поначалу силою — как волжские и сибирские татары в XVI, Черкесия, Чечня, Дагестан, Коканд, Хива, Бухара в XIX, или восставали позже, как якуты, енисейские киргизы, чукчи, ительмены в XVII, башкиры в XVIII. Иные — сами настойчиво искали русской защиты, как осетины, грузины, армяне. Век за веком ещё продолжались набеги — татарские из Крыма на Москву, затем беспрестанные чеченские на равнины, лились набеги из Коканда, Хивы, Бухары, — многое в расширении России происходило за счёт войн не наступательных, а оборонительных. (Хотя присоединение Средней Азии и Закавказья — не было непременным условием устойчивости России.)

Мы лишены возможности угадать, как пошло бы

развитие всех этих народов и народностей вне присутствия русских. Очевидно, одни бы развивались успешно, окрепли, подчинили бы себе соседей; другие бы отдались их власти; третьи — истекали бы в междоусобицах. Так, в Якутии дорусское время назвалось "эпохой кровавых войн"; часты были межнациональные войны в Туркестане, утихли лишь после русского завоевания; и до XX века сохранялось напряжение в Азербайджане — между армянами и "татарами", как выражались там тогда. Все такие столкновения утишались российской государственной властью.

Иногда указывают на кровавое (с жестокими расправами над мирным русским населением) "туркестанское" (казахи и киргизы) восстание 1916 года — но оно-то скорей и свидетельствует не об угнетении, а о льготах: во время Мировой войны, шедшей уже третий год, тамошнее население не привлекалось ни к какой воинской повинности, — и всего-то объявили средь них краткосрочную *трудовую* мобилизацию — но население возмутилось и против неё, не считаясь с требованиями войны. Однако в ходе той же войны — из лучших частей российской армии была Туземная ("Дикая") дивизия, шесть полков кавказских народностей (включая и чеченов). А в Гражданскую воевали на белой стороне не только калмыки, сплошь, но и кабардинские, осетинские, ингушские полки.

При российской примирительной внутренней политике присоединённые народы занимали своё органическое место в едином государстве, сохраняли своё физическое бытие, природное окружение, религию, культуру, самобытность. И уж ни одна-то народность не была уничтожена, как это знали колониальные империи или Северная Америка.

Такое невиданное многонародное соединение — как же могло устояться и быть прочным? В решающей мере — от образа правления, успешно испробованного и прежде во всемирной истории для той же цели: перед монархом все — равноподданные, в равных правах, без различия религии, племени, не стеснены ни в роде занятий, ни в месте жительства, — да народы, по малоподвижности тех столетий, хоть и не стеснённые никакой "чертой оседлости", не имели склонности мигрировать. Казахи-кочевники, отступившие от джунгарских войск и кокандских набегов, имели в Южной Сибири льготные условия кочевания — и содействие от оседлого русского населения. (Одно создалось в России исключение — относительно евреев, но оно и породило свои глубокие последствия.)

А были ли русские в той Российской империи властвующей (как, например, англичане) "имперской нацией"? Отнюдь нет. Подавляющая часть тогдашнего русского народа — крестьянство было страдательным слоем, терпящим. Оно не имело "прибыли" или привилегий от империи, напротив, в полной мере несло гнёт государственного тягла — своими жизнями платило и за петровские стройки, и за императорские войны (многие нации России в армию не брали); крестьянство протащило на себе и крепостное право, и обделённость землёй. "Имперское сознание" бывало у высшего чиновничества (*разно*национального), у кого-то из дворянской верхушки, далеко не у всех, у кого-то из буржуазных кругов, окрепших к XX веку. Но не у народной массы, и благо. Имперское сознание деформирует сознание национальное не к пользе для него, наносит духовный ущерб внутреннему развитию.

Нет, не "имперской нацией", но по вековому ходу

событий — и по государствообразующей роли, и по перемежному географическому расселению — русские в России стали народом объемлющим, как бы протканной основой многонационального ковра, — не частое этническое явление. Это обернулось для русских бременем или роком — сквозь всю российскую историю. И по той же причине пришёлся на русских лобовой удар "ленинской национальной политики". И — гитлеровской войны. И тот же исток — невыразимой трудности всех русских проблем сегодня.

Зложелатели русского народа обвиняют его в острой неприязни к другим народам и к чужеземцам. Однако весь поток русской истории не оставляет места таким обвинениям: русские охотно принимали в свою жизнь иноземцев из многих стран, были открыты для них, охотно учились у них (как — техническим приёмам, ещё с XVI века, так в XIX — приёмам хозяйствования у немецких колонистов); государственный аппарат дореволюционной России включал в себя многих чиновников нерусского происхождения и на высоких постах, — да само многовековое устойчивое существование обширной многонациональной империи было бы невозможно при ксенофобии хребтового народа. (В возражение указывают — на еврейские погромы в Молдавии и на Украине в 1881–82 и 1903–05 годах; но на территории проживания великороссов — погромов не было.) И сегодня: во скольких русских областях, городах на руководящих должностях состоят нерусские — в том числе, теперь получается, из *иностранных* государств, грузины, армяне, азербайджанцы, — увидим ли подобное в новообразованных странах СНГ да даже и в автономиях внутри самой России? Н е т, и там и здесь русских поспешно вытесняют; вот где ксенофобия.

Каковы могли бы мыслиться дальнейшие, вне революции, взаимоотношения народов России в XX веке? Революционное крушение резко перенаправило ход событий — и судить о непроверенной перспективе уже не приходится.

А многое объясняет нам текущий через весь XX век процесс мировой.

Вот, к концу XX века каток нивелировки всё жесточе прокатывается по особенностям, характерностям, своеобычию национальных культур и национальных сознаний — и, сколь удаётся, выглаживает все эти индивидуальные особенности под всемирный (американский, англосаксонский) стандарт. Действие этого катка грозит погасить все краски многообразия человечества, всю духовную сложность и яркость его. Этот процесс всеобщей стандартизации по смыслу своему — энтропийный. Выравнивая потенциалы различий, он ослабляет способности человечества к развитию духовному, а вослед и к иным видам развития.

Мне уже приходилось писать, и не раз, что благословенна каждая национальная культура. Что нации — это краски человечества; исчезни они — человечество стало бы так же уныло однообразно, как если бы все люди приняли бы одинаковую наружность и одинаковый характер. Несомненно, что отначальное существование племён — в Замысле Творца. В отличие от любых человеческих объединений и организаций — этнос, как и семья, как и личность, не человеком измышлен. И имеет не меньше органических прав на существование, чем семья и личность.

Как всегда в человеческой жизни, чем настойчи-

вее проявляет себя какая-либо сила — тем упорнее, а то и отчаянней рождаются ей хотя бы единичные противодействия. Так, в XX веке усилилось национальное самоотстаивание, и мы видим, в огляд по планете, разноликие, разной крепости сопротивления этой всевыглаживающей силе. Тут примеров много, но у всех на виду: поразительная устойчивость японского национального типа и уклада, сумевшего пробиться сквозь все испытания современности и остаться самим собой; неколебимое самобытное стояние исламской культуры; или чудовозрождённое на земле предков еврейское национальное государство после двух- и даже трёхтысячелетнего всесветного рассеяния, в какие-то века едва ли не умирания народного бытия. Даже только эти примеры обнадёживают нас, что человечество ещё не обречено поглотиться единообразием. Нет, защитные импульсы всплескивают у многих наций: выжить в этих новых условиях, сохранить глубину своей духовной и культурной традиции, своё ни на кого не похожее лицо.

Этот процесс самоотстаивания, конечно, проявился и у наций России. Живость их национального чувства сохранялась у многих — и отчётливо проступила в ходе Семнадцатого года, когда, при сотрясении государства, все слои и все прослойки населения с поспешностью требовали расширения своих прав или сами объявляли их. Мне довелось подробнейше заниматься фактическими материалами от Февраля до Октября 1917. Естественно, что оживились и национальные движения. Однако хотя настояния отдельных наций (украинские особенно), отдельных вероисповеданий (ислам) были тогда проявлены, но — кроме Польши и уже созревшей к отделению Финляндии — ни одно требование не шло выше культурной автоно-

мии и местного самоуправления — никто (в том числе и Украина) не требовал тогда территориального отделения.

Потом ленинская революция распахнула и выстлала нациям России (кроме одной: русской) путь к форсированному самосознанию и административному, и культурному самообособлению. За 70 лет процесс этот дал многим "титульным" нациям возглавить и крепить свои автономии, щедро преображённые хозяйственными дарами России. И в таком, уже властном, состоянии национальные верхушки автономий были застигнуты событиями 1991 года. Дальше процесс пошёл исключительно динамично, с требованием некоторых автономий если не полного отделения от России, то почти прав международных субъектов (и иные получили).

Этот процесс резкого взмыва национальных чувств — у всех, кроме русских, — происходил и сплошь 90е годы. В паспортах прибалтийских государств твёрдо поставлена графа "национальность". В Киргизии отменили было её, из "прогрессивных соображений", — но по требованию народа вернули. Не сомневаюсь, что если б о том опросили малочисленные народности Сибири — они б ещё отчаянней держались за своё национальное именование. Это — одно из усилий нации, угрожаемой исчезнуть, отстоять себя во всемирной нивелировке, тот самый защитный импульс. (А иначе зачем выяснять национальность во время всеобщей переписи? Если не надо — так и вообще не надо.) И в России это характерно проявилось в 1997: центральные власти, не оглядываясь на наше сплетенье народов, легко решили: устранить в новом российском паспорте строку национальности. И уже запустили машину изготовления десятков ты-

сяч, сотен тысяч таких паспортов. И — чей же осадительный голос раздался звонко и трезво? Не — русских, разумеется, а именно — других наций: кабардинцев, башкир, татар. Они хотят — и имеют право! — называться своим национальным именем, отстоять его от утери, не смазывать. И центральные власти — замялись, затоптались: то ли паспорта надо готовить заново, а наготовленные под нож? Скажем спасибо тем народам за это братское образумление. Мы и это право, называться *русскими*, готовы отдать из ложной стыдливости. Но никому не запрещён инстинкт национального самосохранения, право ощущать самих себя, какие есть. Почему и нам не сметь его иметь, как уверенно имеют, как — оглянемся — уверенно сберегают другие?

18. ФЕДЕРАЦИЯ?

Да, в России живёт больше ста наций, многолюдство народностей, так сложилось исторически, и с этим мы должны войти в будущее: сочетать интересы общегосударственные с интересами этнических групп. Спрашивал ещё И.С.Аксаков: “Как разумно объять единым законодательством столько и столь разноплеменных?”

По меньшей мере с XV века фундаментальная традиция российской государственности была — унитарность, единоуправляемость государства, в своих лучших периодах в сочетании с земством. В течение этих шести веков никогда не возникала ни потребность, ни даже мысль о федеративном устройстве России. Её принёс из своих теоретических схем Ленин — и внедрил мечом большевицкой диктатуры.

Во всей истории — истинные федерации создавались только добровольным соединительным устремлением полугосударственных образований с целью взаимного поддержания и совместного, более устойчивого существования. (Как швейцарские кантоны, германские земли, штаты Северной Америки.) По ленинскому же революционному замыслу, наоборот, — **федерация** народов была декларирована из единой России. Сам-то Ленин и его последователи вовсе не думали расставаться с унитарностью государства, да именно её одну, скреплённую диктатурой партии, они имели в виду и жёстко осуществляли. Но их ближайший расчёт был: заполучить в союзники — внутри России все меньшие нации, вне России — заманчивым примером привлечь к себе сочувствие народов Востока. Доходило (20–30е годы) до уродливой дробности: учреждались пятнами по карте и "национальные районы", и даже "национальные сельсоветы" — с особыми, льготными, правами, каких не было у соседних сельсоветов и районов, примитивно русских.

Однако и декларированное не прошло впустую, только этой мнимой, но широко объявляемой, федерации предстояло подспудно зреть семь десятков лет, накопляя значение и влияние национализированных верхушек. Впрочем, уже в 1926 "национальные" члены ЦК ВКПб (во главе с Т.Рыскуловым) совещались отдельно, со своими требованиями к ЦК; проявлялся в ВКПб и ещё несколько раз "национальный уклон". А уж в 1991 — прорезалось разом, всё вместе, повсюду, и обнажилась выращенная за 70 лет дробная множественность национальных элит, каждая из которых оказалась автономной хозяйкой какого-либо куска России.

Развал в 1991 пошёл мощной лавиной, необратимее развала 1917. При переходе через это новое революционное трясение — многое неузнаваемо изменилось в нашей стране, в том числе — и коренным образом — государственность. Автономные области возвышались в автономные республики, а все вместе приобретали удельный вес прежних союзных республик, теперь отделившихся. Национальные верхушки автономий, десятилетиями выращенные при льготных квотах в образовании и сниженной профессиональной конкуренции, — теперь быстро, решительно захватили реальную власть, резко повышая свой национальный процент; особенно в органах управления и правоохраны. (И эта вспышка этнического национализма — с дальних сторон приветствовалась как разлив демократии, хотя именно истинной демократии национальный подбор противопоказан.) Пристрастность этнических этих верхушек властно проявилась и в ходе местных приватизаций (приоритетность "для своих").

Не видно, чтобы кем-то на верхах власти понималось бы: что вообще, сквозь XX век, развитие национальностей и государственностей происходит в разных направлениях: национальные самосознания заявляют о себе всё дробней, а государственности (в форме также и союзов государств) всё крупнеют. Малой нации жить отдельным государством становится почти невозможно. И в сохранившемся корпусе России (я стороню отсюда чеченский задор или расчёт на разбой и паразитарность) — ни одна нация реально не может и не претендует отделяться, прожить без единства с русским народом.

Нет, с верхов власти мы слышали упоённое повторение лозунгов федеративности — без понимания

её: что федеративность может существовать лишь при силах центростремительных, а не центробежных. И так мы услышали знаменитое (обращённое к Татарии): "Берите суверенитета, сколько можете проглотить!" (Она и взяла.)

По этому рецепту стали активно действовать иные автономии, затем и, глядя на них, — русские области и края, по-нынешнему "регионы". Процесс — опаснейший, ибо такому обширному государству, как Россия, невозможно существовать без единой сильной центральной власти; при длящейся шаткости, неразберихе — он и был бы прямой процесс распада Российского государства. Тогда укрепление областей может оказаться и выручательным. Особенно для краёв, далеко раскинутых и пренебрежённо забытых, как Дальний Восток, Сибирь, Крайний Север или Северный Кавказ, — приобретение регионами прав может явиться не актом развала, а какой-то формой спасения своих областей, большей реальности местной власти, её более оживлённого касания с народом, как мы уже и наблюдаем в некоторых областях. Но что за вздор эти "разделения полномочий" отдельными договорами Центра с регионами? — в едином государстве должен действовать и *единый* договор для всех регионов.

И жизненно важно: низойдёт ли эта децентрализация власти до малых городов и до районов? — то было бы оживлением подлинным. Малые-то города, две сотни наших малых городов, сейчас и угасают, и вымирают у нас стремительно, — и вот это будет конец ещё здоровой России. Когда российский Президент заявляет (17.5.96, 2й канал ТВ): "Я как можно меньше власти хочу, я хочу отдать её вниз", — если даже он именно того и хочет, из сказанного не следу-

ет, что предусмотрен спуск полномочий до районов. Скорей можно ожидать, что губернаторы, получив значительную независимость от Центра, — сами дальше эту власть постараются держать в одном кулаке.

Так — федеративное устройство России стало реально проступать уже не по обманному ленинскому плану, но в Час Великой Беды и в процессе развала государства.

Хотя федерация для России совсем не органичная форма, она насажена насильственно, — но она уже укрепилась в сознании миллионов, в мироощущении национальных масс. И тем более при общем падении нашей государственности и роли русского народа в ней — мы вынуждены это наследство принять. Только осуществлять федерацию — не в противоречие с подлинной демократией, не в противоречие с общей справедливостью и никак не в том хаосе частных двусторонних льготных договоров, как это делается сейчас.

И тут — не по дальновидности Конституции 1993 года, а самовозникшим укрепляющим движением стал расти в значении и влиянии Совет Федерации, составленный не по партийным признакам и не из депутатов, свободных от административной ответственности, — а из прямых направителей исполнительной и законодательной власти в областях. Эта палата из практических областных работников именно соединением сил и воль — обещает нам встречные скрепы, восполняющие то, что мы потеряли в развале России. Те самые скрепы, без которых и не может сохраниться Россия.

Увы, у этого Государствённого Совета — по нынешней Конституции весьма ограниченные права.

Вот их — для сегодняшней России и ради завтрашней — живительно было бы расширить.

19. АВТОНОМИИ

Все нации России, независимо от их объёма и способа расселения, должны иметь равные культурные и равные гражданские возможности — чтобы не испытывал ущерба ни самый малый народ, ни самый большой. Безусловно так.

Но — сколь основательно национальный принцип должен внедряться в систему общегосударственного построения? Да никак не может он быть положен в основу многонационального государства, он чреват конфликтами. Отказаться от него — неизбежно, и не растягивать беспричинно.

От Ленина у нас внедрён (без каких-либо экономических соображений) принцип "национально-территориальных автономий", по которому отдельным нациям (далеко не всем) фактически открывается право контролировать какую-то часть страны, иногда и весьма значительную. Так (по переписи 1989), 7% населения страны (около 10 млн. человек) составили собою 21 автономную республику и 10 национальных округов — с особыми от других народов страны благоприятственными правами. (Такие "федеративные единицы" часто резко не соответствуют всем другим — и по своим географическим размерам, и по численности населения, и по хозяйственному потенциалу, и по культурному удельному весу.) Так потеснены интересы 93% населения страны, лишённого подобных преимуществ (да и в самих-то автономиях живёт "некоренных" наций больше 10 млн...).

Вместе с тем не упустим, что в России дисперсно живут ещё и многочисленные народы без своей компактной территории ("безстатусные народы") — украинцы, белорусы, в немалом числе немцы, поляки, евреи, корейцы, греки и многие ещё, и права их не должны быть ниже рангом, чем у "территориально-автономных". Да из "автономных" многие, как татары, широко расселены за пределами своей автономии (в Татарии — 1,8 млн., вне её — 3,8 млн.). Ещё не упустим, что (по той же переписи 1989) — среди этнически не-русских 15,8 млн. считают своим родным языком русский.

Ленинское строение нелепо для государства, где все нации территориально перемешаны; оно противоречит всякому здравомыслию и могло быть введено только по политическому умыслу. Такое устройство — и преграждает возможность построения *вненационального* местного самоуправления, то есть закрывает путь к *демократии*. Оно лишь искажает естественную систему автономий *культурных*, которые должны быть доступны всем.

Исключительность большевицкой конструкции утяжеляется тем, что в автономиях (со своими президентами, конституциями, флагами, гимнами) — "титульные" народы почти всюду (кроме Тувы, Чувашии, Чечни, сложней в Дагестане) составляют *меньшинство*, иногда резкое меньшинство (как в Якутии, Башкирии, Карелии), — между тем определяют собой аппарат и идеологию управления. Нигде в мире, претендующем на демократичность, и помыслить нельзя, чтобы меньшинству было "законно" попущено управлять большинством, — повсюду принята власть большинства (при непременной защите прав меньшинства); повсюду принято, что каждая нация может кон-

тролировать только ту территорию, где она составляет большинство. И уж конечно, должно существовать равенство прав граждан независимо от их национальности. Это равенство грубо нарушено в наших автономиях — языковыми и служебными преимуществами "титульной" нации.

Всё это — кричаще несправедливо. И должно безотлагательно быть исправлено. Нерешённые межнациональные натяжения отнюдь не второстепеннее подгоняемой экономической реформы: они могут разрушить государство раньше. В автономиях нельзя признать за "титульной нацией", даже если она не в меньшинстве, фактического права управлять всем населением территории *от себя*, а не в составе общегосударственного управления и по общегосударственным законам. Таких примеров — в мире нет.

(До недавнего времени в Уголовном кодексе стояла статья 74я, запрещавшая не только всякую дискриминацию, но и привилегии по расовому, национальному либо религиозному признаку. О дискриминации говорилось в прессе и в обществе более всего, привилегии — как провалились в безмолвие. На кремлёвском совещании по местному самоуправлению, 17.2.95, мне пришлось обратить на это внимание собравшихся: *привилегии* по национальному признаку, на которых построена наша Федерация, — есть одновременно *дискриминация* русских областей — то есть уголовное преступление по нашему же кодексу! И тут же вскоре неловкую статью 74ю, о которой мы были звонко наслышаны, тихо убрали из кодекса. И выставили вместо неё в новом кодексе статью 282, сформулированную вовсе неладно: она осуждает только публичные *высказывания* и закрывает глаза на *практические действия*.)

Разноправность "титульных" и "нетитульных" наций должна быть безоговорочно отменена. Систему национального неравноправия надо кончить.

Тем более территориальные автономии не могут пользоваться никакими экономическими преимуществами сверх общегосударственного порядка, никак не могут иметь и особых, полных прав на свои недра и стратегические ресурсы, как это теперь расслабленно потекло. И во всех национальных культурах должно сохраняться разумное равновесие с единством государства; в своей образовательной системе автономии не могут пренебрегать общегосударственными требованиями. Например, не могут школьные программы в автономиях вестись так, как если бы население жило вне всякой России. (А сейчас в некоторых автономиях уже запущено именно так: русский язык переведен в разряд "иностранного", российская история — в малую часть всеобщей, и это уже сегодня ведёт к разрыву общеобразовательного, культурного пространства единой страны — к ущербу для всех жителей.)

В безвластном и безвольном течении 1992–93 автономии приобрели решающее влияние на наше так называемое конституционное творчество, когда спорящие в Центре силы всячески старались задобрить автономии и привлечь на свою сторону. (Доходило до функционирования "совета республик", где русские имели один голос из трёх дюжин.) В результате утвердилась система неравноправных "субъектов Федерации": эти автономные "субъекты" получили льготные условия сравнительно с русскими областями — или содержание на дотации Центра (как подавляющая часть бюджета Дагестана), то есть за счёт основной России, или хотя бы послабление, даже освобождение от уплат в Центр (как Башкирия, Татария, Якутия и другие, уж

Чечню и не вспоминай), а иногда и с додатком международных прав.

После всех политических уступок 1992–93, сделанных территориальным автономиям, и при усвоенной диковатой формуле "суверенная в составе Федерации", — разверзлись проходы для требовательных сепаратных эгоизмов.

Но если Конституция 1993 ещё считается действующей, то по её статье 5 "все субъекты Российской Федерации между собою равноправны" — а значит и равнообязаны? Федеративное устройство России должно быть справедливым *полнейшим равенством* всех "субъектов Федерации" (что неотносимо к "национальным округам", разрушающим конструкцию и своих регионов).

А если статья Конституции забыта, а статья Уголовного кодекса кем-то предусмотрительно смазана, — то не следует ли принять чёткий — **Закон о равенстве наций в России**.

Он мог бы быть сформулирован, например, так:

«1. На территории России все нации, относящиеся к её историческому составу, равны во всех правах и во всех обязанностях. (Это не относится к гражданам стран СНГ, переселившимся в Россию после 1991 г.*) Все нации имеют право на беспрепятственное развитие своей национальной культуры, образования, языка. Их культурные нужды финансируются государством пропорционально численности народов и народностей.

* Можно дополнить особым договором с Украиной, что русские на Украине, как и украинцы в России, — полноправны и не подлежат никаким ограничениям. А с Белоруссией как будто намечается единый союз?

2. Это равенство включает в себя право любого постоянного российского жителя на занятие любых должностей — по выборам или по назначению — только по соображениям профессиональной пригодности. (Незнание местного языка не может быть ограничительным условием, достаточно прочного знания общегосударственного языка.)

На всей территории России всякое назначение или отвод в назначении, совершённые по этническим соображениям, попадают под действие Уголовного кодекса РФ как "унижение национального достоинства".»

20. "РУССКИЙ" И "РОССИЙСКИЙ"

Хотя русские составляют, по последней переписи, в РСФСР–России 82% (не во всякой однонациональной стране такой определительный перевес) — они расклочены по автономиям и даже там, где составляют большинство, находятся ныне в положении меньшинства, а реально и меньших прав: лишены тех, которые предоставлены титульным нациям. (Можно ожидать, что при нынешнем жёстком неравенстве в автономиях — в предстоящей переписи 1999 многие русские запишутся под "титульных", изменится и общая доля в населении.) Тем более у русских нет, как у других российских наций, своего отдельного, "республиканского" голоса в государственном управлении и в законодательстве.

Однако если посмотреть глубже, то тут-то наше роковое историческое наследие — *объемлющей* нации. Получи мы сейчас все эти государственные права наряду с автономиями — и России не станет, разва-

лится. Здесь та грань, по которой "русский" за века уже срослось с "российский". И разобраться в этом сращении требует заботливого внимания.

Малоизвестно, что пристальное обсуждение этой проблемы всплыло в России в 1909. И не мудрено, что всплыло: после ликования российского образованного общества при русских поражениях под Мукденом и в Цусиме (петербургские студенты слали микадо поздравительные телеграммы); после революционных (грозно-предупреждающих!) сотрясений 1905–06; после того, что даже царский манифест 17 октября 1905 об установлении законодательного представительства был встречен только взрывом насмешек образованного класса и над русской исторической властью, и над самим понятием "русский". 1909 год добавил ещё и чувствительное поражение российской дипломатии на Балканах (аннексия Боснии и Герцеговины Австрией при униженном согласии России), удар по ещё не угасшим тогда, ещё дображивавшим панславистским претензиям.

Ведущее место в тогдашней дискуссии заняла петербургская газета "Слово". Дискуссию открыл Пётр Струве — и удивительно, что нисколько не устарело процитировать его здесь почти через 90 лет.

То была статья "Интеллигенция и национальное лицо"* — уже в названии мы видим, что эти два явления застигнуты автором в противостоянии. Струве писал: "Русская интеллигенция обесцвечивает себя в 'российскую' ... безнужно и бесплодно прикрывает своё национальное лицо", а "его нельзя прикрыть". "Национальность есть нечто гораздо более несомненное [чем раса, цвет кожи] и в то же время тонкое."

* "Слово", 10.3.1909.

"Не пристало нам хитрить [с русским национальным чувством] и прятать наше лицо... Я, и всякий другой русский, мы имеем право на эти чувства... Чем ясней это будет понято... тем меньше в будущем предстоит недоразумений."

Читано? не читано? Но все эти "недоразумения", а точней — уничтожающие конфликты, мы обрели на нашем 90-летнем пути, не пропустили.

В дальнейшей дискуссии напоминалось: "Такую империю нельзя было создать одной физической силой, — но и нравственной мощью." И призывали не стыдиться — "национализма строительного, государственного".

Однако: стыдились. Десятилетиями. Именно под сенью империи — стеснялись, стыдились русские интеллигенты называть и даже сознавать себя отчётливо "русскими". Но, кажется, теперь — достигнутые российскими нациями права упраздняют поводы для этой стеснительности.

В той дискуссии 1909 года удивительным образом просверкнула решающая постановка вопроса, как только мы можем и сегодня задуматься и искать, — и в этом же поиск предлагаемой тут читателю работы: "'Государственная' справедливость не требует от нас национального безразличия." "Как не следует заниматься 'обрусением' тех, кто не желает 'русеть', так же точно нам самим не следует себя 'оброссиивать', тонуть и обезличиваться в российской многонациональности". "Попытка обвеликороссить всю Россию... оказалась гибельной для живых национальных черт не только всех недержавных имперских народностей, но и прежде всего для народности великорусской."

Вся нынешняя (наросшая от запущенности) сложность "русского вопроса" в этом и состоит: как

решить его не в противоречие и не во вред "российскому".

Раздаются голоса: "Россия для русских!" Но это — ошибочный, деструктивный лозунг (как и "Татарстан для татар" или "Якутия для якутов"). Так же как и "Русская республика" в составе РФ: это — толчок к расколу и развалу, на русских же лежит единоскрепляющая государственная обязанность. Без русских — и России не быть.

Бесцельны и разговоры о "самоопределении" для русских. "Право наций на самоопределение" настоятельно прокатывалось по всей Европе с Первой Мировой войны, больше всех им сотрясали большевики, затем (16.2.66) оно утвердилось и в ООН (в путаном противоречии с тем, что ведь принцип самоопределения полностью отрицает принцип "нерушимости границ"). Однако в сегодняшней России *самоопределение* русских означало бы и *самоотделение* их ото всех остальных народов России, то есть развал нынешнего государства. И на *этом* лозунге — настаивать нам не приходится. Как искать для русских своей государственности — если мы сами и создали вот такую, многонациональную? Даже и национальное "пропорциональное представительство" во всех органах власти России уже тоже неосуществимо.

Однако русские стали ныне р а з д е л ё н н о й н а ц и е й — как нововозникшими границами СНГ, так и внутри самой России: разделённой по автономиям, зажившим по разным законам. И государство, где русские составляют стержневое большинство, — обязано ли защитить также интересы русских или заглушить их?

Забота о равных правах для русских не есть русский национальный эгоизм. Бремя обёрнутого национального неравенства разрушительно налегает на российскую государственную конструкцию в целом. А русский народ в России — государствообразующее ядро, и без него никому не посильно нести ответственность за сохранность государства.

Судьба русского народа определит и судьбу России.

НЕПРИМИРИМОСТЬ

21. БОЛЬШЕВИЗМ — И РУССКИЙ НАРОД

Стыд российского образованного класса ото всего *русского*, отмеченный в дискуссии 1909 года, был после Октябрьского переворота динамично развит сокрушающей стратегией Ленина на полный разгром русского национального сознания (как политического конкурента большевизму). Уже на X съезде ВКПб (1921), ещё не отдышась от Гражданской войны (и в продолжение её), объявили "главной задачей партии в национальном вопросе" — борьбу против "великодержавного шовинизма", который, по Ленину, "в 1000 раз опасней любого буржуазного национализма". В партийном письме Ленина конца 1922, предсмертном (и зачитанном на XIII съезде вместе с его "политическим завещанием"), значилось: "море шовинистической великорусской швали"*. Не только не надо соблюдать формальное равенство наций, но осуществить "тако[е] неравенств[о], которое возмещало бы со стороны нации угнетающей", "так называемой 'великой' нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда)", — возме-

* *В.И.Ленин*. Полн.собр.соч., т. 45, с. 457–460.

щало бы, что́ можно получить с неё в пользу наций малых. В последовавшем с 1923 размежевании административных границ — к национальным автономиям пришивали, прикладывали *целиком русские* уезды и волости. В союзных республиках стали проводить (вопреки декларированному, желаемому и якобы уже близкому "отмиранию", "слиянию наций" всех): удаление русских из государственного и партийного аппарата. (Напротив, на Западе и посегодня многие уверены, что Ленин стремился "русифицировать окраины".) В идеологическом пространстве подвывал и Луначарский: "Идея патриотизма — идея насквозь лживая"* ; "преподавание истории в направлении создания народной гордости, национального чувства и т.д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено"**. И все 20е годы десятки партийных ораторов и сотни услужливых перьев на все лады изощрялись в насмешливых проклятьях "русопятам", "русотяпам", "русопетам", "мы расстреляли толстозадую бабу Россию", "а может, лучше было не спасать" Россию Минину и Пожарскому? и т.д., неперечислимое множество таких мерзостей.

В эту же большевицкую стратегию расправы вошёл и крушительный удар по православной Церкви — свистящая травля при ограблении церковных ценностей (тайно вёл её Троцкий, но под декорацией Калинина), затем аресты Патриарха, митрополитов, суды над ними, гласные и десятки тысяч негласных рас-

* *А.В.Луначарский.* О преподавании истории в коммунистической школе. Пг., 1918, с.6.

** *А.В.Луначарский.* — В сб.: Проблемы народного образования. М., 1923, с.103.

стрелов православных священнослужителей и уничтожение их в лагерях. Одновременно с тем, начиная с лет гражданской войны и все 20е годы, шло уничтожение или высылка дворянства и русской интеллигенции. Русское национальное сознание было круто пригнетено, погашено до ухода в подполье, а по поверхности вовсе стёрто и запрещено как явление контрреволюционное.

И такая атмосфера густилась лет пятнадцать, до середины 30х годов, когда Сталин (уже после многомиллионного уничтожения отборного крестьянства и опять-таки после добития петербургского дворянства и интеллигенции в 1935, взрыва Храма Христа в 1931 и непредусмотрительного уничтожения и запущи памятников Отечественной войны 1812), — Сталин прочнулся при подступающей угрозе большой войны, что на хлипкой идеологии Коминтерна, без русского национального подъёма, ему в той войне не устоять. И в советской агитации внезапно вспомнились, зазвучали призывы к уже забытому, уже трижды проклятому и растоптанному *патриотизму*. (С 1936 появился термин "старший брат", с 1938 — "великий русский народ".)

И только этот патриотизм — именно не "советский патриотизм", а патриотизм собственно русский, с воззывами к русскому военному прошлому и даже до Дмитрия Донского (уже не боясь "обидеть" татар), — именно он, спасая и весь мир и Россию, заодно спас и советскую коммунистическую власть со Сталиным на верхушке. (После войны Сталин удостоил русский народ благодарственного тоста. Но постепенно, как бы и не в противоречие, восстанавливал в запас и все понятия интернационал-коммунизма, пригодятся и они.)

Всеисторический и всемирный подвиг русского народа во Второй Мировой войне (и, страшно вымолвить: не *последний* ли во всей его истории?) является одной из загадок русского характера. Ведь миллионы людей были прорежены репрессиями, жили в постоянной подавленности, страхе вымолвить своё мнение; да почти половина тогдашнего населения и хорошо помнила лучшую дореволюционную жизнь, и наглядно ощущала полученные взамен социалистические оглодки. И что же искренно увлекло народную массу платить своими жизнями за такое чёрство-корявое существование? (Немало зэков и из лагерей подавали заявления на фронт.) Тут сказалась, конечно, и власть железного принуждения (невольно задумаешься над оценкой Константина Леонтьева, что достоинства нашего народа выигрывают от угнетённого состояния), тут в огромной степени проявился природный, всё ещё не додавленный русский патриотизм, — но сказалась и психологическая жажда распрямиться хоть на короткое время и почувствовать себя личностью, и даже могучей, и даже героической, — через смертный бой, дающий короткую иллюзию свободы.

Сегодня тот подвиг русского, нет; тре-славянского, народа (подавляюще главной силы в Красной армии и на заводах тыла, и на колхозных полях), сокрушившего гитлеризм, спасшего западные демократии при наименьших для них человеческих потерях, — сегодня, в живых чувствах и мировой памяти изглажен, забыт, невозблагодарён, потонул под струёй современной жизни, для которой остов ещё сохранившейся России — некое реликтовое, всем помешное и многим — презренное Чудовище.

22. ОТ СТАЛИНА К БРЕЖНЕВУ

В последние годы царствования Сталин понудил советскую идеологическую пропаганду совершить уродливый излом в сторону безграничного национального чванства, русского во всём "первопроходства". Нельзя предположить, что он так повёл для нового вреда русскому сознанию, нет, он повёл так по отсутствию чувства меры и вкуса и, по всей видимости, предполагая, что тем укрепляет под собою русского конька-горбунка для следующего всесветного агрессивного прыжка. Смерть помешала ему довести это направление до какого-то результата — но он вполне успел нанести ещё один ощутимый вред русскому сознанию и подставил его под всемирные насмешки.

А Хрущёв внезапно проявил сохранённый с комсомольской молодости большевицко-интернациональный накал. Он оказался к ленинской линии много ближе, чем трезвый государственный стратег Сталин. С ленинских лет никто так безоглядно не раздавал русские земли — Чечне, Дагестану, а прежде-то всего Украине. Именно он вдруг издумал сумасбродный "подарок" Крыма — тот соблазн, который чёрт подсовывает, чтобы совратить душу, в данном случае — государственное сознание Украины. — И Хрущёв же, безо всякого видимого повода, с 1961 года неистово кинулся терзать смирную, лояльную и столь полезную для фасада режима православную Церковь, массово закрывать храмы. Ничем другим, кроме большевицкого идейного остервенения, эту кампанию объяснить нельзя — а по интенсивности она напоминала ленинскую 20х годов, только без массовых

арестов священников. — Русский патриотизм Хрущёв уже не решился объявить врагом, но и симпатий к нему не испытывал, а всячески переиначивал в "общесоветский".

Именно эту линию наследовало брежневское политбюро: что в СССР достигнуто невиданное слияние всех наций в единую "советскую нацию". Как во многом те старцы видели только то, что желали, они как будто и поверили в миф "единого советского народа". (И даже им удалось наслоить такое на массовое сознание, многие начинали верить тоже.)

Хотя в том направлении русских националистов, которые всё больше льнули к коммунистическому стержню, рассчитывая на его прочность, и создался свой миф о национальном благоперерождении брежневского режима, — этот самый режим не задрёмывал ударить по опасному врагу, впустить когти маркс-ленинской Идеологии, и в 1972 завотделом пропаганды ЦК опубликовал сигнально-грозную статью против пробуждения русского национализма и симпатий к религии. Эта статья надолго осталась идеологическим памятником брежневской эпохе.* — (Но почти неизвестна совсекретная докладная в Политбюро записка Андропова 28.3.81 — о "деятельности антисоветских элементов, прикрываемой идеями русизма": они, "прикрываясь демагогическими рассуждениями о защите русской истории и культуры, готовят подрыв коммунистической власти".) Нынешние вздохи заблудившихся патриотов, что "не надо было сокрушать коммунизм", так-де хорошо "скреплявший" Россию, — это постыдный упадок духа перед убийцами.

---

* *А.Н.Яковлев.* — "Литературная газета", 15.11.1972.

Заметим и то, что хотя брежневский режим в своём насильственном и напористом упразднении тысяч "неперспективных" деревень руководился как будто лишь экономическими (на самом деле ложно понятыми) соображениями, — но, проводя, без шума и возглашения, эту акцию, самую разрушительную после сталинской коллективизации, покидая в одичание ещё не рушенные, драгоценные сельскохозяйственные угодья, покидая самую землю Средней России, брежневское политбюро разгромило и множество тех глубинных мест, где хранился народный быт, обычаи, психология, сработало на дальнейший подрыв русского народного самостояния. Если к этому добавить безмозглый и разрушительный проект "поворота северных рек", едва-едва остановленный Божьей волей — концом самой брежневской клики, — придётся признать более чем захвальным миф о том, что эти старцы медленно сдвигались в сторону "русского развития".

23. ОТВОРОТ *КУЛЬТУРНОГО КРУГА*

Но кто действительно возродился в какой-то мере при дряхлеющем брежневском режиме — это многонациональная российская интеллигенция, уже внутренне будто не советская и с богатой интеллектуальной жизнью, по невольности сосредоточенной лишь в частных устных беседах, самиздате да в публикациях за границей. Внимание этой кипучей среды коснулось многих современных вопросов, затем и исторического огляда — и в один из центров того внимания не мог не попасть русский национальный вопрос и получить свою новую трактовку.

За 20–30е годы — сколько тысяч новых советских интеллигентов были всем сердечным порывом привязаны к коммунизму, яро участвуя и в его аппарате, но особенно — в его пропаганде, ещё особенней — в писании книг, одурачивающих массовых песен, кинофильмов для народа, — и вдруг куда всё делось? Приверженности к коммунизму — вдруг не стало, как вовсе не было её (у других — смягчилась, затаённая), — перелом памяти? забывчивость? С конца 60х годов решительно писали в самиздате: "Не мы выбирали эту власть!" И с недоумением: а с тех пор какое-то "попёрло революционное быдло, 'стать всем'". Вдруг мы узнали, что единственный виновник революции — русский народ в целом, и никто больше: "русская идея есть главное содержание большевизма". "Русский народ — угнетатель и потому не имеет права на национализм", который есть "расистский руссианизм".

Как вскоре затем оказалось — это настроение совсем не было выражением узкой группы, оно с 70х годов широко разлилось по столичной интеллигенции, выражаясь в самиздате, а через уехавших на Запад эмигрантов — более всего в западном радиовещании на русском языке, размноженном по всему Союзу через миллионы радиоприёмников. Теперь была охотно перехвачена та версия о безнадёжной испорченности русского народа и самой русской истории, версия от меньшевиков и троцкистов, в 20е годы разочарованных поворотом революции: де замысел её был светел, но разве *с этим народом* совершишь что-нибудь достойное? Да "долгие века Россия страдала маниакально-депрессивным психозом". И даже "бесчисленные унылые песни" этого народа, "протяжные русские песни отражают начало душевного заболевания нации".

И в продолжение: в "этой стране" — "весь народ сливается в реакционную массу"; "ставка на народную правду — самообман"; в этой стране даже "христианские глубины практически всегда переплетаются с безднами нравственной низости". "Россией принесено в мир Зла больше, чем любой другой страной." И наряду с замечаниями болезненно меткими (сегодняшняя "Россия отражается в стекле пивного ларька"), мы читали и слушали: "эта Русь" "переполнена скверною от покрышки до дна", "человеческий свинарник", "помойная яма", "это в а ш а страна, в а ш народ!"... Или порхание попутных насмешечек, вроде "страна Ива́нов и Емель", "исконное-посконное" и ещё, ещё в этом остроумном роде. Были суждения и покруче (особенно в зарубежных публикациях уже выехавших советских авторов: "России правда — мать порока", "православие есть готтентотская религия", "шелудивые жители" России), — приводить несчётные примеры сюда уже избыточно.

24. РАСПРЯ 80х ГОДОВ

Возглашённая Горбачёвым Гласность открыла упоительную возможность говорить, однако та же возможность опасно открылась и для голосов, не принадлежащих к признанному *культурному кругу*. Но ко громкоговорению всегда (это — и не только в России) стремятся лишь малые социально активные группы либо профессиональные голоса и перья. И о степени нездоровья (или здоровья) общества можно судить по тому, в какой мере эта активная, узкая прослойка оторвана (или не оторвана) от забот, болей, настроений народного массива. Нечего и говорить,

что больнее нашего нынешнего общества трудно вообразить.

Итак, от момента, когда советскому образованному классу была внезапно дарована свобода говорить всё, что угодно, — тотчас нашлись такие "демократы" и такие "патриоты", которые потеряли равновесие, потеряли самосдержки, одни только и сохраняющие свободу слова разумной. Быстро нараставший словесный экстремизм обеих сторон отвратил и отделил массы слушающих от громкоговорящих.

Патриоты (да многие давно уже припаянные расположением к вот утериваемой коммунистической власти) отнюдь не напряглись довершать падение тоталитарного режима, 70 лет удушавшего Россию. И не для разбора наших физических и моральных потерь, глубины нашего духовного ущерба за эти десятилетия, не для поиска надёжной нравственной основы к возрождению русского бытия и духа потратили они свои теперешние горячие усилия и речи. Но кинулись в незрячую крайность: за поражения России в XX веке искать виноватых не в нас самих, так дёшево клюнувших на ленинский призыв к грабежу и "штык в землю" вместо защиты Родины; и не в нашей же отнюдь не масонской династии и правящем слое, — но во всём происшедшем обвинить "сионизм", а кто и прямо "евреев", и даже с карикатурной подачей. И всплески с патриотической стороны почти только к этому и сводились. А тут вдобавок и возникшая "Память" (неведомого и как бы не провокационного происхождения), крохотная по силам, но накалённая по страсти, нажигала, вызвав грандиозный переполох — без преувеличения в целом мире года на два, и даже до грозной резолюции европейского парламента.

В свою очередь и *демократическая* сторона уда-

рилась в другую паническую крайность: любая русская патриотическая группировка в СССР клеймилась только как "черносотенная", "шовинистическая", "реакционная", "нацистская". Теперь к "русофилам" добавились и "руситы", да выплыли снова и "русопяты", не забыли хорошего словечка и за 60 лет; от расцвета большевизма. (При этом обронили и сущностные цели демократии, и непростой путь к ней от тоталитарного режима. И ошибочно переоценили своё уже якобы достигнутое авторитетное влияние на новую власть и ход реформ.)

А та же Гласность открыла и возможность свободной переклички и слияния голосов метрополии и недавней эмиграции. И оттуда тоже подбавились решительные голоса: "Россия всё там же, где была столетие назад, — во лжи."* "Разве редко приходится нам слышать... что русский народ имеет право на своё собственное, самобытное развитие?"; "русофилы сегодня... сила в стране, угроза которой недооценивается". В борьбе с этой опасностью "наиболее оптимальной выглядела бы консолидация [прогрессистов, демократов] с партийным аппаратом, КГБ и хозяйственным аппаратом"**.

Но и без этой неосуществлённой консолидации разгром "русофилов" продолжался и ширился: "Так называемое русское возрождение — фашиствующее течение." Даже писателей-"деревенщиков" прямо и неоднократно относили к "погромщикам", "фашистам" (и по "Свободе", и в печати); о настоянии Валентина Распутина на чистоте старинных русских исто-

---

* *А. Янов.* Русская идея и 2000-й год. N.Y., Liberty Publishing House, 1988, с. 216.

** *А. Каценелинбойген.* — "Время и мы", 1987, № 99, с. 108, 118, 124.

ков — "это имеет опасный запах". О призывах патриотов к укреплению семьи, нравственности, повышению деторождения и защите природы писалось в московском журнале: это "гремучая смесь"; и даже скорбь, как разрушительно пострадала Россия от коммунизма, — это "мазохистический экстаз, когда... рвут рубаху до пупа".* (Такая лавинная атака развёрнуто поддерживалась и статьями в американской прессе.)

А радиостанция "Свобода" в эти годы стала уже легальным как бы внутрисоветским радио. Она завела серию передач "Русская идея", где издевательски опошляла и русскую историю и русскую мысль, прямо требовала "мутации русского духа", сокрушала русские мозги в безнадёжность, а в других слушателях наращивала неприязнь к русским. "Не являются ли русские народом прошлого, которого уже нет?" Униженная и отчаявшаяся Русь могла слышать: "причина тоталитаризма — русский родовой соблазн" (11.12.89); "у русских всё всегда на костях да на крови, а добром русский народ не умеет" (27.10.89); "говорить о патриотизме русском в такой стране просто бессовестно, безнравственно" (12.1.88). (Все эти радиопередачи так назойливо и целеустремлённо повторялись, что, кроме *служебного задания* от кормящих источников, выражали и собственные пылкие чувства вещателей.)

В эти самые годы шли массовые убийства в Азербайджане, Закаспии, Киргизии, Таджикистане, Карабахе, Южной Осетии — все вне России и безо всякого участия русских. Но советская печать и американская радиостанция гремели только и именно против "рус-

* "Знамя", 1990, №1, с. 212–215.

ского расизма", против русского патриотизма, который "дурно пахнет".

Так несколько лет подряд происходила жестокая распря между разными ветвями общественности в СССР.

"Демократы" и "патриоты" полосовали друг друга бранью вместо того, чтоб объединиться против живучего, изворотливого коммунизма и комсомольства. И те и другие органически не были на то способны. Горе стране, где слова "патриот" или "демократ" считаются бранью... А за это время коммунистическая номенклатура успешно пересоставлялась в "номенклатуру демократическую", коммерческую и вместе со сметливыми, ещё вчера никому в стране не известными хапугами — овладевала постами, капиталами. И после удачно выигранного времени только и могла благодарно кивнуть противоборцам на две растеснённые обочины: "Спасибо за вашу Распрю!"

Эта распря не дала даже хрипнуть скромным, достойным голосам с обеих сторон, заботливым о нашем будущем во всём его сложном объёме. Обрублены были истинные проблемы. Между огненно накалёнными полюсами создалось мёртвое поле, в которое противопоказано, даже отвратительно вступить самым раздумчивым и плодоносным предположениям. Мазутная полоса этой распри осталась промазана и через сегодняшнюю нашу жизнь.

25. БОЛЕЗНИ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Среди наших высоких мыслителей XX века — С.Булгакова, В.Вернадского, А.Лосева, Н.Лосского, С.Франка, почти никто не разрабатывал особо рус-

скую национальную тему, только И. Ильин, П. Струве, Н. Бердяев. (Но не назовёшь успехом легковесный щегольской выверт последнего с Третьим Римом — Третьим Интернационалом: с тех пор узнали мы и Третий Райх, и Третий Мир, и Третью Эмиграцию, и Третий Путь, — и какую существенную мысль нащипать по этому хребту сопоставлений?) Во втором ряду можно назвать В. Розанова и Г. Федотова. Да мыслителей русских мы надолго и лишились: или насильственной высылкой их, или принудительным их молчанием.

И так разработка русской национальной проблемы ещё до революции досталась, в лучшем случае, государственным деятелям (и часто приобретала оттенок казённый), а то — политическим журналистам. Эти же были — весьма разного калибра, и публикации иных своей резкостью, топорностью, вплоть до брани, вызывали отталкивание и даже отвращение образованного общества. Создавалось впечатление (удобное для критиков), что русской национальной публицистике органически присущ низкий уровень.

Затем десятилетия коммунистических уничтожений, гнёта и подавления русского национального сознания, его проявившихся носителей — могли этот уровень только снизить. Когда в 60–70х годах уже совсем новое поколение стало пробуждаться от полувекового беспамятства под большевиками — это происходило мучительно, так сильно изменились бытийные условия, так глубок был перерыв традиции, и почти не достать было тех прежних, столь запретных книг. И объяснения, и решения молодым русским интеллигентам приходилось искать как бы заново. Одни (группа И. Огурцова, "Всероссийский Социал-Христи-

анский Союз Освобождения Народа") верно определили коммунизм как главный источник наших бед, создали подпольную организацию для его свержения, однако были быстро разгромлены, не только при безучастии, но как бы не одобрении общества. Других (группа В.Осипова, самиздатский журнал "Вече"), осознающих свою общественную слабость, потянуло прислониться для опоры и защиты к чему-то крепкому, уже реально существующему. Они поддались тому мифу о якобы начавшемся национальном перерождении коммунизма и восприняли его уже не как главного растлителя русского народа, а как спасителя: ведь он "создал великую державу", вот, может, он и совершает наше великое мессианское предназначение? Забыв или простив ему десятки миллионов жертв и всё ленинское противорусское остервенение, они вопрошали: "Разве русский патриотизм не совместим с марксистско-ленинским мировоззрением?", да напротив же: "патриотизм и коммунизм не могут существовать один без другого", "русский коммунизм — особый путь России", "ленинская национальная политика — это и есть русское решение национального вопроса"... — в таких чудовищных формулировках они возродили национал-большевизм *сменовеховцев*, не вспоминали, что при раннебольшевицком режиме полтора десятка лет даже и слова "русский" нельзя было произнести. Вдобавок уже и коллективизацию сочли желанным даром для русского крестьянства (это мы слышали и от А. Зиновьева).

Систематически подавляемое национальное чувство неизбежно прорывается в болезненных и резких крайностях, на оскорбление его — всегда можно ждать агрессивной реакции, вплоть и до шовинизма. Уже и в 70е годы в СССР прорвалось оно истолкованием всего

происходящего в мировой и в российской истории — действиями масонов и евреев. С годов же "Перестройки", когда явно зазияла сокрушительность векового русского национального поражения, — тем отчаяннее стали искать в виновниках кого-нибудь, только не себя. И как раз на этот период, когда народ увидел себя обманутым, в падении, в ограблении, в нищете и всеми презираемым, — как раз и пришлось нажигание бранных кличек и обид со стороны освободившихся эфирно-газетных средств. Это ответно вызывало реакцию самую болезненную, как национальная надменность, заносчивость, дико не соответствующая нынешнему реальному жалкому состоянию нашего народа. В невиданном историческом падении, в нашем и без того отчаянном положении — мы ещё урезчали его безудержными, дуболомными, угрозными проявлениями.

Также и тут разгромленное русское сознание соблазнительно потянулось найти себе утерянную опору, вот — в соединении национализма и большевизма. И возникла дичайшая путаница — смешение "белых и красных", "примирение" их неизвестно на какой основе, создание "патриотического блока" с коммунистами, — а патриоты, не принявшие такого обличья, в выборах 1990 года и потерпели самое уничтожительное поражение. (Где ж, как не здесь, повторить о том несравненном бесстыдстве, с которым нынешняя КПРФ, даже и по названию не утёршаяся от прежнего коммунизма, объявляет себя "народно-патриотическим движением" и приверженицей православия? И *ни один* из их современных вождей не раскается, даже не помянет, как они этих патриотов и этих православных — топили, стреляли, выжигали. Бесстыдно ставят сегодня в кавычки "ужасы больше-

визма", да ведь то "было полвека назад — и быльём поросло"*. Нет, то космическое злодейство несмываемо с коммунизма.)

Одновременно у новых горе-теоретиков шли поиски, как русским спастись через "евразийство" или спастись от христианства через новоязычество: "может быть, здесь откроется новая истина для России?"

В этом смятении потонули, не повлияли немногие рассудительные патриотические голоса. А ведь именно эти голоса выражают здравую массу народа.

И на этот беспомощный провал русского национального сознания — ещё и сквозь 90е годы общего и без того сокрушения потянулась и потянулась всё та же мазутная полоса.

Ещё при Сталине было обнаружено, что термины "национал-социализм" и "гитлеризм" малоудобны для брани, — и уже тогда перехватили от итальянцев лепкое слово "фашизм". Его быстро перенял и блатной мир — и в лагерях лепил "фашистов" нам, политическим зэкам, в том числе и недавним фронтовикам. Так и с перестроечного времени — скорозабывчиво затеяли ляпать тот "фашизм" и на всю Россию, главную силу, спасшую мир от Гитлера. За спиной слабых, хотя громких кучек русских националистов — ожидали какой-то грозной миллионной силы? Зазвенели обвинения от радикал-демократической образованщины, затем от иностранных радиостанций — в наступающем, уже всё заливающем "русском

* "Советская Россия", 10.1.1998, с. 2.

фашизме", и замахали страшные крылья со страниц московских газет.

Тут живо отозвался вдумчивый российский Президент. В середине января 1995, тотчас за нашим позорным военным поражением в Грозном, сквозь кровь и стоны гибнущего там населения и самих воюющих — на борьбу с нарастающей грознейшей опасностью был созван в Москве Международный Антифашистский Форум. И в февральском послании к Федеральному Собранию Президент потребовал не прекращения кровопролития в Чечне, но прокуратуре и судам решительно защищать Россию от фашистской идеологии.

Какой не было в России никогда — и совсем не она России угрожает.

Клеймо "фашизма", как в своё время "классовый враг", "враг народа", — действует как успешный приём, чтобы сбить, заткнуть оппонента, навлечь на него репрессии. А припечатывать — по обстановке. Так и простая наша попытка защитить своё национальное существование от наплыва нетрудовой стаи из азиатских стран СНГ (какая европейская страна не озабочена подобным?) — ф а ш и з м! По многим нашим газетам так.

А казалось бы: если речь идёт об одичалой, фанатичной жестокости, готовой к насилию (определение, полностью применимое и к ранним большевикам), так и выговаривайте с точностью или придумайте новое слово, — но не оскорбляйте **тавром "фашизм"** тот народ, который разгромил Гитлера.

Если сопоставить, что в эти же годы, при махровом расцвете самых жёстких, непримиримых национализмов в Средней Азии, в Закавказьи, на Украине (со штурмовыми отрядами УНСО и даже легальном

слёте во Львове ветеранов гитлеровской дивизии СС "Галиция"), к ним не было применено клеймо "фашизма", — нельзя не увидеть во всей кампании безоглядного рефлекса: под усиленными заляпами "русским фашизмом" не дать ни в малой степени возродиться русскому сознанию.

Да, непримиримые формы в с я к о г о, без исключения всякого на Земле национализма есть болезнь. И больной национализм опасен, вреден прежде всего для своего же народа. Но не закрайней гневливой бранью, а совестящим вразумлением можно и нужно обращать его в национализм строительный, созидательный. Без которого ни один народ в истории не выстроил своего бытия.

БЫТЬ ЛИ НАМ, РУССКИМ?

26. ПАТРИОТИЗМ

Существует, вероятно, немало определений патриотизма. Я всё же предложу здесь своё, при моём возврате в Россию неоднократно повторенное на общественных встречах по многим областям и везде всегда принятое с пониманием: "Патриотизм — это цельное и настойчивое чувство любви к своей родине, с готовностью жертвовать ей, делить невзгоды, но со служением не угодливым, не поддержкою несправедливых притязаний, а откровенным в оценке её пороков, грехов и в раскаянии за них."

Патриотизм — чувство органическое, естественное, оно не требует никаких оправданий, обоснований, а всякие к нему приставки ("социал-патриотизм", левая и ленинская брань; "национал-патриотизм", нынешняя брань) суть либо непонимание, либо намеренная издёвка. Когда-то П. Вяземский приставил эпитет *квасной* патриотизм, очень полюбившийся российским либеральным кругам. А сказалось-то здесь его аристократическое высокомерие к бесхитростной, пропитанной бытом любви простонародья к своей стране.

Это — у нас модно: травить патриотизм едва ли не рядом с "фашизмом". А вот в Соединённых Штатах

патриотизм стоит высоко. Не только никто его не стыдится, но Америка дышит своим патриотизмом, гордится им — и разные народные группы сливаются в нём едино. В каждом американском школьном классе висит национальный флаг, и во многих школах произносят слова верности ему.

Патриотизм — достояние многих стран, в том числе всех европейских, патриотизм — начало, объединяющее народ и никак не отделяющее от человечества. Другое дело, что, как всякое человеческое чувство, он может подвергаться отклонениям, искажениям.

Да подобно же тому, как и сегодняшнее в мире понятие "свободы" — и даже особенно в сотрясённой всеми "шоками" России — взнесено до полного забвения *обязанностей* человека и до свободы от всякой ответственности. А между тем мы только до той грани человеческие существа, пока постоянно чувствуем на себе, над собою — наш долг.

И как не может сохраниться общество, где не усвоена ответственность гражданская, так не существовать и стране — особенно многонациональной, — где потеряна ответственность общегосударственная.

Страна многонациональная в трудные моменты своей истории должна иметь опору в поддержке и одушевлении в с е х своих граждан. К а ж д а я нация должна иметь убеждённость, что единая защита общих интересов государства — жизненно нужна также и ей.

Т а к о г о государственного патриотизма в сегодняшней России нет и в помине. Помимо усиленного поощрения патриотизмов отдельных автономий — здесь и общее влияние хаоса, и совершенно недостойное поведение государственных властей, которые мо-

рально низко уронили себя в глазах всего населения страны. Один офицер на встрече в Ярославле сказал: “Новая Россия не поставила себя как родину”.

27. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБМОРОК

Однако, и приняв понятие *гражданского патриотизма*, нельзя упустить патриотизма *национального*. В странах однонациональных тот и другой — едины суть. В странах многонациональных, как наша, национальный патриотизм есть составная и подкрепляющая часть общегражданского — и горе тому государству, где эти патриотизмы разошлись. К национальному патриотизму применимы те же характеристики, что приведены выше: готовность делить невзгоды, жертвовать, неугодливость служения. И так же естественно и неукоримо — сознание единства со своим народом.

Любовь к своему народу так же природна, как и любовь к своей семье. В этой любви никто не может быть укорён, но лишь уважен. Как бы ни был круговертен и разбросчив современный мир — но ведь свою *семью* мы силимся сохранить и мерим особою меркой, пронизанной внутренним пониманием. А нация — это тоже семья, только следующего уровня и объёма; и её тоже скрепляют неповторимые внутренние связи — общий язык, общая культурная традиция, воспоминание об общей истории и задачи её на будущее. И почему же самосохранение нации греховно?

Тут многие меньшие и малые нации нашей страны — ныне патриотизмом своим несомненно, явно превосходят русских. Их национальное чувство — стойкое.

А наше? А наше — истоптано, изорвано в клочья. Короткое время войны с Германией русский патриотизм был разрешён, возвышен, прославлен — а затем, по использовании, задвинут и снова превращён в пугало.

Я говорю тут — о русском патриотизме чистом, любовном, строительном; не о крайнем националистическом переклоне ("только наша порода!", "только наша вера!"), не о взнесении своей национальности выше мыслимых духовных вершин, выше нашего смирения перед Небом. И разумеется, не назовём "русским патриотизмом" тот, который заключает малодушный союз со своими уничтожителями-коммунистами.

Не напрямую, не Указом запрещён русский патриотизм — но близко около этого, *почти*. Немалые силы — и внутри страны, и вне её — направлены к тому, чтобы нас, русских, обезличить.

А мы? А мы — и поддались. Под лавиной нашего поражения в XX веке — опала наша воля защитить свой облик, свою особость, духовную органичность. Мы в упадке нашем много-много виноваты сами.

Вспомним Гоголя: "Велико незнание России посреди России." И вспомним Ивана Аксакова (речь о Пушкине): "Не в том ли вся сумма наших бед и зол, что так слабо в нас во всех, и в аристократах, и в демократах, русское историческое сознание, так мертвенно историческое чувство!"

Тяжче всего — отсутствие у нынешних русских людей слабого и отроду сознания своего единства. Сегодня, когда и большинство народов России в бедствии, — многие из них крепятся своею объединённостью и усилиями местного устройства. А русский народ — в наихудшем положении, ибо в цепи наших по-

терь мы утеряли связующую, спасительную сцепку друг с другом, а с ней — и сознание своего *места* в стране.

Наше национальное сознание впало в летаргию. Мы еле-еле живы: между глухим беспамятством позади и грозно маячащим исчезновением впереди.

Мы — в национальном обмороке.

Когда во всём мире растут настойчивые национализмы — обморок нашего национального сознания отнимает у нас и жизненную силу, и даже инстинкт самосохранения.

С горькой горечью опасаюсь, что после всего пережитого и при ныне переживаемом — участь уклона, упадка, слабения всё более угрожает народу русскому.

Причины или силовые поля, направляющие нас к этому упадку, — они сплетаются в удавку на наших глазах, вчера и сегодня, но и тянутся из нашего далёкого прошлого.

28. ПРАВО НА КОРНИ

У русских — своя выстраданная культура. Не будем отмерять ей всю тысячу лет — но уж верных шестьсот, от расцвета православной культуры в Московской Руси. Затем она испытала жестокую ломку с Петра I, её насильственно втискивали в чужие формы и заставляли развиваться в них. (То, что в геологии называется *псевдоморфоз* — кристаллизация в несвойственных формах.) Но в фольклорном слое, а от пушкинского времени и в слоях высших — мы многое своё отстояли. И православие сквозь века питало наше духовное своеобычие.

В советское время разрушительно действовал не только коммунистический пресс, но искусственное вытворение *советской культуры* — взамен и в эрзац русской. (А более всего пострадал, грубо упростился наш язык. Сегодня в русском народе и даже в оставшемся тонком культурном слое его до поразительного предела утеряно ощущение и понимание *собственного языка.* За употребление сочных и объёмных русских слов из живого словарного запаса XIX века я получал упрёки в "новаторстве", в "экспериментаторстве" не просто от рядовых читателей, но от русских критиков, и даже деревенского происхождения: они уже *не узнают* народных слов! Недавно опубликовал я в массовой газете сотню нерасхожих русских пословиц — потекли письма с жалобами, что пословиц этих *не понимают*, например, *"Выше ветру голову не носи"* — как это понять? да самым поучительным для нас образом: не заносись, не гордись не по силам, — урок и нашим неистовым националистам.)

А в последнее десятилетие русская культура ещё по-новому искажена тлетворным облучением её — через общественные образцы, через каналы информации и через образование, застигнутое в самый момент очищения от идеологии коммунизма, в момент пересоздания. Разложение школьного образования особо губительно: для русских подростков, да и юности постарше, — перестаёт существовать Россия как духовная сущность и как историческое явление. Но без объединяющего национального чувства мы, русские, — особенно при разбросанности наших пространств — рассосёмся, как безликий этнический материал, как аморфная масса.

Нам возразят, что это *опасно* — преувеличивать значение наций, национальной принадлежности.

Преувеличивать — мы никак не намерены, ибо твёрдо ощущаем выше неё — мерку Неба. Мало того: мы полагаем, что и преувеличивать значение личности до выросшего ныне культа "прав человека" — не менее губительно для исторического развития: и над личностью тоже высятся инстанции духовные. Однако этот культ, доходящий уже до назойливости, не вызывает ничьего упрёка.

Или выразимся так: "Будем как все народы!.. и в том отношении, чтобы мы, подобно им, не стыдились нашего происхождения, и будем, как они, дорожить нашим языком и нашим достоинством." Фыркнут: "каким это ещё 'нашим достоинством'?" — Напрасно, это — разумнейшие слова предшественника российского сионизма Переца Смоленскина*, мы солидарны с ними. Или, несколько позже, сказал другой предшественник, Ахад Гаам: прежде всего "надо позаботиться о 'возрождении сердец', об умственном и нравственном усовершенствовании народа".** Истинно так.

А ныне Россия преломлена не только духовно, она подорвана и телесно. Ещё в начале XX века мы были в мире вторым по численности государством. Но весь XX век шло множественное уничтожение русских: в японскую и в Первую Мировую войну; и от коммунистического геноцида; и от непосильных жертв в советско-германской; и от нынешнего голодного вымаривания по миллиону в год. А в ходе этого вымаривания, становясь всё разреженнее и в упадке духа, мы тем меньше имеем шансов возродиться.

* Еврейская Энциклопедия. Т. 14. СПб., Издание Общества для Научных Еврейских Изданий и Издательства Брокгауз-Ефрон, с.404.

** Там же. Т.3, с.480.

Мы стряхнули с себя коммунизм, но это позднее освобождение обошлось нам ещё новыми утратами — так что заколебалось и наше будущее. Не закроем глаз на глубину нашего национального крушения, которое не остановилось и сегодня. Мы — в предпоследней потере духовных традиций, корней и органичности нашего бытия. Наши духовные силы подорваны ниже всех ожиданий.

Но не будем смиряться с упокойными песнями, что-де, значит, миновал период нашей "пассионарности" и от нас уже нечего ждать. Не будем и уповать, что прикатит какое-то Чудо и "само собой" нас спасёт. Все мы — и есть Россия. Мы её — такою сделали, нам её — и вытягивать. Чтобы XXI век не стал последним столетием для русских — мы должны найти в себе силы и умение сопротивляться распаду уже сейчас, и чем напорней разрушают нашу жизнь — тем напорней бы и сопротивляться.

Однако: позволит ли это нам наш национальный характер?..

29. ХАРАКТЕР РУССКОГО НАРОДА В ПРОШЛОМ

Допустимы ли какие бы то ни было суждения о нации в целом? Да ведь мы с лёгкостью высказываем суждения о человечестве в целом, о "женщинах вообще", о "молодёжи вообще", о крестьянах, о горожанах, — и хотя всякий раз нам справедливо возразят, что есть *разные*, — но мы же и понимаем, что всюду разнообразие, и всякое обобщающее суждение не полноохватно, его надо высказывать с осторожностью, — однако оно имеет весомый смысл. Никак не сплошь по каждой личности, но народные характе-

ры существуют несомненно. Они создаются наслоением опыта народной истории, традиций, обычаев, мировосприятия.

В современном этнологическом словаре прочтём, что национальный характер — это совокупность специфических психологических черт, которые проявляются в способе поведения, в образе мыслей, в складе ума. (Разумеется, средь них есть и общечеловеческие черты, а иные особенные черты встречаются и у других наций.)

И как судьба человека во многом определяется его характером, его личностью — так и судьба народа.

Явное отличие всей атмосферы жизни в России и русского характера от западного неоднократно отмечено в наблюдениях приезжавших иностранцев, участивших в XVII–XIX веках. Россия оказалась — и Западу долго "этого допустить было невозможно" — "целый *мир, единый* по своему началу", "живущий своей собственной органической самобытной жизнью" (Ф.Тютчев).

Откуда же возникла столь резкая разница? Только ли от более восточных меридианов? от соседства с агрессивно кочевыми народами? от обширности наших просторов, от наших лесов и степей? В объяснение особенностей русского характера выдвинуто и такое. Что в отличие от многих этносов, живших замкнутой кровнородственной общиной, — у наших славянских предков (кроме полян) община была территориальной. (Славянские племена и назывались по местам обитания, а не по имени предка, как, например, у германцев.) В ней всякий посторонний, кто поселялся, и даже бывший раб, не считался чужим, мог включиться в общину и жениться тут. Не было закрытости

рода-племени, лишь единство "родной земли". Отсюда — всеоткрытость русского характера, лёгкая ассимиляция других народов. (Для дальнейшего отметим ещё важное отличие: главный признак славянской системы был препоручение власти снизу вверх, "славянские племенные союзы IX в. ... были государства, построенные снизу вверх".)*

Позже очень, очень многие черты русского характера определились православием. "Все народные начала, которыми мы восхищаемся, почти сплошь выросли из православия" (Достоевский). Не меридианы, нет: ведь это же самое православие отделило нас от мусульманского и буддийского Востока. (Сказалось, конечно, и обратное влияние: восточнославянского характера на формы усвоенного православия; тут — отличие от греков.)

Говоря о прошлых веках, мы, разумеется, имеем в виду более всего характер крестьянский, то есть подавляющей тогда части народа. Да вот, наглядное:

— доверчивое смирение с судьбой; любимые русские святые — смиренно-кроткие молитвенники (не спутаем смирение по убежденью — и безволие); русские всегда одобряли смирных, смиренных, юродивых;

— сострадательность; готовность помогать другим, делясь своим насущным;

— "способность к самоотвержению и самопожертвованию" Тютчев тоже объяснял православными истоками;

— готовность к самоосуждению, раскаянию — и публичному; даже преувеличение своих слабостей и ошибок;

* *А.Г.Кузьмин.* — В сб.: Русский народ..., с.28–30, 35.

— вообще вера как главная опора характера; роль молитвы; "Русский человек не способен обходиться без сердечного общения с Богом" (Л.Тихомиров);

Отсюда и пословицы (жизненные правила! законы поведения), подобные таким:

Бедность — не порок.
Покорись беде — и беда покорится.
Больше горя — ближе к Богу.
Терпение лучше спасения.

И немало подобных, можно выписывать страницами. (Западному уму трудно принять такую линию поведения.) А ступая в продолжение этого мирочувствия:

— лёгкость умирания; эпическое спокойствие в приятии смерти (Л.Толстой, да у многих русских авторов);

— наконец: непогоня за внешним жизненным успехом; непогоня за богатством, довольство умеренным достатком. Пословицы вроде:

Кто малым не доволен,
тот большого не достоин.
Шире себя жить — не добра нажить.

Но если цель жизни — не материальный успех, то — в чём она? В сегодняшнем заблудшем человечестве мы не слышим вразумительного ответа на этот неуклонимый вопрос, цель — затуманилась, люди всё более живут *лишь бы жить*, а где и: лишь бы существовать.

Не случайно у нас родилось, кроме "истины", ещё отдельное (и почти непереводимое) слово "правда": тут — и истина, тут — и личная нравственность, тут — и общественная справедливость. Нет, далеко не пра-

ведность жизни, но широко разлитая *жажда праведности.*

А само собою, и не в связи с христианской верой, не раз выпукло проявлялись в русском характере и черты прирождённые, отродные (не охватить и не процитировать всего, кем-либо наблюдённого, отмеченного):

— открытость, прямодушие;

— естественная непринуждённость, простота в поведении (и вплоть до изрядной простоватости);

— несуетность;

— юмор, в большой доле; многогранно и выразительно сверкают им русские пословицы;

— великодушие; "русские — люди непрочной ненависти, не умеют долго ненавидеть" (Достоевский);

— уживчивость; лёгкость человеческих отношений; "чужие в минутную встречу могут почувствовать себя близкими" (Г.Федотов);

— отзывчивость, способность всё "понять";

— размах способностей, в самом широком диапазоне; "широкий, всеоткрытый ум" (Достоевский);

— широта характера, размах решений:

Чем с плачем жить, так с песнями умереть.

Не согласен я со множественным утверждением, что русскому характеру отличительно свойственен максимализм и экстремизм. Как раз напротив: подавляющее большинство хочет только малого, скромного.

Однако — всякий характер на Земле противоречив, даже может совмещать полные противоположности, тем более — у разных лиц; так не удивимся в дальнейшем перечне свойств как бы противоречию сказанному.

Известный наш педагог С.А.Рачинский указывал, что один и тот же носимый в душе нравственный идеал — "в натурах сильных выражается безграничной простотой и скромностью в совершении всякого подвига", а "в натурах слабых влечёт за собой преувеличенное сознание собственного бессилия". А Чехов отметил так ("На пути"): "Природа вложила в русского человека необыкновенную способность веровать, испытующий ум и дар мыслительства, но всё это разбивается в прах о беспечность, лень и мечтательное легкомыслие." Какие знакомые нам, сколько раз виденные черты... Нечёткие, нетвёрдые контуры характера — да, это у нас есть.

Последний французский посол в дореволюционной России, долго в ней живший Морис Палеолог, оставил нам тоже немало метких наблюдений. Воображение русских не рисует отчётливых очертаний, вместо понимания реальности — грёзы. Русские много думают, но не умеют предвидеть, бывают застигнуты врасплох последствиями своих поступков. Утешение "ничего" как черта национального характера, способ умалить цель, признать тщету всякого начинания — самооправдание, извиняющее отказ от стойкого проведения своих намерений. Быстрая покорность судьбе, готовность склониться перед неудачей.

В.Ключевский: "Мы работаем не тяжем, а рывом", — хотя рыв часто могучий. "Труд русского человека лишён упругого равномерного напряжения; нет методичности и размеренности" (С.С.Маслов, общественный деятель, XX век). Равномерной методичности, настойчивости, внутренней дисциплины — болезненнее всего не хватает русскому характеру, это, может быть, главный наш порок. (Уж не опускаемся здесь до расчеловечения — безоглядного распущенно-

го пьянства.) Мы часто не собраны всей нашей волей к действенному стержню. Да и самой-то воли порой не хватает.

Из названных качеств проистекло, однако, и

— всеизвестное (худо знаменитое) русское долготерпение, поддержанное телесной и духовной выносливостью. (Отметим: терпение это веками держалось даже больше на смирении, чем на страхе перед властвующими.)

Веками у русских не развивалось правосознание, столь свойственное западному человеку. К законам было всегда отношение недоверчивое, ироническое: де разве возможно установить заранее закон, предусматривающий все частные случаи? ведь они все непохожи друг на друга. Тут — и явная подкупность многих, кто вершит закон. Но вместо правосознания в нашем народе всегда жила и ещё сегодня не умерла — тяга к живой справедливости, выраженная, например, пословицей: *Хоть бы все законы пропали, лишь бы люди правдой жили.*

Сюда примыкает и вековое отчуждение нашего народа от политики и от общественной деятельности. Как отметил Чаадаев, по русским летописям прослеживается "глубокое воздействие власти... и почти никогда не встретишь проявлений общественной воли". Как трава нагибается от сильного ветра, а потом распрямляется без вреда для себя — так народ, если удавалось, переживал, пережидал эти "глубокие воздействия власти", не меняя веры и убеждений. "Русский дух больше вдохновлялся идеей правды Божьей на Земле, нежели — получить внешнюю свободу" (С.Левицкий, философ, XX век). Тем более — не стремился к власти: русский человек сторонился власти и презирал её как источник неизбежной нечистоты, со-

блазнов и грехов. В противоречие тому — жаждал сильных и праведных действий правителя, ждал чуда. (В наш удельный период многократно видим, как масса зависит от князя, вся направляется им, куда он повернёт, на войну так на войну.)

Отсюда проистекла наша нынешняя губительно малая способность к объединению сил, к самоорганизации, что более всего вредит нам сегодня. "Русские не способны делать дела через самозарождённую организованность. Мы из тех народов, которым нужен непременно вожак. При удачном вожаке русские могут быть очень сильны... Трудно служить России в одиночку, а скопом мы не умеем" (В.В.Шульгин).

И на то есть пословица: *Сноп без перевясла — солома.*

Так создаётся беспомощность и покорность судьбе, превосходящая все границы, — вызывающая изумление и презрение всего мира. Не разобравшись в сложной духовной структуре, — из чего это проистекло, как жило, живёт и к чему ещё нас выведет, — бранят нас извечными рабами, это сегодня модно, повсемирно.

30. ЭВОЛЮЦИЯ НАШЕГО ХАРАКТЕРА

Разумеется, национальный характер не остаётся вечно постоянным. С течением веков, а когда и десятилетий, он меняется в зависимости от окружающей среды и питающего душу ландшафта, от происходящих с народом событий, от духа эпохи, особенно резкой в изломах. Менялся и русский характер.

Наша Смута XVII века хотя и рассвободила к разбойным и жестоким действиям какую-то динамичную

прослойку народа, особенно казачество, но не раскачала народных нравственных основ, сохранившихся здоровыми.

Много глубже и неотвратимей сказался религиозный Раскол XVII века. Расколом была произведена та роковая трещина, куда стала потом садить дубина Петра, измолачивая наши нравы и уставы без разбору. С тех пор долго, устойчиво исконный русский характер сохранялся в обособленной среде старообрядцев — и их вы не упрекнёте ни в распущенности, ни в разврате, ни в лени, ни в неумении вести промышленное, земледельческое или купеческое дело, ни в неграмотности, ни, тем более, в равнодушии к духовным вопросам. А то, что третий век мы наблюдаем как "русский характер", — это уже результат искажения его жестоко бездумным Расколом, от Никона и Алексея Михайловича, затем от жестоко предприимчивого Петра и костеневших его наследников.

Как эти наследники, петербургская династия, во многом бесцельно изматывали народные силы — я уже разбирал в другой статье ("Русский вопрос к концу XX века", 1994). И горько общеизвестно, как династия и дворянство по меньшей мере на столетие эгоистически затянули крепостное состояние большой доли русского крестьянства, вот тем самым смирением его и пользуясь.

А когда, после этой вековой затяжки, освободительную реформу возвестили — она была робка, не дала крестьянам довольно земли, да и ту с оплатой, хоть и растянутой, была недальновидна и незаботлива в том, как облегчить крестьянству и экономически, и общественно, и нравственно это огромное переходное сотрясение. Оно и не замедлило сказаться на метаниях народного характера, не могшего легко

вжиться в новую систему отношений, тот ошеломительный "удар рублём" (Глеб Успенский). Какие-то слои народа — о, ещё далеко не все — были затронуты разломом быта, нравственной порчей, вспышками озорства и растущим размахом пьянства. Этот развал отражён у многих наших писателей и кроме Успенского. В 1891 К.Леонтьев писал: "Народ наш пьян, лжив, нечестен и успел уже привыкнуть, в течение 30 лет, к ненужному своеволию и вредным претензиям." И предсказывал: если так пойдёт и дальше — русский народ "через какие-нибудь полвека... из 'народа-богоносца' станет мало-помалу, и сам того не замечая, 'народом-богоборцем'". Предсказание его исполнилось опередительно...

Картину народного пьянства начала XX века мы находим в "Нашем преступлении" Ивана Родионова. Читаешь — кажется: бескрайней и мрачней не может быть падения нравов — а ведь ещё главный разлив впереди весь... Там же встречаем (1910) и: "Господ бы всех передушить, а землю и добро разделить", "бить всех господ!". (Там же — и расслабленность суда, последствие ещё одной александровской реформы.)

Генерал Деникин, имевший долголетний опыт с русскими солдатами, свидетельствовал: "Религиозность пошатнулась к началу XX века. Народ терял облик христианский, попадал под утробные материальные интересы и в них начинал видеть смысл жизни." (Это отмечают многие.) И он же: "Тёмный народ не понимал задачу национальной, государственной самозащиты", — то, что при отступлении 1915 года звучало: "до нас, саратовских, немец не дойдёт".

В 1905 новонаросшая озлобленность сказалась в поджогах и разгромах помещичьих имений, но сама попытка революции 1905 и её революционно-уголов-

ный слив 1906, твёрдо пресеченный Столыпиным, не задели глубины народных масс и не добавили крутой ломки народного характера.

Даже и в 1917 американский Сенат ("Овермэнская комиссия") слышит от протестантского пастора Саймонса, пожившего среди русских несколько последних лет: "Я нигде не встречал лучшего типа женщин или мужчин, чем в русских деревнях и даже в среде рабочих. И я всегда чувствовал себя среди них в полной безопасности до тех пор, пока не пришли к власти эти большевики."*

Внезапные опасные переходы русского характера отмечались многими. Ещё елизаветинский канцлер А.П.Бестужев-Рюмин писал: "Русский народ по первому толчку в состоянии что-нибудь предпринять, но потом, когда эта минута пройдёт, переходит к совершенному послушанию." Тот же М.Палеолог, перед самой революцией, заключал: "Слишком легко инстинкт со вспышками берёт у них верх над ровным светом разума, они с лёгкостью отдаются стихии. Эти толчки во внезапное разнуздание инстинктов меняют русский характер до неузнаваемости." Весьма утвердилось, — и в русской письменности, тут и усеченная, затасканная фраза из Пушкина,— представление о бескрайности и несравнимой ярости русских бунтовских взрывов. Может быть, это — и по резкому контрасту перехода от беспредельного русского терпения. Однако действия вообще всяких революционных толп, так тонко и разносторонне проанализированные известным психологом Густавом Ле Боном, дают общие характеристики, вовсе не зависящие от национальности толпы, от расы, от темперамента. И разрушитель-

* Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. М.—Л., ГИЗ, 1927, с.18.

ность, и ярость проявлений — в Российскую революцию нисколько не ярей и не жесточе, чем во Французскую революцию или в испанскую гражданскую войну (1936–39). Иван Солоневич довольно справедливо возражает, что русские бунтарские выступления, в Смуту или в пугачёвщину, — были отнюдь не анархичны, не "бессмысленны", — "они шли под знаменем легитимной монархии", веря или обманывая себя, что идут устанавливать власть хорошего монарха.

Неприглядный разлив нашей стихии, необузданность народного своеволия сказались больше с Февраля 1917. Напротив, Октябрьский переворот — и в Петрограде, и при московских боях, прошёл при народном безучастии, с обеих сторон действовали лишь малые группы. Апатия эта не намного лучше необузданного взрыва.

А большевики-то быстро взяли русский характер в железо и направили работать на себя. В советские годы иронически сбылось пожелание Леонтьева, что русский народ "не надо лишать тех внешних ограничений и уз, которые так долго утверждали и воспитывали в нём смирение и покорность... Он должен быть сызнова и мудро стеснён в своей свободе; удержан свыше на скользком пути эгалитарного своеволия". Сбылось — и с превышением многократным.

Селективным *противоотбором*, избирательным уничтожением всего яркого, отметного, что выше уровнем, — большевики планомерно меняли русский характер, издёргали его, искрутили. Об истаянии народной нравственности под большевицким гнётом я достаточно написал и в "Архипелаге" (Часть IV, гл. 3), и во многих статьях. Повторю здесь кратко-перечислительно. Под разлитым по стране парализующим страхом (и отнюдь не только перед арестом, но перед

любым действием начальства при всеобщем бесправном ничтожестве, до невозможности уйти от произвола сменою местожительства), при густой пронизанности населения стукаческой сетью, — в народ внедрялась, вживалась скрытность, недоверчивость — до той степени, что всякое открытое поведение выглядело как провокация. Сколько отречений от ближайших родственников! от попавших под секиру друзей! глухое, круговое равнодушие к людским гибелям рядом, — всеугнётное поле предательства. Неизбежность лгать, лгать и притворяться, если хочешь существовать. А взамен всего отмирающего доброго — утверждалась неблагодарность, жестокость, всепробивность до крайнего нахальства. Как сказал Борис Лавренёв (ещё в 20е годы, после гражданской войны): "Большевики перекипятили русскую кровь на огне." Было, было — и это ли не изменение, не полный пережог народного характера?!

Советский режим способствовал подъёму и успеху худших личностей. Удивляться другому: что добрая основа ещё во стольких людях сохранилась. И удивиться, что наш народ ещё не был необратимо подорван, иначе откуда взялись бы титанические силы на советско-германскую войну?

Вот советско-германская война и наши несбережённые в ней, несчитанные потери, — они, вослед внутренним уничтожениям, надолго подорвали богатырство русского народа — может быть, на столетие вперёд. Отгоним от себя мысль, что — и навсегда.

Прозябание народа под Хрущёвым и Брежневым не отмечено гигантскими изломами, которые бы меняли народный характер. Наступила та, пророченная Леонтьевым, дремливая и как будто даже уютная покорность. Соками увядающего русского гиганта уси-

ленно подпитывались окраины, всё созревая к рывку отделения, — а мы уж рады были, что не гонят нас толпами на уничтожение.

А затем дёрнули нас двумя безразумными, никак не рассчитанными Большими Скачками — Горбачёва и Ельцина. Не успев оглядеться, встроиться в перемены, ни подготовить себя и детей, ни сберечь последнего утлого имущества, мы прыгнули — нас бросили — не в "Рынок", нет! но — в Рыночную Идеологию (без рынка): "человек человеку волк" и "умри ты сегодня, а я завтра". Этот рублёво-долларовый удар — и по самой жизни, и ещё больше по психологии — оказался куда многопоследственней того "рублёвого" удара александровского времени. (И при всей нашей "перекипяченной на огне" крови — мы явили ещё новый всемирный рекорд терпения: жить покорнейше и без зарплат. Вот, можем рубить подземный военный кабель, чтобы торгануть куском цветного металла.)

Страшнее массовой нищеты — от гай-чубайской "реформы" настигло наш народ ещё новое духовное разложение. А самые смирные, трудолюбивые, доверчивые — оказались самыми не подготовленными к этому мощному дыханию Распада. И остаточному, ещё не вовсе погубленному народному характеру — чем загородиться от этого Распада? Какими остатками великодушия? живого сочувствия к чужой беде (когда и сам там)? готовности идти на помощь (когда и самому худо за край)? А главное, главное — как от этого разлагающего, наглого, всепобедительного тлетворства защитить детей?

Давние черты русского характера — какие добрые потеряны, а какие уязвимые развились — они и сделали нас беззащитными в испытаниях XX века.

И наша когдатошняя всеоткрытость — не она ли

обернулась и лёгкой сдачей под чужое влияние, духовной бесхребетностью? Не она ли обнажилась и во внутренней неслитности, расчуждённости средь нас самих? так горько сказалась недавно на отталкивании наших беженцев из республик. Поражает это бесчувствие русских к русским! Редко в каком народе настолько отсутствует национальная спайка и взаимовыручка, как отсутствует у нас. Может быть — это только нынешний распад? или свойство, врезанное в нас советскими десятилетиями? Ведь были ж у нас веками дружнейшие братские артели, была живая общинная жизнь, может быть, это восстановимо?

Между тем нам мало только лишь восстановить народное здоровье. По высокой требовательности наступающего электронно-информационного века нам — чтобы что-то значить среди других народов — надо суметь перестроить характер свой к ожидаемой высокой интенсивности XXI столетия. А мы за всю свою историю — ой не привыкли к интенсивности.

Русский характер сегодня — весь закачался, на перевесе. И куда склонится?

31. ДА БЫТЬ ЛИ НАМ РУССКИМИ?

Кажется, изложение уже давно требует уточнить: кого мы понимаем под словом “русские”. До революции слово это употреблялось как соединённое название трёх восточно-славянских народов (великороссов, малороссов и белорусов). После революции — взамен упразднённых великороссов. (Отупение в собственном языке уже давно увело нас от выразительных слов “руссы”, “русичи”, а именование “великороссы” нам теперь и не по шапке.) По содержанию же мы пони-

маем под этим словом не непременно этнически русских, но тех, кто искренно и цельно привержен по духу, направлению своей привязанности, преданности — к русскому народу, его истории, культуре, традициям.

В конце 1919, в предгибельном отступлении Добровольческой Армии, генерал Пётр Врангель воззвал к ней: "С нами тот, кто сердцем русский." Точнее не скажешь. Национальность не непременно в крови, а в сердечных привязанностях и духовном направлении личности. Это особенно влиятельно сказалось на составе народа русского: веками быв в государстве народом *объемлющим*, он становился также и *творимой нацией*: многие из тех иноплеменников, кто состоял на российской государственной службе или жизненно, надолго окунался в русскую культуру и быт, — становились подлинно русскими по душе.

Впрочем: ещё отпустят ли нам право называться "русскими". В сегодняшних эфирно-газетных средствах — никогда не встретим истолкование событий, понимание перспектив — с собственно русской точки зрения. Мы дожили до того, что словоупотребление "русский" как бы — под моральным запретом, оно уже кажется дерзким вызовом: а что мы хотим этим "выразить"? от кого "отгородиться"? а как же, мол, остальные нации? Но остальные нации держатся за свои наименования увереннее нас. Сегодня — и особенно официально — пытаются внедрять термин "россияне". Смысловая клетка для такого слова есть, да, как соответствующая необходимому прилагательному "российский". Однако слова этого не услышишь ни в каком простом, естественном разговоре, оно оказалось безжизненно. Ни один

не-русский гражданин России на вопрос "кто ты?" не назовёт себя "россиянином", а с определённостью: я — татарин, я — калмык, я — чуваш, либо "я — русский", если душой верно чувствует себя таковым. И в остатке — расплывчатое "россияне" достаётся нам в удел разве что для официальных холодных обращений да взамен полного наименования гражданства. Но никогда нам не определиться и не понять самих себя, если примем негласный запрет называть себя "русскими".

Помимо общечеловеческих ценностей существуют — как их составная часть — ценности национально-культурные, и в них нельзя отказать ни одной нации.

Этот раздел начат вопросом: "Быть ли нам, русским?" Такой вопрос подавляется уже 80 лет: то он "мешает интернациональному воспитанию", то "препятствует проведению демократических реформ". А вопрос грозно высится: существовать ли русским и далее на Земле? Близкая новая перепись, 1999, уже несомненно покажет резкое падение нашей численности. Главное — от прямого вымирания и упадка рождений. И разве возьмётся российское государство поддержать русскую демографию? на это нужно и заботливое сердце, и большие средства, — да уж теперь на десятилетия. (Статистическое падение численности усилится и тем, что не-русские, кто прежде записывались "русскими", теперь возвратятся в свою национальность; да немало и русских, владеющих местными языками, выбудут из русских.)

Однако, беспощадный указатель, вопрос поворачивается стрелкой и так: **Быть ли нам русскими?** Если и выживем телесно, то сохраним ли нашу русскость, всю совокупность нашей веры, души, характе-

ра, — наш континент во всемирной культурной структуре? Сохранимся ли мы в духе, в языке, в сознании своей исторической традиции?

Перед сохранением русских как единого народа ныне выросло много препятственных условий. И первое средь них: судьба нашего юношества. Будет ли наша *школа* — средоточием русской культуры? Обеспечит ли она её преемственность, живость исторической памяти и самоуважение народа?

Едва отделились республики СНГ — они тотчас перестроили школы свои на сугубо национальный лад. Теперь и российские автономии деятельно устраивают свои национальные школы. Также — и некоторые нации в России, не имеющие своей автономной территории. (В одной Москве уже много таких школ: есть еврейские, армянские, грузинские, татарские, литовская и др.) Однако к русским уже наперёд раздаются осадительные окрики: не *шовинизмом* ли диктуются "задачи 'глубокого освоения ребёнком неискажённого русского языка, русской истории и русской гуманитарно-философской культуры'"?*

Между тем Ушинский ещё в 1857 детально разработал концепцию национального образования ("народного", говорил он вослед Пушкину): единая система воспитания для *всех* народов не возможна ни теоретически, ни практически; у каждого народа своя система.

Культура не может плодотворно развиваться вне национальных форм — разумеется, не в отгораживаю-

* "Общая газета", 22.1.1998, с. 15.

щих стенах, но во взаимодействии с другими мировыми культурами. Притом: органическая связь с корнями и традицией никак не должна отрывать учащихся от ориентации на интенсивную современность. (Не слишком уводить к хороводам и гуслярам.)

Требовательная современность (от которой мы всё отстаём и отстаём) диктует нам не просто задачу возрождения растерянных ценностей, но куда более сложную задачу построения новой России, ещё никогда не бывавшей. А значит, прежде всего через школьное воспитание, без которого не вырастет и новая интеллигенция.

Такую новизну являет собой, например, задача школьного преподавания отечественной истории. Дореволюционные гимназические учебники тоже ведь сильно лакировали века предшествующие, а на подступе к современным затаивались, не дойдя двух последних царствований. Что ж говорить о грубом корёженьи истории в учебниках советских. И теперь сумеем ли — и успеем ли через новый вихрь проектов безответственных и с искажениями *модификаций* — открыть юношеству нашу отечественную историю в полноте объёма и непредвзятой правды? Возможны хрестоматии не только по русской литературе, но и с отрывками исторических документов, но, для старших классов, и с обильными выдержками из русских мыслителей, и XX века также. Конечно, в программах такой школы не может не найти последовательного отражения роль православия в нашей истории и культуре. (Побывал я и в школах, где делаются подобные усилия, не имеющие никакой государственной поддержки, а лишь — инициативой учительского состава. В них поражает общая светлая атмосфера, исключительная взаимодоброжелательность учеников к уче-

никам и преподавателям — как если б эти островки не были обомкнуты нашей озлобленной эпохой.)

При нынешнем упадке нашем — никак не дать сейчас уверенного прогноза, что у нас хватит настояния создать столь необходимую школу. Однако если не создадим, если не выведем наших детей из опасностей бессвязного, тёмного сознания, пронизанного жгучими искрами языческой жестокости и наживной страсти любой ценой, — это и будет конец русского народа и русской истории.

А по пакту ООН родители имеют право дать своим детям и религиозное воспитание. И даже в сегодняшних зачатках в России мы уже наблюдаем возникшие там или здесь, очень редкие, через большие трудности, *православные гимназии* — с попытками построить и православный внутришкольный быт. По условиям нынешнего века, может быть, не столь действенно прямое преподавание вероучительных предметов, сколь общая охватывающая атмосфера преподавания всех предметов гуманитарного, эстетического и даже естественного циклов. (Да ведь едва ли не в каждом изучаемом в школе предмете может сквозить если не религиозный, то нравственный смысл изучаемого.)

Реально идущий сегодня в российском школьном образовании процесс направлен как раз обратно нашему спасению. Тут — и критический переходный излом по изживанию коммунистических учебников: они выходят как будто освежённые от прошлой идеологии, а нет: в разной мере — всё с тем же балластом её. Тут — при катастрофическом материальном упадке всей системы российского просвещения, при разрушенности сети распространения и недоступной дороговизне изданий — и беспомощная зависимость шко-

лы, учителей от дарителей любого рода, от любых бесплатных учебников. И вот — сомнительные богатейшие зарубежные фонды и международные псевдорелигиозные организации насылают в Россию свои *новации* — и этим Полем влияния наше образование застигнуто врасплох, как раз на труднейшем переходе. Многие российские (порой и зарубежные) авторы, часто и не педагоги, без личного опыта школьного преподавания, поспешно и даже опрометчиво включились в эти "культурные инициативы" — и уже написано немало новых учебников и пособий, которые с поразительной лёгкостью получают одобрительные визы от министерства образования, затем и тиражируются. В таких учебных "пособиях" внушается ученикам, например, что литература не должна восприниматься в воспитательном смысле, но лишь как развлечение вкуса, — прямо против русской традиции. Или подсекается в юных умах всякое уважение к отечественной истории и ценностям.

Это сбивающее влияние сказывается также и на методике самого преподавания, и на оценке приобретенных познаний. Вместо строгой системы знаний в традиции российского образования — предлагается поверхностная, клочная пестрота сведений, иногда головокружные обрывки информации — под лозунгом развития самостоятельного мышления ученика, где он призывается быть арбитром предложенного материала. Такой методикой юные неразвитые умы нередко побуждаются к невежеству самоуверенных оценок, капризной субъективности — ещё до знания систематических основ предмета. Соответственно и при проверке знаний не требуется связного, цельного изложения их, выявления процесса мысли, но — лишь результат: подчеркнуть "да? — нет?" или по-

ставить галочку у одного из предлагаемых вариантных ответов.

В такой разломной и засоренной обстановке — каково же рождаться новой русской школе?

Своим чередом и российское министерство образования практикует невзвешенные, скороспелые изменения в учебных программах. Уже прежде были сокращены часы по русскому языку, теперь существует проект и полной ликвидации отдельного курса русского языка, а влить его в курс литературы. Но это — окончательное добитие языкового курса?

В этом потоке "реформ" и "новаций" — каково приходится множеству ошеломлённых, угнетённых учителей? Вот записанные мною назидательные фразы учителей, заменяющие мерку нравственных целей или чистой жажды знаний. В районной школе на уроке "Истории Отечества": "Надо хорошо учиться, чтобы стать богатым." В запущенной сельской, этим несчастным детям, обречённым на скудный потолок знаний да и скудную жизнь, на уроке истории: "Может быть, и кто-нибудь из вас станет владельцем завода." "А ты, Ваня, хочешь быть президентом?.."

32. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ЭТО СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Такой повязанной пленницей была Церковь при большевиках, что освобождение могло нести, казалось, лишь одну радость. Первые шаги — так и виделись, неомрачённо светлыми. Но и для освобождённой Церкви — переход не мог оказаться прост, как и для всей России.

При том что семи десятилетиям неволи у безбожников предшествовало не лучшее для русской Церкви

столетие. Весь XIX век, за малыми исключениями, длился процесс окаменения форм её жизнедеятельности. Он сопровождался отпадением от веры и Церкви большой части образованного класса (по причинам также и *своего* развития). А с XIX на XX стала охладевать и отпадать уже и заметная часть простонародья — что́ и было одной из решающих подосно́в революционного взрыва в 1917. Наряду с подвигами святости в недрах Церкви — в приходской обыденности настаивалась духота, это ясно видели многие иерархи и преданные Церкви миряне ("Соборяне" Лескова). Неизбежно зрела реформа церковной жизни, и в начале XX века готовился для того Собор — но все эти начинания были остановлены волею монарха.

И как же встретила русская Церковь великую российскую Катастрофу Февраля 1917 — безумный государственный переворот, да во время великой войны? Синод обратился к народу с призывом признать ту хаотическую революционную власть "властью от Бога", проявился к ней даже не отрешённо-формально, но угодливо-приветственно, призвал на неё благословение Божье, и подписи поставили — да, и Сергий Страгородский, но и будущий Патриарх Тихон, но и епископ Антоний Храповицкий, — все три будущих церковных направления приложились к этому греховному источнику наших последующих бед. (И православной Церкви Зарубежья, гордящейся своею чистотой от большевизма, когда она посылала и посылает Церкви на родине гневные обвинения в непростимом "сергианстве", но ещё непростимее пошла на прямой подрыв Церкви в сегодняшних приходах, — следует этот тяжкий момент помнить.)

Затем наступило как будто самое обнадёжливое развитие — успешный, многомысленный церковный

Собор 1917, но он был оборван обстрелом Кремля из большевицких пушек. А дальше — и настигло нашу Церковь лютое гонение полувековой долготы, с уничтожением десятков тысяч священнослужителей (утопление целых семей в проруби, иссечение шашками на части, это всё теперь позабыто), предпримером чего было только античное гонение на христиан. И тысячи погибших проявили беззаветную преданность вере, сознательно выбирали гибель за Христа — но, увы, их жертвы, их личный героизм не могли защитить остальной православный народ, ни ту Церковь, которая начала еле дозволенное, робкое существование в шаткой и урезанной легальности от 1943 года, да и ещё раз попала под сумасбродные хрущёвские гонения.

И сегодня следует сочувственно помнить и понимать, из какого краха, из каких унижений, из какого повального разорения и ограбления встаёт наша Церковь, поныне без материальной опоры.

Да, конечно, многие хотели бы, и ждут, и справедливо, чтобы Православная Церковь укреплялась бы *совершенно самостоятельной*, авторитетною силою в стране — ибо всякие государственные подпорки только ослабляют Дух Церкви. Чтобы не участвовала она в демонстративно-телевизионном "воцерковлении" власти — столь недостойной и запутавшейся; но самоустановленным, уверенным голосом обличала бы слепость или поощрительность властных лиц к разбойным силам. Чтобы голос Церкви когда-то же твёрдо зазвучал в помощь нам и в защиту, в повседневном нашем барахтаньи.

Но и помня же, и помня безмерную физическую слабость сегодняшней нашей Церкви, прореженность, неукреплённость состава её служителей (на исправле-

ние чего потребуются годы и годы), уместно нам не упрёки слать сегодняшней Церкви, а — ужаснуться нашей собственной слабости и ничтожности, как *мы* допускаем всё происходящее, мы, сами верующие? Те, кто равнодушны к судьбе Отечества, — они ведь и бесполезны для вызволения его.

Сегодняшние трудности нашей Церкви — далеко не только материальные.

Один ряд сложностей — роль Церкви в обществе и в повседневной жизни людей. Законно отделяясь бы от государственной власти, Церковь не может разрешить себе отделиться от общества и его вопиющих нужд. Вот эта многовековая традиция внесоциальности православия — как горька при сегодняшнем гибельном состоянии русского народа и страны. Именно в такое разорённое время, как наше, люди нуждаются в чьей-то сильной духовной поддержке (и — чьей же?) во всех сложностях общественного их бытия. Сегодня уже есть отдельные священники, отдельные приходы, которые много делают вне стен своего храма, — но передастся ли это всей Церкви как сознательное стремление? Католичество ли, протестантство, ислам, — все они социально активны, и в этом естественно проявляется связь народа со своей религией. Православная Церковь должна занять достойное место в общественной жизни России (найти место и в армии), однако в достойной же мере не опускаясь до профанации обрядов (как освящение суетных угодий). И не входя в конфликт с другими традиционными в России религиями: значением своей роли и силой влияния не переходя ту грань, за которой могли бы возникать трещины в целости многоверной и многонациональной страны.

Другой ряд — внутренние проблемы Церкви. Не-

окрепшость восстанавливаемых духовных училищ, неспособных насытить по всей стране потребность в высоко образованных священниках. После опустошающих большевицких десятилетий и при нынешнем буйстве новоязыческого сознания — трудность поиска верного языка для проповеди и убеждения. Как именно строить обучение детей? и как просвещать пришедших в Церковь взрослых? Споры внутри Церкви о допустимости частичного перехода с церковнославянского языка богослужения на русский. Противоречия крыльев: настойчиво (иногда и резко) реформаторского — и окаменело-ортодоксального: не только ничего не менять в развитии, но вообще, по возможности, восстановить дореволюционный дух и строй Церкви. (Однако: как ничто в России не может вернуться к дореволюционному бытию — так не может вернуться и Церковь. Поиск и движение неизбежны и при глубокой верности традиции.) Ежегодные архиерейские соборы усердно работают над этими проблемами; но много надо мужества — осознать их открыто и со всеми выводами. (И когда же дойдёт до истинного примирения с нашей кореннейшей ветвью, со старообрядцами? не до “прощения” их, а принесения им раскаяния за жестокие гонения в прошлом. Неужели и сегодня, когда вся разорённая Россия не ведает, быть ли ей, в эту великую русскую Беду, — мы и тут всё не можем из гордыни признать ту древнюю тяжбу надуманной?)

В наше новоязыческое время звучат и раздражённые голоса против “расслабляющего” христианства, якобы губящего нашу национальную историю. И голоса, возвышающие патриотизм в ущерб православию и выше его. Разумеется, мы вступаем в веру как с нашими личными, так и национальными осо-

бенностями и мирочувствием. Но дальше, в ходе религиозного развития, если оно нам удаётся, мы возвышаемся до бóльших высот, до охвата значительно более широкого, чем национальный. Наше национальное распыление, произошедшее в XX веке, как раз и истекает из утери нами православной веры, из самоутопления в новом свирепом язычестве. При отказе от православия и патриотизм наш приобретает черты языческие.

Ныне на территории России ведётся активная "миссионерская" или даже пропагандистская деятельность инославных, иноверных и сектантских проповедников, изобилующих денежными средствами, подавительными в сравнении с нищетой нашей Церкви. Все эти проповедники (и даже организаторы образования и воспитания нашего юношества!) настаивают на своём *юридическом* праве на то. Допустим. Но юридическая ступень суждений — весьма невысокая ступень: *юридизм* изобретен как тот *минимальный* порог нравственных обязательств, без которого и ниже которого человечество может опуститься в животное состояние.

Однако ни исторически, ни мирочувственно, ни культурно, ни в душевном строе, ни бытийно — эти проповедуемые варианты не могут заменить нам православия. Уже сложилось так, что 1000 лет наш народ рос и жил именно в православии. И не пристало нам теперь от него отшатываться, но прилагать его в благоразумии, в чистоте, при грядущих и новых соблазнах ещё и XXI века.

Сегодня, пусть несовершенные, но всё же весьма скромные государственные меры к защите традиционных в России религий вызвали гневную газетную волну (разумеется, радостно подхваченную радио-

станцией "Свобода") — но не против этих всех религий, нет, тут не атеизм, а именно и только против православия: нам грозит "православизация всей страны", "казарменное православие". "Патриарх систематически сращивает патриархию с МВД". И даже такое: эта Церковь "тоталитаризм впитала как материнское молоко", она — "один из рычагов отката общественного сознания", предсказываются ей "скандальные разоблачения", "не исключая сотрудничества Церкви с криминальными структурами". Да что там! да в духе той запредельной развязности, какая числится высшим стилем нынешней российской прессы: даровано "Патриархии право первой ночи", "сегодня нами правит не Ельцин, а Алексий II".*

Из тех, кого в безгласное время миновало красное копыто, — теперь, в гласной России, глумятся над православием, над всяким несовершенным проявлением веры, и у них не встречают уважения десятки тысяч мучеников, потоптанных теми копытами. Смутен же обрыв Тысячелетия христианства на Руси.

Но тем сложней положение думающих, ищущих епископов, священников: церковные формы не могут костенеть вторую Тысячу лет, они сами просятся к развитию, к утончению в подвижной, бурной эпохе. А круги, пребывающие в застылой недвижности, то и дело "смиряют" их, осаживают. И — что делать? Открытый спор, распрямление встречают оценку "духовного бунта", а главное — вносят в Церковь дух раскола? десятижды нежеланный при этой внешней яростной атаке. Но как тревожно, как угнетает опасная возможность, что ответом станет — самозакрытие, цепенение Церкви.

* "Общая газета", 31.12.1997, с. 10.

А в сегодняшней разгромленной, раздавленной, ошеломлённой и развращаемой России — тем видней: вне духовной укрепы от православия нам на ноги не встать. Если мы не бессмысленное стадо — нужна же нам достойная основа нашего единства.

Преданно и настойчиво нам, русским, следует держаться за духовный дар православия — уж видно, что из наших последних, теряемых даров.

Именно православность, а не имперская державность создала русский культурный тип. Православие, сохраняемое в наших сердцах, обычаях и поступках, укрепит тот духовный смысл, который объединяет русских выше соображений племенных. Если в предстоящие десятилетия мы будем ещё, ещё терять и объём населения, и территории, и даже государственность — то одно нетленное и останется у нас: православная вера и источаемое из неё высокое мирочувствие.

33. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Повседневная реальная жизнь людей зависит — на четыре пятых или больше — не от общегосударственных событий, а от событий местных, и потому — от *местного самоуправления*, направляющего ход жизни в окру́ге. Именно так и регулируется жизнь в странах Запада: через эффективное местное самоуправление, где каждый имеет возможность участвовать в решениях, определяющих его существование. И только такой порядок есть *демократия*.

А что такое были у нас *советы депутатов*? Отначала же, в 1917, советы (искажённая копия дореволюционного земства) были созданы не как пред-

ставительства ото всего населения, а для политической цели: как орган диктатуры одних слоёв (рабочие, солдаты) над другими слоями. В дальнейшем ходе революции советы потеряли и эту роль и стали лишь декорацией власти компартии. И подчинялись они не только местным партийным органам, но и центральным "советским", сверху вниз по своей "советской вертикали", что лишало их и последнего облика местной самодеятельности.

При перевороте августа 1991 возникла наивысшая возможность создать в России демократическое народное самоуправление — "демократию малых пространств". Ещё не потеряна она была и в октябре 1993, при роспуске советов. Но наши центральные власти не сделали и движения к тому, головы их были заняты расчётами другими. Первые попытки местного самоуправления душились, из соперничества, и политическими партиями, их совместным фронтом (как это было в Красноярске с 1991: коммунисты и демократы из "Выбора России", заодно; да не в одном Красноярске).

И обе наши Государственные Думы, одна за другой, равнодушно тормозили выработку дееспособного закона о местном самоуправлении, который открыл бы ему законные пути и финансовые возможности. Принятые ими законы-выкидыши не открыли этих возможностей. А ведь по Конституции 1993 года, статья 12, "признаётся и гарантируется местное самоуправление", его "самостоятельность" и что оно "не входит в систему государственной власти", — так дайте же такое наконец! Нет: где и состроено подобие самоуправления, оно есть подчинённый придаток управления государственного. (С другой стороны, опрометчиво имитируя несозданное самоуправление —

государственная власть пошла на рискованное разрушение собственной вертикали, допустивши выборность губернаторов, затем, местами, и районных администраторов. При сегодняшнем параличе центральной власти это может, да, оживить и облегчить жизнь в областях — но *временно.* А во сколько-нибудь дальновидном обзоре это ведёт к утере единого управления государством, к возможностям сепаратизма и даже распада. Такая цена неразумно уплачивается всего лишь из боязни вырастить подлинное народное самоуправление, из боязни объединительных — помимо власти — движений в народе.)

Ещё бы! Очень нужно *законодательное* открытие пути к народному самоуправлению. Но если, вот, за пять лет, от разгона советов, не дождались — сколько ждать? Нам, видно, не скоро его дадут, а если дадут, то урезанное и без местных финансов. В отдельных областях более разумные, отзывчивые губернаторы, кому слышней и видней народное горе, быть может, пойдут на помощь пошире.

Но даже если не откроют нам путей местного самоуправления — в жизненных интересах народа: тем, кто не потерял ещё активности, надо действовать, самим! — не дожидаясь разрешительных законов от закостеневшего Центра: он может ещё нескоро, нескоро очнуться. В сегодняшней России — и многое пребывает в отказном состоянии: нельзя — и всё.

Начинать с терпеливого решения местных частных проблем. Объединяться для этого по каждому возникающему поводу — бытовому, профессиональному, культурному, в круге житейского интереса. Объединяться в активные общественные, профессиональные, культурные группы. В любом месте и в лю-

бом малом числе работать над каждым краткосрочным или долгосрочным делом. Всякое такое объединение — это форма и способ перешагнуть нынешнее лихое бесчувственное безвременье.

Стать главной движущей и работающей силой местного самоуправления — самое зовущее место для нашей провинциальной интеллигенции, ныне, мало сказать, невостребованной, но брошенной в нищете и отметенной в сторону метлою всех "шоковых" реформ. А ведь интеллигенция эта — честная, высокограмотная, трудовая, самоотверженно идеалистичная, многоотзывчивая, прямая наследница своих дореволюционных предшественников, — уникальное богатство России.

Каждые возникающие на месте очажок, звено, самодвижность — культурная, образовательная, воспитательная, профессиональная, краеведческая, экологическая, землеустроительная, хоть садовоогородная, — они все и есть деятельные зачатки местного самоуправления, даже будущие составные части его структуры. Им — и соединяться в общих усилиях, и начинать направлять местную жизнь, разумно, спасительно, а не в тупик, как загоняет нас многое начальство и столько Указов. Может быть, для начала придётся сплачиваться и прежде, чем станут возможны законные полноценные выборы местного управления.

Возражают: но ведь мы — *не умеем*! Ведь у нашего народа слабое правосознание! Однако беды, в которые теперь народ попал, динамично обостряют его правосознание. В самом *процессе* борьбы за народное самоуправление — оно и будет крепнуть. Да не сразу же всё создать в законченном виде! нет, последовательными приближениями, на пробу.

И так возразят: да где набраться способных людей? А что́ — *на верхах* мы видим способных больше?

Но ещё уничтожительней возражение: как создавать без денежной основы? как обеспечить новорожденному самоуправлению финансовую независимость? Повсюду слышал: "Налоги платим, а с них ничего не остаётся нам самим, для нашей местности." Да, налоги, собираемые с местного имущества, местных предприятий, промыслов, местной торговли, развлекательных заведений, туризма, — должны все оставаться для использования местного (но не по местному произволу, а по предусмотрению закона). И ещё: налоги с залежей местного значения — камни, глины, водяные источники, — однако н е н е д р а! Недра и леса общегосударственного значения не принадлежат ни тому счастливчику-селу, ни тому счастливчику-району, области, автономной республике, — н е т! Они принадлежат т о л ь к о всему государству в целом! И ещё: успеть бы каким-то испоследним законом остановить "приватизационное" раздаривание местной собственности.

И наконец: не все же новобогаты — с обезумелым волчьим сердцем. Есть же средь них и открытые к благотворению, как это всегда велось на Руси. Среди нововыросших предпринимателей, утвердившихся денежно, есть же и порядочные люди — и они своим благотворением уже помогают добрым начинаниям. А другие — помогут завтра. У тех из них, кто сознаёт ответственность перед судьбой России, есть большие возможности повлиять на качество нашего образования, культуры — а даже и шире того. Да в е с ь народ никогда и не действует как целое; не ото всего сразу народа и ждать начала осмысления и движения. Река начинается с ручейков. Разные частные проблемы пе-

ресекаются, сочетаются — так и сольются в одно общее движение.

В нынешние тяжкие годы, когда центральная государственная власть России открыто для всех потеряла благонаправленное управление страной, — Россию нельзя спасти без энергичного, деятельного народного участия.

Если мы сами не готовы к самоорганизации — не на кого нам жаловаться.

Проверка нас самих, чего мы стóим и какой же достойны судьбы.

34. ЗЕМСКАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Безотложно созданное местное самоуправление — в дальнейшем может стать основанием для постепенного построения *земской вертикали*.

В огромной и разнообразной России одна лишь центральная правительственная власть, изливаемая сверху вниз, не может обеспечить благоденствия народа. Необходимо встречное, снизу вверх, влияние.

Ещё в Московской Руси, четыре века назад, существовала система *договорных грамот* между *местом* (посёлком, местностью) и вышестоящей властью: чтó обязано место выполнить и отдать государству, а чтó обязывается встречно власть. Эти грамоты опубликованы, можно читать их, дивиться и учиться: насколько же мы были 400 лет назад предусмотрительней, обязательней, взаимодоверительней. (Хотя сегодняшняя власть и подписавши бы — станет ли выполнять?)

Так уже в XVI веке в России действовало местное самоуправление — з е м с т в о. Оно прекращалось

при петербургской династии, снова возродилось при Александре II — и живительно действовало до самой революции. Большевикам эта народная самодеятельность стояла поперёк горла, и они тотчас разогнали земства повсюду. (Но историческая память нашего народа так затемнена, а испуг от прожитых десятилетий так велик, что слышал я: "Чтó это — земство? А не будут в него загонять, как в колхозы?")

Земство — это объединение всех людей, живущих в данной местности и имеющих занятие в ней. Объединение *вне*политическое, *вне*партийное и *вне*национальное, оно не может зависеть ни от партийного признака, ни от национального, — иначе оно теряет свой смысл и назначение.

Земская система есть форма *народного самоуправления*, во всех ступенях своих живо связанная с народными интересами и потребностями. Она сущностно отличается от стандартного парламентаризма и от ныне действующей у нас политизированной избирательной системы — тем, что открывает путь для истинных, достойных представителей народа, постоянно ответственных перед населением избравшей их местности.

Принципиально отличается земство и тем, что принятие в нём решений основывается не на количественном механическом подсчёте голосов, но на *качественном* сопоставлении мнений и учёте интересов всех представленных социальных групп, сообразно их вкладу в жизненное существование данной местности. Это отличается от современной практики, но соответствует издавней русской традиции обсуждений и решений: от сельской общины и до всероссийского представительства — должна взвешиваться *правота доводов*, а не число голосов; особые мнения

не должны быть просто подавлены голосованием, надо искать формы не простого большинства. Конечно, первое условие тут — благоприятствие взаимных отношений, способность выслушать и понять другого. А без этого — и не начинать, без этого — и никогда ничего доброго у нас не вырастет.

Земская власть полномочна распределять местные средства и — разветвляясь на местную образовательную систему, медицину, сохранение природы, противопожарную службу, аварийную, агрономическую, мелиоративную, дорожное и бытовое строительство, помощь нуждающимся, краеведение, статистическое изучение происходящего и ещё десятки плодоносных направлений — становится, собственно, не *властью*, как администратор из правительственной вертикали, а органом целя́щим, восстановительным, воспитательным, убеждающим, открывающим простор для разумных и действенных сил населения.

Поскольку в нынешних условиях земство мыслится для всех видов поселения, встаёт вопрос: как именно может строиться народное самоуправление в *крупных городах?* Мы не берёмся предлагать, сознаём, что тут недочёт, это требует отдельной основательной разработки. (Начиная с выборности главы ЖЭКа? дворовых, квартальных, уличных комитетов?)

Но *в общем* виде, для страны, органичны были бы четыре ступени самоуправления: местное — уездное — областное — всероссийское. (Уезд — это устоявшееся русское, очень понятное слово. Сегодня удобно понимать под ним обычный административный *район* — в отличие от внутригородских "районов" и "микрорайонов".)

При выборе в местное земство (это "сельсоветская" группа деревень или некрупный посёлок) по

однородности населения, очевидно, без нарушения справедливости может быть применено обычное количественное голосование. Однако уже в уезде население разнообразно по занятиям и социальным интересам — и следует все главные из них представить в уездном земстве. Это может быть достигнуто издревле известной системой "курий", сословно-корпоративного устроения: однородная группа избирателей шлёт в выборный орган своего представителя. В низшем земстве, очевидно, достаточно старшины (на оплате) и ещё двух членов правления (без оплаты) при нём. В уезде сама местность, по своим особенностям, устанавливает число членов уездного земского собрания (они — не получают зарплаты за своё участие, они — не чиновники, но радетели местного блага, на том и действуют, и лишь исполнительный орган, земская управа, состоит из минимального числа платных служащих). Соответственно то же — и в областном земском собрании (не так, как в нынешних областных законодательных: депутаты состоят на содержании у исполнительной власти, а значит и зависят от неё), и в областной земской управе. Сам земский аппарат не должен заметно обременять земского бюджета.

Та же оговорка и тут: а найдётся ли столько бескорыстных людей, способных отдавать силы и время спасению своей местности? Ну, а если не найдётся — мы не сто́им ничего как народ, тогда, в ослаблении, оставим все заботы.

Также в каждой местности, по её традициям и разумению, устанавливается для участия в земстве свой возрастной ценз и ценз оседлости: как для права голосовать, так и для права быть избранным — свой минимальный возраст, обеспечивающий ответ-

ственность избирателя, и минимальный срок проживания, обеспечивающий соучастность в делах местности. (При нынешней усиленной миграции — срок проживания в этой местности, вживанья в неё — важное условие. А ещё, мне сейчас толково предлагают на встречах и в письмах: пусть на случай проявленной непригодности будет сильно упрощена процедура отзыва депутата. И этот порядок сам по себе уже есть эффективнейший народный контроль.)

Такая земская система коренным образом решает и национальные осложнения: реальная вненациональность её устраняет подбор управляющих лиц по национальному признаку, как это имеет место сегодня во многих автономиях, даже при меньшинстве "титульной" нации; напротив, в местах сплочённого множественного проживания какой-либо нации — местное самоуправление естественно формируется главным образом из неё. Так истинная, а не голословная, демократия сама собою снимает межнациональные напряжения. Любые привилегии или стеснения по национальному признаку разрушают самый принцип земства. Национальное же творчество повсюду сохраняет свою особость в отношении религии, культуры, образования, школы. (Может быть, лишь особый уклад жизни пространственно рассеянных малых северных народов Сибири диктует для них — отдельную форму самоуправления.)

В последние годы земское движение уже и начиналось самопроизвольно в разных концах России — да опало, где без поддержки, где от противодействия властей и безденежья.

По мере того как — и если — земство начнёт реально создаваться, его и на местах, и целоохватно (как уже существующие Российское Земское Движение,

несколько локальных Земских Союзов) подстерегают новые опасности: и которых ещё нельзя сегодня предвидеть, и уже предвидимые, уже явные. Одна опасность — корыстное использование земского движения политическими партиями и отдельными политиками — как возможного избирательного резерва (такие признаки уже есть). Вторая — создание псевдоземских движений: использование лозунга земства в каких-либо иных целях. Третья: местные воздействия на земский процесс насилиями и угрозами. (Когда я в сибирской поездке призывал слушателей не промахиваться хоть в местных выборах, — ибо в центральных, не зная кандидатов, скорее ошибутся, — мне отвечали: так в *местных*-то и страшно высказываться, тут мы все на виду, вот и прижмут меня.) Ещё опасность: при нынешней распущенности нравов самоуправление в каких-то местах может стать формой самоуправства.

Введение земской системы не может быть иным, как медленно постепенным, как дерево растёт, не задаваясь никакими искусственными сроками. Лишь после успеха в осуществлении земства местного, допустимо расширять и развивать опробованные методы — для создания земства уездного, позже — и областного. (*Ступенчатую* систему введения земства в России я и предложил в “Обустройстве”.) Развитие ступенчатой системы отнимет немало лет: чтобы каждая ступень имела время освоиться с задачами — и выделить представителей в ступень вышестоящую. (Конечно, и об этой, как и любой другой предлагаемой системе так же возразят: “да всё равно пролезут карьеристы и воры!” Но это — философия отчаяния: тогда вообще не надо ни искать, ни предпринимать ничего, а сразу опустить руки: мы погибли.)

Однако, глядя вперёд в отдалённое время, если и когда Россия приобретёт успехи и навыки в земском самоуправлении, будем надеяться на создание и вершинной системы земства — Общероссийского Земского Собрания (в нашей истории — Земские Соборы). Выросшее из многоместного сознательного, бескорыстного и жертвенного опыта самоуправления, оно с большей вероятностью представит собой *действительную* волю народа, не ту показную, которую изображают ныне политизированные парламенты. Оно увенчало бы собой всю земскую вертикаль власти — по реальным полномочиям и родам деятельности самую широкую внизу, а кверху — с ограничением компетенции, но высоким моральным весом. (По старорусской формуле: "Царю власть — народу мнение." И если это *мнение* весомо высказано — то им не пренебрежёшь. Ключевский отмечает, что в Московской Руси Земские Соборы не противостояли царю, а сотрудничали с ним.)

Такая земская вертикаль, независимо выросши рядом с вертикалью правительственной (у которой наибольшая компетенция наверху, но сильное сужение её книзу), создала бы в России *сочетанную власть — государственно-земский строй*, — при котором одновременно и сохраняется централизованное государственное управление — и жизнь народа реально направляется им самим. На каждом уровне — местном, уездном, областном и высшем — правительственная вертикаль проверяет земскую на строгое выполнение законов, а земская правительственную — на честность и открытость ведения дел. И президентская власть так же оказалась бы под сóвестным просвечиванием земской вершины (чего ныне так не хватает нам).

Государство должно строиться одновременно и сверху, и снизу.

35. А СОПРОТИВЛЕНИЕ?

Нынешняя власть упоена своею собственной обогатительной жизнью, и интересы народа для неё — в полном пренебрежении, она их не чувствует, и мало надежды, что почувствует в следующих накатах. Нравственные требования — выше тех, какие можно вставить в любую Конституцию, и конституционная ответственность Правителя не возвышается до публичного признания своих ошибок и провалов.

Олигархия — сплочённая хунта, захватившая и деньги, и национальные богатства, теперь уже и власть, добровольно не допустит никакой смены себе, а понадобится — без колебаний применит для того и выращенные, укреплённые многочисленные *внутренние войска*.

И напрасны надежды, что нынешняя власть или те, что сменят их через "выборы", заплавленные денежными миллиардами, — позаботятся о судьбе вымирающего народа. Этого — не будет. Нет вредней, как цепляться за иллюзии, они отнимают у нас ещё возможные верные шаги.

И в этом круговом замкнутии — как же нам? Сколько раз я слышал этот настойчивый вопрос в разных углах России. Как стряхнуть с себя обречённую отданность? Как нам преодолеть в себе с т р а х? Во всемирной истории не раз звучал клич отважных: "Свобода или смерть!" Неужели наш удел — лишь стон: "Покорность или смерть..."?

Но чего нельзя, нет, — решать дело оружием. Это

значило бы — допоследне развалить нашу жизнь и погубить народ. Оружейные песни не знают доброго конца.

Однако же, кто не видит? — какие-то клоки свободы всё же брошены нам сейчас, допущены — и как же можно не использовать их? Вон, шахтёры как-то пытались создавать "комитеты спасения", независимые от властей. Может быть, и так. Может быть, это и лучшая форма, когда народ доведен уже до крайности. Наше спасение — только в нашем самодействии, возрождаемом снизу вверх.

Ах, если бы, если бы мы были способны к истинному всеобъединению: мирными средствами, но воистину *всенародно* выразить наш гнев — так, чтобы власти в своём мраморном корыте задрожали и очнулись. В других странах такими массовыми выходами и поворачивают ход своей истории.

А пока не способны, то вот и правило: *Действуй там, где живёшь, где работаешь!* Терпеливо, трудолюбиво, в пределах, где ещё движутся твои руки.

36. СТРОИТЕЛЬНОЕ

Множественное большинство русского народа ныне пригнетено своей беспомощностью, ограбленностью, нищетой. Но не уклонимся осознать и страшней: русский народ в целом потерпел в долготе XX века — историческое поражение, и духовное, и материальное. Десятилетиями мы платили за национальную катастрофу 1917 года, теперь платим за выход из неё — и тоже катастрофический. Мы сломали не только коммунистическую систему, но доламываем и остаток нашего жизненного фундамента.

Осознать — не значит принять и покориться. Но значит: опомниться, пока ещё не истекли все сроки. Успеть найти направление выхода и напрячь силы к нему.

А раньше всего — к нашему внутреннему выздоровлению.

Ибо больней и опасней нашего хозяйственного хаоса — наш кризис духовный. Если дать подорвать и душу народа — это уже его уничтожение. "Нечего и браться за восстановление России без совести и без веры" (Ив.А.Ильин).

Если мы действительно способны высвободиться из того примитивного материалистического мироучения, в котором воспитывали нас десятилетиями, что бытие, бытие, бытие определяет сознание, то нам неизбежно понять и принять: будущее наше, и наших детей, и нашего народа — зависит первей и глубинней именно от нашего сознания, от нашего духа, а не от экономики.

Страшней того, как успели разграбить и распродать Россию, — откуда выросло из нас это жестокое, зверское племя, эти алчные грязнохваты, захватившие и звание "новых русских"? с таким смаком и шиком разжиревшие на народной беде? Ведь ещё губительнее нашей нужды — это повальное бесчестие, торжествующая развратная пошлость, просочившая новые верхи общества и изрыгаемая на нас изо всех телевизионных ящиков.

И ещё — эти легкопокупные "киллеры"? (Бог миловал, русского слова для них не нашлось.)

И — где последний рубеж этого скатывания?

И — с кого бы нашей молодёжи брать пример? кем — гордиться?..

Да разве это — мы, какими знаем себя по веко-

вой цепочке? Разве девиз "как можно богаче!" — наша отечественная традиция? Разве напряжённая гонка, так властно охватившая души, — "личный успех!", "лишь бы я преуспел, во что бы то ни стало!" — это наша извечная черта? Да нас веками и высмеивали за то, что нет у нас такой черты.

Так неужели ж этой новой изломной порче — молча отдадим души наших детей? Ведь — уводят их прочь, уведут! Мы уже, уже теряем возраст за возрастом!

Что потеряли мы в *землях* — это для России ещё не потеря. И после всего отрезанного от нас — населена Россия ещё так прореженно, как не допустит XXI век. "Великими" коммунистическими стройками мы разрушили то, что демографы называют *живая ткань расселения*. Прежде чем от нас отошли государства с миллионами русских — мы внутри России потеряли саму Россию, "бесперспективную" нашу колыбель.

Нет, не в земельных просторах наш главный понесенный ущерб. Духовная жизнь народа важней обширности его территории и даже уровня экономического процветания. Величие народа — в высоте внутреннего развития, а не внешнего.

И последнее, что у нас ещё осталось отнять, — и отнимают, и воруют, и ломают ежедень — сам Дух народа. Вот этой разбойной, грязнящей атмосферой, обволакивающей нас со всех сторон.

За эти четыре года поездив, поездив по России, поглядев, послушав, — заявлю хоть под клятвой: нет, наш Дух — ещё жив! и — в стержне своём — ещё чист! Там, там, на встречах, — не я сказал, мне говорили, меня убеждали: "Только бы спасти душу народа! — и спасётся всё!"

Да. Д у х — способен изменить направление любого, наигибельного процесса. Откатить и от самого края бездны. Кому — не поверится. Но кто за жизнь свою уже убеждался в правоте и могуществе Высшей Силы над нами — тот поверит, что и после прокатанного по нам столетия — есть у русских надежда. Не отнята.

Ощутить каждому, что ты — не щепка, что ты *можешь* повлиять на идущее: когда — через бесстрашие, когда — через выдержку. А иначе — кому же вытягивать? детям? внукам? Да разве им будет легче?

Никогда мы ничего не дождёмся от властных благодетелей, прежде чем поверим, что мы сами — исполнители своей судьбы. Только м ы с а м и, если имеем волю не сгинуть с планеты вовсе (а это — грозит), должны своими силами подняться из нынешнего гибельного прозябания. Изменить — само поведение наше: усталое безразличие к своей судьбе.

Как преодолеть нам всегдашний наш порок — косность, вялость в общественной жизни?

Впрочем, всякий порок — оборотная сторона добродетели. Строгий судья русской судьбы Чаадаев писал [письмо Тютчеву]: "Почему же мы до сих пор не осознали нашего назначения в мире? Уж не заключается ли причина этого в том самом духе самоотречения, который Вы справедливо отмечаете как отличительную черту нашего национального характера?" — Может быть, и наше самоотречение, и ещё какие-то ростки душевные кому-то в мире тоже пригодятся?..

Мой *дух*, моя *семья* да мой *труд* — добросовестный, неусыпный, без оглядки на захлёбчивую жадность воровскую, — а как иначе вытягивать? Хоть

бы и секира опустилась на воров (нет, не опустится), а без труда всё равно ничего не создастся. *Без труда — нет добра.* Без труда — и нет независимой личности.

Долог путь, долог. Но если мы опускались едва не целое столетие — то сколько же на подъём? Даже только для осознания всех утрат и всех болезней — нам нужны годы и годы.

Сохранимся ли мы физически-государственно или нет, но в системе дюжины мировых культур *русская* культура — явление своеобычное, лицом и душой неповторимое. И не пристало нам обречённо отдаваться потере своего лица, ронять дух своей долгой истории: мы больше можем потерять дорогого своего, чем приобрести чужого взамен.

Не нынешнему государству служить, а — Отечеству. Отечество — это то, что произвело всех нас. Оно — повыше, повыше всяческих преходящих конституций. В каком бы надломе ни пребывала сейчас многообразная жизнь России — у нас ещё есть время остояться и быть достойным нашего нестираемого 1100-летнего прошлого. Оно — достояние десятков поколений, прежде нас и после нас.

И — не станем же тем поколением, которое всех их предаст.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕПРИМИРИМОСТЬ

БЫТЬ ЛИ НАМ, РУССКИМ?

А. Солженицын
С60 **РОССИЯ В ОБВАЛЕ.**
М.: Русский путь, 1998 — 208 с.
ISBN 5-85887-030-7

Эта работа продолжает серию крупных публицистических работ автора о положении в нашей стране и проектах общественных преобразований:

"Письмо вождям Советского Союза" — 1973,

"Как нам обустроить Россию?" — 1990,

"Русский вопрос к концу XX века" — 1994.

В предлагаемой книге рассмотрены государственные, общественные, национальные, нравственные и бытовые процессы, происходившие в нашей стране за последнее десятилетие, происходящие ныне, и доступные оценки на будущее.

ББК 84(2Рос)6

Александр Исаевич Солженицын

РОССИЯ В ОБВАЛЕ

Редактор
Н.Д. Солженицына

Оформление
С.А. Стулова

Корректор
И.В. Леонтьева

ЛР № 040399 от 03.03.98.
Подписано в печать 13.05.98.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,5. Тираж 30000 экз.
(4-й завод 5000 экз.)
Заказ № 2018

ЗАО "Русский путь"
109004, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2, стр. 1
Тел. (095) 915-10-47

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО "Типография 'Новости'"
107005, Москва, ул. Ф.Энгельса, д. 46

20-00

ISBN 5-85887-030-7
9 785858 870302 >